

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2010

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития (SIDA), группы компаний «Рольф»,
Фонда Ч.С. Мотта.*

Содержание

№ 2 (52) 2010

К читателю	5
Семинар	
<i>Историческая политика</i> Арсений Рогинский, Максим Трудолюбков	8
<i>Дискуссия</i>	15
<i>Заметки с семинара</i> Константин Барановский	24
Тема номера	
<i>Инновационная экономика в России – что делать?</i> Анатолий Чубайс	27
Вызовы и угрозы XXI века	
<i>Европа после кризиса</i> Альберто Карнеро	43
Гражданское общество	
<i>Поиск общего языка</i> Алексей Шмелев	49
Россия и Европейский союз	
<i>Есть ли место Европе в российской внешней политике?</i> Тома Гомаф	58
Ценности и интересы	
<i>Культурная революция</i> Максим Трудолюбков	65
Политэкономия российского капитализма	
<i>Режим мягких правовых ограничений: природа и последствия</i> Кирилл Рогов	73

Региональная и муниципальная жизнь

Культурный хаос 84
Татьяна Шевцова

Новые практики и институты

*«Умная политика»:
молодежь в Российской ассоциации политической науки* 89
Наталья Иост

Интервью

*Тысячелетие несбывшихся надежд
(К 1000-летию Ярославля)* 94
Анастасия Корникова
Павел Исав

Наш анонс

Дух Просвещения 99
Цветан Тодоров

Книги

Ходорковский, Путин и дело ЮКОСа 108
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 111
Максим Васюков

Контрапункт 113
Владимир Рыжков

Nota bene

Американцы 120
Саяна Шагжина

*В оформлении этого номера
использованы работы авторов из Нидерландов, Франции, США*

К читателю

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

Мы часто говорим «понял(а)», «решил(а)», «подумал(а)» и произносим эти слова механически, в отличие, например, от ученого, для которого то, что он понял или решил, обязательно предполагают анализ и доказательство того, что и как им было подумано и понято на уровне теории. Этим наша повседневная жизнь отличается от жизни в профессии.

А для философа проблемой является само слово «подумал», потому что остается тайной, чем человек думает, или мыслит. Мозгом? Но что отвечают на этот вопрос ученые и конструкторы современных суперкомпьютеров, способных выполнять миллиарды «мыслительных» операций в секунду? Что им еще далеко до возможностей человеческого мозга и что цель искусственного интеллекта — раздела вычислительной математики, занимающейся теорией и разработкой компьютерных программ и систем, — создание компьютеров и роботов, лишь *имитирующих* мысль и поведение человека. То есть используемых для распознавания образов, распознавания речи, для машинного перевода естественных языков, в качестве машинного зрения.

Сформулировать *живую* мысль можно, но создать ее искусственно невозможно.

И в этой же связи еще вопрос: являются ли — когда мы думаем — синонимами, то есть близкими по своему значению, слова «понимать» и «объяснять»?

Если рассуждать в терминах причинно-следственных связей, в рамках логики естественно-научного теоретического мышления, то определенная синонимическая связь между ними существует. Вот как эти понятия определяют уважаемые мной авторы одного из словарей. «Объяснение — одна из функций научной теории и науки в целом... В настоящее время именно наука делает для нас *понятными* встречающиеся явления, поэтому объяснение служит образцом для

всех сфер человеческой деятельности, в которых возникает такая потребность».

«Понимание — универсальная операция мышления, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений. Понимание наделяет смыслом объекты социально-культурной и природной реальности и вводит их тем самым в привычный и связный мир человека. Оно всегда обусловлено социально-историческими и культурными *предпосылками*»*.

Как следует из приведенных определений, объяснить значит сделать что-то понятным, когда понимание, в свою очередь, наделяет объекты социально-культурной и природной реальности смыслом и выводит нас на проблему предпосылок научного познания. К которому, добавлю, философия имеет опосредованное отношение, потому что философ вправе спросить: а откуда берутся предпосылки и появляются смыслы? В результате объяснения или понимания, учитывая, что принцип понятности лежит в самом начале возникновения науки? Где тот родник, или источник, «чистой мысли», не поддающийся компьютерной формализации, питающий полноводную и временами бурную реку смыслов, противостоящих иллюзиям и предрассудкам?

В свое время Декарт заявил «мыслю, следовательно, существую» после процедуры радикального сомнения во всем, что человек воспринимает своими органами чувств, и тем самым заложил основы рационального познания (от лат. *ratio* — метод, путь, разум) не только природы, но и общества. То есть научил людей думать так, что они смогли создавать современную технику, и о том, что их «существование» зависит от мысли, происхождение которой продолжает при этом быть тайной, о чем свидетельствуют в том числе и такие понятия, как «сознание» и «совесть», в которых частицей «со» гений языка соединил знание с тем, что выходит за его пределы, и весть с неким невидимым посланником. Поэтому не стоит забывать, следуя «методу» Декарта, о словах Спинозы: «Не смеяться, не плакать, но понимать», когда речь идет не просто об объяснении.

Итак, в случае научного познания природных явлений объяснение, безусловно, играет важную роль, поскольку используется его дедуктивно-номологическая модель, и переход от истинных предпосылок, то есть их ясного понимания, к заключению опирается на логический закон, в силу чего заключение всегда следует из принятых предпосылок. Правда, известный австрийский логик и философ математики К. Гёдель еще в 1931 году доказал невозможность полной формализации человеческого знания (известная теорема о неполноте). Однако в философии, начиная с XVII века, именно неопровержимая и одновременно недоказуемая «полнота» декартовской фразы «мыслю, следовательно, существую» стала рассматриваться в качестве основания чело-

* Ивин А.А., Никифоров А.Л. *Словарь по логике*. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — С. 239, 270–271. (Курс. мой. — Ю.С.)

веческой возможности вообще иметь идеи или понятия для рационального анализа природы и общества.

А теперь вспомним Маркса и его знаменитый 11-й тезис о Фейербахе: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*; es kömmt darauf an, sie zu *verändern*» (Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его). Почему вместо слова *verstehen* или кантовского *begriffen* (понимать) Маркс употребил слово *interpretieren*? Каких философов он имел в виду? Какую философскую традицию?

«Учение Маркса всеильно, потому что оно верно», — провозгласил ученик и последователь Маркса Ленин. А «великий продолжатель» его дела Сталин добавил — «бессмертно». Из чего можно заключить, что речь в данном случае идет о «науке веры». Большевики действительно поверили в необходимость революционного «изменения мира» в соответствии с марксовской формационной схемой, увы, по-другому не скажешь, *телеологического*, интенционального *объяснения* общественно-исторического процесса, то есть не предполагающего рациональность человеческих действий, а указывающего просто на их интенцию — цель, которую обычно преследуют люди в истории. Тогда как модель рационального объяснения может быть использована, по словам авторов уже цитированного словаря, только «для сравнительно небольшого числа человеческих поступков, которые были предприняты после серьезного размышления».

В контексте этого рассуждения встает вопрос: способны и готовы ли мы сегодня *понять*, стоящие перед Россией проблемы модернизации, когда их понимание столь же важно, как и технологии? И следует ли ожидать от российской бюрократии понимания, что преодоление технологической отсталости страны на путях инновационного развития возможно лишь в результате реформирования политической системы и участия в этом процессе гражданского общества?

Историческая политика*

Арсений Рогинский,
историк, председатель правления общества «Мемориал»

Вопрос, который мы вместе с Максимом Трудолюбовым хотим с вами сегодня обсудить, я бы обозначил так: «Существует ли у нашего государства историческая политика и в чем она состоит?».

Пока еще мы, я имею в виду в том числе и находящиеся в этом зале, не очень-то привыкли к этому термину — «историческая политика». Да и существует он не так давно, с начала 1980-х годов, с того же времени вокруг него идут непрестанные дискуссии — сначала в Германии**, затем в Польше и других странах. В России проблемами, связанными с пониманием исторической политики, серьезно занимается историк Алексей Миллер, не так давно при его участии и под редакцией Марии Липман вышел специальный номер журнала «Pro et Contra», издаваемый Московским центром Карнеги, целиком посвященный этому сюжету (2009,

№ 3—4). Кроме того, для меня особенно важны статьи, посвященные разным аспектам российской исторической политики, социологов Льва Гудкова и Бориса Дубина, историков Никиты Соколова, Ирины Шербаковой, Александра Даниэля и других, многие публикации журналов «Ab Imperio» и «Неприкосновенный запас». Все это легко найти в Интернете.

Принятая в Германии словарная дефиниция «исторической политики» — это «интерпретация истории, обусловленная определенными политическими, то есть партийными мотивами, и попытки убедить общество в правильности такой интерпретации». Применительно к России я определил бы историческую политику более узко — как целенаправленные усилия государства, государственной власти по созданию такого образа прошлого, который эту власть устраивает.

Подчеркиваю, я имею в виду действия именно государства. Приведу совсем

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 12 июня 2010 г.

** См.: Ютта Шеррер. Историческая политика в демократических обществах. // Общая тетрадь, 2010, № 1 (50). — С. 48-55.

свежий пример, относящийся к нашему спору, почти скандалу, который продолжался два месяца — в марте и апреле — в связи с намерением мэра Москвы Лужкова развесить к 9 мая по городу портреты Сталина. В конце концов Лужков был вынужден отступить, но для нас сейчас важно другое. Если бы портреты развесили от имени московского правительства, это стало бы фактом исторической политики. Историческая политика — это то, что делается властью и от имени вла-

сти. А когда бабушки выходят на демонстрации с портретом Сталина или коммунисты закупают рекламную площадь и выставляют его изображение, это проявление представлений об истории и современности отдельных людей или групп. Разница принципиальная. А то многие сегодня говорят: как же так, сказали же, не будет к Дню Победы портретов Сталина, а портрет вон там висит, а еще где-то бюст его установили, или автобус его изображением украсили. Но если это было сделано не властью, это не историческая политика (как я ее понимаю) и не то, что я хотел бы сегодня обсуждать. Воля одних — прославлять Сталина, воля других — поступать наоборот. Для нас сейчас важно, что делает (или отказывается делать) государственная власть.

Историческая политика, как правило, обосновывается тем, что она направлена на борьбу с противником, внешним или внутренним. Этот противник якобы хочет утвердить вредную нашему отечеству версию прошлого. А мы должны дать ему отпор. В этом смысле созданная в мае 2009 года президентом Медведевым Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, без-

условно, тоже факт исторической политики, поскольку она исходит из того, что якобы внутри и вокруг России есть некие силы, которые хотят внедрить в общественное сознание ложные и наносящие вред России представления об истории. А Комиссия их выявит

Воля одних – прославлять Сталина, воля других – поступать наоборот. Для нас сейчас важно, что делает (или отказывается делать) государственная власть

и победит. В некотором смысле это прямое наследие советских мифов о «враждебном окружении» и «пятой колонне». Но только на «историческом фронте». И еще одно оправдание исторической политики — отсутствие должного уровня патриотизма в стране. Все у нас будто бы хорошо, только вот с патриотизмом плохо. А воспитывать этот подлинный патриотизм надо с юных лет. Отсюда повышенное внимание, которое государство уделяет школьным учебникам. О нынешней ситуации с российскими школьными учебниками по истории, о попытках (не слишком успешных) ученых-историков, и не только их, конечно, противоборствовать введению «единственно верного» учебника, надеюсь, скажет мой коллега Максим Трудолюбов.

Историческая политика активно проводится начиная с 1990-х годов практически на всем посткоммунистическом пространстве. В России ее признаки стали заметны с некоторым запозданием — в последнее десятилетие. В чем же она выражается практически? Перечислю вкратце.

В создании специальных учреждений для внедрения «правильной» версии истории. Так называемые Институты

национальной памяти созданы в Польше, в Украине, кажется, возникают в Балтии и т.д. Часто там работают вполне порядочные и профессиональные люди, но в целом я не могу с доверием относиться к этим структурам специальной «государственно-патриотической» направленности. Нашу «Комиссию по фальсификации» тоже можно отнести к числу подобных институций.

Сооружение памятников, посвященных определенным людям и событиям, установление мемориальных досок — и это историческая политика. Акцентирование в государственных СМИ одних исторических сюжетов и замалчивание других — тоже. Поддержка одних ветеранов и неподдержка других, установление новых государственных праздников, связанных с историческими датами, и отмена старых, написание соответствующих «государственному взгляду» новых школьных учебников, создание новых исторических музеев, заявления на тему истории высших государственных должностных лиц, декларации на эти темы высших органов государственной власти (парламентов, например), специальные «исторические» законы — все это элементы государственной исторической политики.

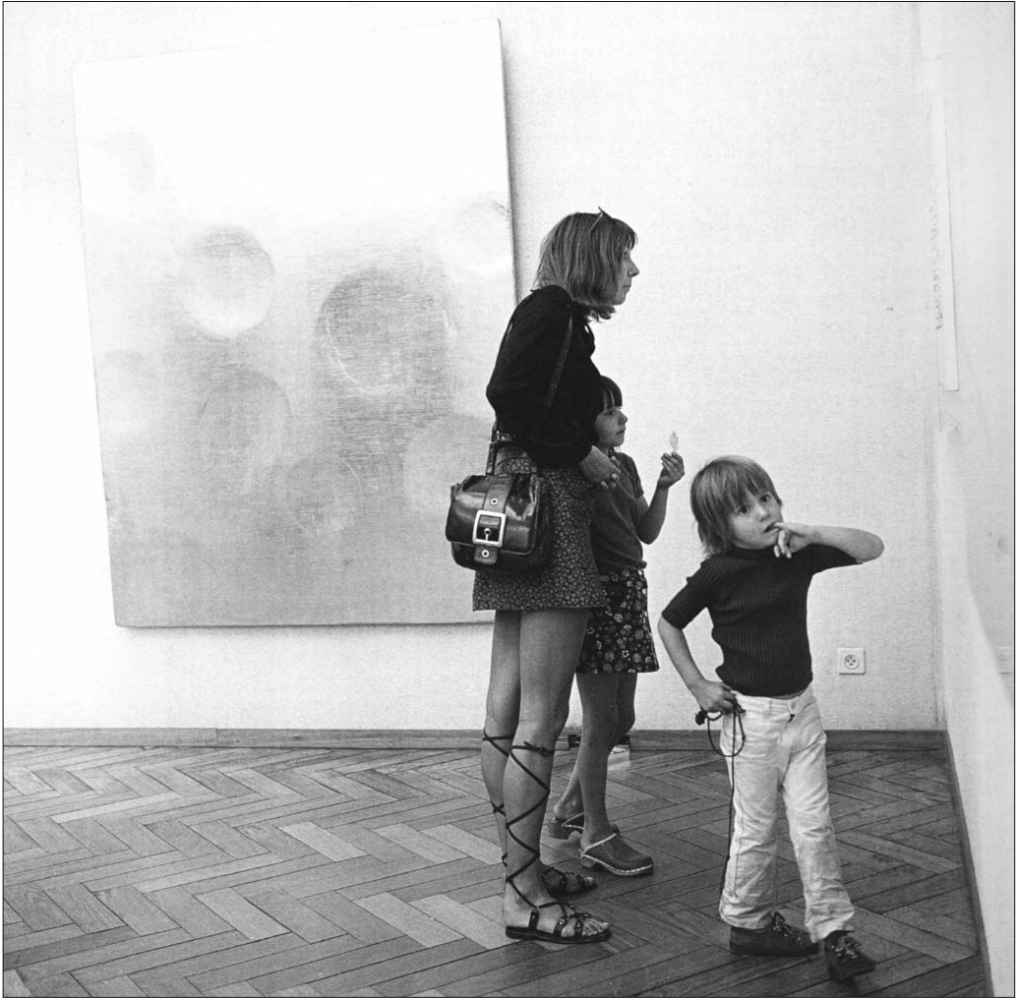
Я не упомянул еще музеи — тоже мощный инструмент исторической политики. В двух таких я в последний год побывал. Вот «Дом террора» в Будапеште. Вообще говоря, я не патриот в традиционном смысле этого слова и уж точно не патриот коммунизма, но этот музей, через который проводят всех школьников Венгрии, он меня поразил. Это такое классическое место для промывания мозгов. Там все черно-белое. «Все зло от коммунистов, от них и только от них», «коммунисты по отношению к нам

(Венгрии) — внешняя сила». Или Музей оккупации в Тбилиси, где вся история делится на две части: сначала все было плохо, всегда жили под чужеземной (то ли советской, то ли русской) пятой, но мы всегда боролись за свою свободу, а потом произошла «революция роз», пришел нынешний президент и начался отсчет «новой истории».

В связи с этими музеями, особенно грузинским, вспомню еще один сюжет. Сравнительно недавно группа вполне лояльных российских историков проанализировала подробно около 200 школьных учебников, изданных в странах — бывших советских республиках. Выяснилась удивительная (но только на первый взгляд) вещь: объединяет эти учебники, за редкими исключениями, представление о России как о бесконечном источнике бед, постигших эти страны, как об источнике их несвободы. Все просто: во-первых, мы (наша страна) всегда были чьей-то жертвой (преимущественно российской, вариант — советской), во-вторых, мы всегда боролись за свою свободу и независимость и вот теперь ее достигли. Можно, конечно, списать эту конструкцию на злонамеренную историческую политику руководителей этих стран, но ведь очевидно, что дело куда сложнее — здесь надо говорить и о национальной памяти, и о национальных исторических мифах, на которых покоится массовое сознание в этих странах.

Как же России отвечать на это?

Напомню давние слова нашего нынешнего премьера, что распад СССР — это величайшая геополитическая катастрофа XX века. Выходит, то, что для них (бывших республик СССР) — вершина истории, освобождение, для нас — катастрофа. Как согласовать эти два взгляда на историю? И мудрено ли, что

Ева Боснио. В Стеделик-музее. Амстердам, 1971

на нынешнюю Россию после таких высказываний (и многих других заявлений и действий) смотрят люди этих стран с недоверием и подозрением?

Ясно, что для России в основе здесь — отношение к Советскому Союзу и его наследию. Отношение это до сих пор Россия адекватно определить не смогла. Или не захотела.

Давайте рассмотрим это вкратце на примере явления, которое затронуло все народы страны, и которое непременно должно было стать важной частью российской исторической политики. Я имею в виду советский террор.

По самому скромному подсчету, в СССР было 11–12 миллионов жертв этого террора. Из них расстрелянных (по приговорам) примерно 10 процентов. На самом деле-то количество жертв куда больше, приведенные цифры основаны на том понимании «политической репрессии», которое содержится в российском законе о реабилитации, принятом в октябре 1991 года.

Так вот, есть ли сегодня в Российской Федерации общенациональный памятник жертвам политического террора? Я имею в виду не Соловецкий камень на Лубянской площади, установленный

«Мемориалом» в 1990 году (еще при советской власти!), а такой, как памятник жертвам холокоста в Берлине, поставленный государством и свидетельствующий об отношении государства к этой проблеме. Нет! И мемориальных досок жертвам в Москве, например, ни одной. Есть, конечно, доски выдающимся гражданам, некогда расстрелянным или отправленным в ГУЛАГ, но ведь в надписях на досках об этом не упоминается. «Здесь жил конструктор такой-то», или «маршал такой-то», а о том, что он жертва советского террора — ни звука.

Есть ли у нас общенациональный музей истории террора, государственный мемориал? Этого тоже нет. Уж сколько лет добивается этого общество, и даже благожелательные кивки с высшего уровня имеются, но решения, государственной «политической воли» как не было, так и нет.

Нет и общенациональной Книги Памяти жертв. А у соседей есть. Например, на Украине действует уже в течение многих лет государственная целевая программа, началась она задолго до Ющенко. Работа по составлению списков жертв почти завершена, хотя опубликованы они пока не все. То же самое в Казахстане и в странах Балтии, где полные списки жертв уже опубликованы. В России же это делается усилиями региональных энтузиастов и все зависит от того, есть ли в регионе давление общества на власть и какой там губернатор. Три года назад «Мемориал» собрал из всех Книг Памяти, которые есть в стране, материалы вот на этот диск, я его специально принес, чтобы показать, на нем 2,5 миллиона имен. Это лишь малая часть, потому что у нас не хватает ресурсов, а главное — доступа к архивной информации. Между прочим, затрудненный доступ к архивной информации о преступлениях

советского режима — это, конечно, тоже часть исторической политики.

Далее, сегодняшнее положение бывших узников ГУЛАГа. Знаете, какая была выплачена им компенсация? Около 100 рублей за месяц, проведенный человеком в тюрьме или в лагере. А если в ссылке, то уже ничего. Теперь помножьте: человек 5 лет просидел на Колыме и выжил, вся его компенсация — 6000 рублей. Правда, были у этих людей некоторые скромные льготы, но закон о монетизации абсолютно исковеркал ситуацию — все выплаты за бывшие льготы спустили в регионы. Теперь представьте: один регион называется город Москва, где сосредоточен не знаю уж какой процент всех денег страны, но ясно, что немаленький, а другой регион — какая-то депрессивная область. Поэтому ежемесячные суммы, которые взамен льгот платят, абсолютно разные: в одном месте 200 рублей, в другом 600, в третьем 800. Скажем, два человека были осуждены по одному делу, но живут они в разных регионах и получают разные суммы компенсации. Попытки доказать власти, что это неконституционно, ни к чему не приводят.

Так какое же место занимает тема советского террора в государственной исторической политике?

Ответ, я думаю, вы найдете сами.

Немного в сторону, но тоже про историческую политику. Несколько лет назад появился у нас новый национальный праздник — 4 ноября. Что это за день такой? То ли он антипольский, то ли попросту появился вместо 7 ноября, которое надо было отменить, поближе к нему. Для чего был придуман и объявлен так называемый день национального единства? Конечно же, для консолидации населения вокруг власти. Для того чтоб напомнить, что мы всегда

боролись мы как существовали, так и существуем окруженные врагами. Это как в школьных учебниках моего детства: «Молодая советская республика задыхалась в кольце фронтов». Вот так мы и задыхаемся по сию пору: вокруг враги и самый главный и коварный враг — Запад. На этом якобы воспитании национально-патриотического единства, на идее, что у нас было славное, и только славное, прошлое, которым мы должны исключительно гордиться и на героических примерах из которого должны воспитывать молодежь — на всем этом и основана наша историческая политика. Где уж тут место советскому террору против советского же народа, не говоря уж о терроре против других народов, ближних соседей например? Не монтируется этот советский террор с бравурной концепцией вечных побед и вечного превосходства. Однако и не замечать его, или, хуже того, совершать какие-то прямые

действия по стиранию его из национальной памяти, тоже вроде как неловко — чай, не брежневские времена все-таки. Поэтому в рамках исторической политики отстраивается довольно хитрая картинка: политический террор, конечно, был, этого никто не отрицает (впрочем, принято называть его не террором, а невнятным словом «репрессии»), жестокости и несправедливости мы, конечно, осуждаем, и жертв нам, конечно, жалко. Но все-таки террор — это дело второстепенное. А главное в том, что «в те же самые годы» страна развивалась, строилась и шла от победы к победе. При таком подходе, притом что память о терроре, как мы только что видели, никакими государственными усилиями не поддерживается, она, эта память, оттесняется (вроде бы совершенно естественным образом) куда-то на периферию общественного сознания. И прошлое остается непонятым, неотрефлексированным.

*Максим Трудолюбов,
редактор отдела комментариев газеты «Ведомости»*

То, что мы слышали, на мой взгляд, очень важно, и вот почему. Казалось бы, мы живем в XXI веке, когда существует Интернет и можно в любую минуту зайти на сайт организации «Мемориал» и узнать о событиях, происходивших когда-то в стране. Однако тех, кто интересуется сегодня советской историей, очень мало. А людей нужно определенным образом на-

правлять и воспитывать, и за это отвечает меньшинство граждан, которые несут знания, имеют опыт, вмещают в себе некую коллективную память и совесть нации. К ним хорошо бы прислушиваться. Арсений Рогинский как раз один из тех, у кого есть этот опыт и знание.

Каким образом государство способно помочь народу сориентироваться в том хаосе, которым неизбежно является история, с ее бесчисленным количе-

ством событий и человеческих судеб? Ведь прошлое, подобно Интернету, представляет собой огромный набор бессвязных фактов, в которых нужна навигация, нужна помощь, нужен учитель и тот, кто направляет. Сейчас наше государство, вероятно, осознав,

Бухгалтерский подход лишь убеждает, что экономически советский эксперимент был безнадежно провален

что попытка утверждения абсолютно не критичного взгляда на прошлое никак невозможна, пытается подойти к делу, так сказать, объективно. Эксперименты с учебником Филиппова и методическим пособием Данилова, которые распространили по всей стране, примечательны именно попыткой объективности. Посыл был такой: страна большая, люди разные, соответственно общего видения быть не может. По сути, он изначально ложный. Государство как раз в состоянии помочь создать это видение, сев за стол вместе с теми носителями знания, о которых мы говорим, и выработать образ прошлого, который был бы справедлив и учитывал то, что происходило с нами за последние почти 90 лет. Ну а псевдообъективность лишь укрепляет сумбур в головах. Учебник не создает образ Сталина как великого руководителя, но допускает, что при состоянии страны в то время его способ руководства был неизбежен. Отсюда же и фраза об эффективном менеджере. На самом деле в учебнике написано, что это был неизбежный способ так управлять ресурсами, так управлять людьми, благодаря чему в стране сложился новый эффективный управленческий класс. Другими словами, благодаря

репрессиям Великого террора 1930-х годов.

Печальна сама постановка вопроса, ведь она приводит к бухгалтерскому взгляду на историю: сколько было затрачено, сколько было получено. Это не только неправильно с моральной стороны, но и абсолютно деструктивно для самих идеологов бухгалтерской точки зрения. Если просто смотреть на историю как на некий процесс экономического развития и хозяйственного строительства, то выхо-

дит, что эксперимент с использованием принудительного труда в ГУЛАГе полностью провалился, управление ресурсами было абсолютно неэффективным, более половины начатых проектов никогда не завершались. Остались малоизвестные, но грандиозные памятники сталинизму — Беломорканал, который никогда не выполнял свои функции, «Мертвая дорога» в Сибири, которая никуда не вела.

Известный экономист Гур Офер подсчитал экономические показатели советской страны, для удобства сравнивая ВВП на душу населения с американским. В 1913 году этот показатель составлял примерно 30% от американского. В 1990 году он был примерно на том же уровне.

Так что бухгалтерский подход лишь убеждает, что экономически советский эксперимент был безнадежно провален. Мне кажется, сейчас уже все осознают, что представления о прошлом необходимо каким-то образом формировать, нельзя пускать дело на самотек. Нужно, чтобы люди понимали, кто историк, а кто не историк, кто действительно знает, а кто не знает. Здесь без государства не обойтись. На этом я ставлю многоточие и предлагаю перейти к вопросам и комментариям.

Дискуссия

Александр Сарна, преподаватель Белорусского государственного университета, г. Минск:

— После катастрофы в Катыни, когда разбился самолет польского президента и погибла вся польская делегация, российское руководство заявило, что сталинизм — это все-таки зло и в этом никаких сомнений быть не может. Как вы считаете, это разовая акция или свидетельство четкой позиции?

Александр Данилов, вице-президент общественной организации AIESEC, Казахстан:

— Действительно, хорошее предложение поставить в России памятник жертвам политических репрессий. Но не кажется ли российским политикам, что если они признаются в сталинских репрессиях и поставят эти памятники, то тем самым признают какую-то свою слабость?

Алексей Рыков, ответственный секретарь газеты «Абзац», Смольный институт свободных искусств и наук, Санкт-Петербург:

— Я считаю, что история — дело не только государственное, но и индивидуальное. Разговаривать надо с каждым в отдельности. А если у человека не вызывают никаких эмоций печи Освенцима, Норильлаг, он смотрит вайдовскую «Катынь», и она ему потом не снится?.. Мне кажется, только произведения искусства способны донести какую-то мысль, потому что политики и историки себя давно дискредитировали.

Арсений Рогинский:

— Вопросы такие, что невозможно ограничиться одной фразой. В самые последние месяцы возникло что-то вроде надежды на какое-то изменение в исторической политике. Это произошло еще до 10 апреля, до гибели самолета с Качинским. Сначала ведь Путин пригласил в Катынь Туска. Это поразительно, никогда ведь российские первые лица в Катынь не ездили. Все последние годы власть от катынской темы отворачивалась. Я знаю, о чем говорю, потому что «Мемориал» проиграл 23 суда именно по Катыни — о признании расстрелянных поляков жертвами репрессий по российскому закону, о рассекречивании материалов прокурорского расследования. Последнее, 24-е заседание мы почти что выиграли, в том смысле, что дело возвращено в предшествующую инстанцию, и это случилось как раз после апрель-

ских событий. Так вот, Путина на историческую встречу с Туском сопровождали полпред президента в Центральном округе Полтавченко, вице-премьер Сечин, министр транспорта Левитин и нефтяной босс Богданчиков. Судите сами, если человек ехал менять какие-то идеологические ориентиры в жизни страны, взял бы он именно этих людей, которые ассоциируются у нас разве что с нефтегазовыми проблемами, но никак не с исторической политикой? Мне кажется, Путин ехал, может быть, продемонстрировать, кого предпочитает Россия в качестве будущего польского президента, но, скорее всего, договариваться про какие-то нефтегазовые дела. Но прямо в Катыни что-то произошло. Я это видел, непосредственно наблюдая там Путина. К памятнику полякам он шел своей обычной лихой походкой, но когда вернулся оттуда и должен был выступать, у него был какой-то совсем другой вид. Он волновался. Может, конечно, мне показалось. В руках держал листочки с речью, заранее заготовленной, но, читая текст, то и дело добавлял что-то от себя, сбивался, два раза, по-моему, произнес слова, что мы должны помнить армию Андерса. Для меня услышать из уст Путина, что мы должны помнить армию Андерса именно как участников борьбы с фашизмом, было просто невероятно. Мне говорили (сам я не видел), что когда он встал на колени перед памятником, то было очевидно, что это не срежиссировано заранее. Он как будто бы сомневался, но вокруг нависли Валенса, Мазовецкий, Вайда, все эти поляки, в черных костюмах, которые смотрели: он на колени встает или просто склонился, чтобы удобнее было ленточку на венке поправить. Одна польская журналистка заметила: «Слушайте, он же очень спортивный, мог ее поправить в полнаклона». Позже, на пресс-конференции, выйдя за пределы речи, он стал говорить слова «Сталин», «преступления». В речи-то официальной никакой Сталин не поминался. Странная история. А потом случилась эта катастрофа. И она действительно что-то изменила. Сначала сочувствие москвичей, цветы около польского посольства. Потом свечи, зажженные поляками, на русском военном кладбище в Варшаве. Потом вступил в дело Медведев, который должен был сказать что-то такое, чего Путин еще не сказал. И они стали произносить фразы, как бы наперегонки, по полшажка делать вперед, но в сумме-то получились действительно очень важные шажки. Это так случайно вышло или означает системную перемену в позиции? Мне кажется, началось случайно, но есть шанс, что превратится во что-то серьезное, хотя, конечно, сохраняется огромная вероятность, что не превратится. И слова так словами и останутся. Конечно, нужны реальные шаги по той же Катыни, а их никто пока не делает. Не рассекречены 116 томов следственного дела по Катыни, хотя что их стоит-то рассекретить? Ведь на самом деле никаких тайн государственных там нет — это очевидно. Не рассекречено даже постановление о прекращении катынского дела. И все же не позабудем, что в России риторика — половина политики. Поэтому какие-то надежды на реальные сдвиги в катынском деле, — а следовательно, в русско-польских отношениях — у меня остаются.

Еще один вопрос, почему российские политики не хотят говорить о терроре. Недавно один почтенный доктор наук отстаивал тезис, что нашей молодежи нужна «счастливая идентичность», что для достижения этого нужно «счастливое забвение». Это из той же области, что учебник, о котором говорил Максим Трудолюбов. Года три назад мне попалась на глаза огромная растяжка, через всю Тверскую, там было написано: «1937–2007». Я поразился: что же случилось в моей стране, что она вспомнила 1937 год?! А потом заметил внизу надпись чуть более мелкими буквами: «Слава покорителям Северного полюса!». Выстраивается такая идентичность, в которой есть ДнепрогЭС как победа, Северный полюс как победа, все победы-победы-победы. И, конечно, среди них — главная Победа. Но никогда вопрос о человеческой цене этих побед не встает. Переход от концепции односторонней счастливой истории, состоящей из одних побед, к пониманию, что у нас была сложная история, в которой подлости и мерзости наверняка не меньше, чем побед, до сих пор не произошел. Даже и не начался. Конечно, силой искусства сознание часто преобразуется сильнее, чем любыми другими способами. Только где взять таких создателей кинофильмов, чтобы искусство не было «желтым», чтобы они делали настоящее, а не подделку, не имитацию? Пока что их очень-очень мало. Еще родятся, наверное, еще будут...

Максим Трудолюбов:

— Действительно, силой искусства происходит прорыв, выход на массу. Но сначала должна быть подготовлена основа; в нашем случае — огромная работа проделана «Мемориалом». Вопрос только в том,

чтобы ее продолжать, развивать, транслировать дальше. Скажем, моя аудитория — это те, кто в Интернете, и те, кто бумажную газету читает, образованная часть общества, которая внутренне подготовлена. То есть проповедь адресована тем, кто по сути уже обращен. А более широкая аудитория остается не охваченной. Как раз ей проповедь нужна.

Не слишком ли много истории используется в политике? Просто мы говорим об этом в России, и здесь это вопрос незакрытый. Если спросить, что происходило с нами с начала 1920-х годов, в советский период, особенно в сталинскую эпоху, — люди дадут самые разные ответы. Остановив человека на улице, можно с ним заспорить и никогда ни до чего не договориться. Я считаю, что некое историческое понимание, образ прошлого должны быть у нации едиными, пусть в самом общем виде. Что плохо убивать людей, об этом вроде мы уже договорились, но так же плохо оправдывать экономическое развитие тем, что, дескать, тяжелые времена, не было ресурсов, приходилось губить людей десятками тысяч, а иначе нельзя было построить ни каналы, ни дороги, ни заводы, и войны мы бы не выиграла.

Наталья Ковалева, редактор издательства *Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург*:

— В первую декаду постсоветского периода в России было очень много негатива о Сталине, однако ничего не говорилось о Петре Первом, а сегодня вдруг этот открыватель «окна в Европу» оказался не меньшим злодеем. Возможно, к историкам будет больше доверия, если, говоря об одном диктаторе, они не станут забывать другого и разделять их по эпохам? Или стоит придавать больше значения их воздействию на историю? Кроме того, хотелось бы узнать ваше отношение к тотальному переименованию улиц.

Илона Довгань, телеведущая канала «1+1», *Украина*:

— На Украине за последние 5–6 лет кардинально менялась власть и позиция власти. После «оранжевой революции» переписали учебники, сейчас тоже хотят переписать. Как вы думаете, есть ли какой-то механизм, способный пресечь практику «кто приходит, тот и меняет»?

Нигар Качарли, владелец сети книжных магазинов «*Ali and Nino*», *Баку*:

— Я несколько дней пытаюсь оценить, что происходит в России и Азербайджане сквозь призму семинара. Получается, России при Сталине был нужен Петр Первый, сегодня ей нужен Советский Союз, чтобы подчеркнуть, что вы живете в великой стране. В Азербайджане все по-другому. В 1918 году на Кавказе была утверждена советская республика, заложены основы демократического государства, разработан проект конституции, людей отправили на обучение в Европу. К сожалению, этот период сейчас забыт, у нас в стране сложилось прямо противоположное отношение к исторической политике: прошлое замалчивают для возвеличивания настоящего.

Роман Литвиненко, ведущий прямого эфира на радио «Русская служба новостей», Москва:

— В разговоре об исторических событиях на каждый аргумент находится контраргумент. Вы говорите «Катынь», а кто-то про тысячи расстрелянных поляками в 1920 году красноармейцев. И так доходит до того, что холокост — ответ евреям за распятие Христа. Как вы считаете, не стоит ли заниматься проблемой истории с помощью религии? Церковь — такая организация, которая объединена двойным законом, не только общественным, а моральным и нравственным.

Арсений Рогинский:

— Есть такая тенденция - доверить церкви проблему памяти о прошлом. Она еще не очень проявляется на федеральном уровне, но на региональном уровне ощутима. По-моему, ничего хорошего из этого не вышло. И сомневаюсь, что выйдет.

Замечательное соображение коллеги из Азербайджана. В сталинскую эпоху мы вытащили Ивана Грозного и Петра Первого. Сегодня нам, оказывается, нужны советские победы разных лет. Все действительно так и устроено.

У меня нет определенной позиции касательно смены названий, но полагаю, что улицы не должны носить имена людей, которые совершенно точно виновны в массовом терроре и которых в европейской традиции называют «палачи». С наименованиями вообще у нас гротескная ситуация. В Москве есть проспект Сахарова и проспект Андропова, который сделал жизнь Сахарова невыносимой. А первая мемориальная доска, которую нынешний премьер-министр устанавливал на здании страхового общества «Якорь», оно же — Лубянка, 2, была Юрию Владимировичу Андропову. Когда в Новосибирске по-прежнему чтят большевика Роберта Эйхе, который отправил на расстрел тысячи сибиряков, это вызывает изумление. Я полагаю, что улицы, например, носящей имя Эйхе, быть не должно.

На Украине идет настоящая война памятников, наименований. Дело не только в смене президентов. Там действительно в разных регионах разная историческая политика и разные региональные памяти. Может, именно поэтому у меня такое чувство по поводу Украины, что с ней что ни делай, кого на кого ни меняй, а она все равно останется свободной. У нас не так. У нас во всех школьных учебниках с позапрошлого века тем или иным способом прописано, что другого способа управления в огромной и такой разной стране, как Россия, кроме как, современным языком говоря, авторитарного управления, быть не может. И это вошло в плоть и кровь. И еще убежденность, что в России государство — все, а человек — пшик, а иначе, мол, страна погибнет.

Наталья Ковалева:

— Простите, а вы на мой первый вопрос, касательно объективности истории не ответили.

Ева Боснио. Рене Стотийн. Амстердам, 1941

Арсений Рогинский:

— Просто такого нет. Какая уж тут «объективность»? Мы же с вами не рассматриваем Гитлера с двух сторон? Мол, с одной стороны, преступник, но с другой — замечательные автобаны построил? А уж как немцы его любили, точно не меньше, чем у нас товарища Сталина. Такой подход «с одной стороны — с другой стороны» — это простенький путь. Мы должны понять, что все очень сложно, но мы должны выбрать, что для нас точка отсчета. Что людей убивал миллионами или то, что при этом создавал мощную державу? Вот давайте-ка решим: люди или держава? Это предмет для дискуссии.

Дмитрий Гугунава, директор департамента по связям с общественностью медиагруппы «Marketing Division», Нижний Новгород:

— Как вы относитесь к тому, что новая Россия после принятия суверенитета объявила себя наследницей и правопреемницей СССР и тем самым на международной арене потянула за собой весь шлейф советского негатива? Была ли возможность как-то обнулить счета, и следовало ли это сделать?

Арсений Рогинский:

— Мне кажется, следовало точно прописать, в чем конкретно и как именно мы являемся правопреемниками. На самом деле, какие были стимулы правопреемства для Ельцина? Атомное оружие — раз, и все имущество — два. Он совсем не думал, что это имеет какое-то отношение к прошлому, тем более — к преступлениям прошлого. Оказалось, что еще как имеет. Если бы в тот момент российское государство дало оценку советскому прошлому, советским преступлениям, если бы закрепило эту политическую оценку правовым решением, тогда ни мы, граждане России, ни мир не задавали бы российской власти столько «неудобных» вопросов по поводу прошлого и претензий к нашей исторической политике было бы значительно меньше. Впрочем, сама историческая политика была бы тогда совершенно другая. Но этого не произошло. Определить, что в своей истории Россия считает преступным, а что нет, остается первостепенной задачей. Это сделать не поздно еще и сейчас.

Джеффри Хоскинг, профессор русской истории Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета:

— Я несколько встревожился, когда Арсений Борисович сказал, что надо забыть об объективности. Мне кажется, все-таки историк должен стремиться к объективности, она всегда должна оставаться идеалом для ученого, даже если он сознает, что стопроцентная объективность невозможна. Жизнь и деятельность самого Арсения Рогинского лучшее тому свидетельство.

Арсений Рогинский:

— Я, наверное, в чем-то неточно выразился. Факты, конечно, объективны. Да о них обычно никто и не спорит. Но когда начинается их

современная оценка в нравственно-политическом смысле, об «объективности» часто говорить невозможно. Вспомните хотя бы абсурдное мнение, которое разделяли и продолжают разделять тысячи людей, что Катынь стала реакцией на жестокие действия поляков в отношении советских военнопленных 1920 года. Польская сторона с 90-х годов открыла полный доступ ко всем документам о трагедии русских пленных, опубликован фундаментальный совместный российско-польский труд на эту тему. Совершенно очевидно, что никакого отношения сюжет 1920-го года к сюжету 1940-го года не имеет. Что не помешало Путину в апреле публично порассуждать о возможной их связи.

Юрий Сенокосов, основатель, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Я хотел бы напомнить, что идея объективности связана с естественно-научным подходом, а это значит, что она не зависит от человеческого сознания, как и от воли и желаний людей, от их субъективных пристрастий. И когда такую объективность привносят в социальные и гуманитарные науки, обычно все уходит в дурную бесконечность фактов и контрфактов. То есть когда мы говорим об обществе, о причинно-следственных связях надо забыть, если мы хотим оставаться людьми. Не случайно, я думаю, в этой связи прозвучал вопрос о возвращении к религии. А я на это могу сказать, что неплохо было бы вернуться и к философии или к искусству, когда речь идет о человеческих отношениях. Мы подо все стремимся подвести некие объективные основания и, исходя из причин и следствий, что-то объяснить. Значит, выход один — постараться хотя бы раз в своей жизни остановить желание все объяснить, а попытаться понять, о чем идет речь.

Говорят, что сегодня в России нет идеологии. Она есть, и в ее основе лежит наследие русского православного мыслителя и философа права, эмигранта Ивана Александровича Ильина. Его пропагандирует Никита Михалков, цитирует Путин. И чтобы было понятно, чем руководствуется наша власть, я своими словами перескажу поразительный завет Ивана Александровича. Он сводится к тому, что спустя десятилетия беспамьтства в России, когда мы придем в себя после сталинской диктатуры, у нас не будет другого выхода, как снова вернуться к авторитаризму. В том, что он необходим, у Ильина не было сомнений. Это тот краеугольный камень, о котором с самого начала говорил Арсений. Мы действительно снова отдали свободу и свою судьбу в руки власти, страдаем от этого, постоянно оправдываемся, но не задумываемся. Где наша свобода? От чего наша свобода? Это не призыв выходить всем на улицу и бороться с государством и властью. Нет, смысл Школы и каждого нашего семинара — попытаться вернуться к себе, остановить дурную бесконечность фактов и аргументов, которые мы друг другу приводим, стоя на развалинах исчезнувшей империи. Там, где начинается свобода и

появляется личность, творящая добро, причин нет. Ведь у добра нет причин, оно самодостаточно. И свобода начинается тогда, когда нет выбора, а есть необходимость себя, желание или страсть быть самим собой. А это бывает в момент переживания абсолютной связанности со всем, когда впервые по-настоящему открываешь для себя и понимаешь, что действительно нельзя убивать, красть, лгать. Созданный людьми мир — искусственный. Но человек изобретает его ради существования, а не насилия. Поэтому когда физики создали атомную бомбу и правительства стали использовать их открытие для убийств, они основали Пагуошское движение. Сахаров проснулся однажды и сказал «нет» такой науке, хотя был ученым. Значит, что-то в нем произошло, так же как и с Солженицыным. Мы живем в языке, язык живет нами. Гениальный фильм Кубрика называется «С широко закрытыми глазами». Мы видим и не видим, судьба предлагает встречу, а мы проходим мимо. В определенные моменты жизни нужно останавливаться и доверять себе и своим чувствам больше, чем глазам.

Арсений Рогинский:

— Я благодарю слушателей, собеседников и призываю к двум вещам: во-первых, вдумываться в происходящее, а во-вторых, пытаться что-то сделать. Несколько дней назад в Петербурге открыли мемориальную доску погибшему в лагере Осипу Манделштаму. А незадолго до этого в Москве я участвовал в открытии мемориальной доски писателю Василию Гроссману, у которого в начале 60-х (!!!) годов арестовали рукопись замечательного романа. Любой и каждый из нас может сделать так, чтобы где-нибудь возникла хотя бы одна мемориальная доска, чтобы где-нибудь на одну мерзость стало меньше, а на одно хорошее дело больше. Это нетрудно. Бывает достаточно письмо написать, и вдруг оно само по себе приобретает силу. Делать мир лучше можно и по мелочи.

Максим Трудолюбов:

— Я благодарен Юрию Петровичу Сенокосову за то, что он вернул нас в русло моральной философии. Мне кажется, отдавать церкви вопрос, связанный с памятью, неправильно, хотя бы в силу того, что далеко не все люди ходят в церковь. Излюбленный принцип политиков и авторов учебников «цель оправдывает средства» тоже неправильный. Цели и средства, как показывает опыт всей нашей жизни, всегда практически одно и то же. Невозможно оправдать всякие средства благой целью. Благие намерения известно куда ведут.

*Константин Барановский,
главный редактор издания
«Лидер XXI»
(Нижний Новгород),
выпускник Школы 2009 г.*

Заметки с семинара

Июньский федеральный семинар этого года был посвящен памяти Егора Гайдара и проходил в год восемнадцатилетия Школы. Это наложило определенный отпечаток на выступления экспертов и настроение слушателей.

Семинар открыла Лена Немировская словами о том, что нужно уважать то место, где ты родился и живешь. Место выбрано не тобой, но важно, как ты проживешь свою жизнь. Особенность Школы, ее заслуга в том, что здесь учат и учатся слушать и понимать Другого. И даже шире — Чужого.

Лейтмотивом семинара стала простая мысль, которая все еще не укладывается в некоторые головы: Россия — европейская страна. Это подтвердили, каждый по-своему: и Роберт Гершнер, советник посольства Австрии в Российской Федерации, и Джеффри Хоскинг, профессор русской истории Школы славянских и восточных исследований Лондонского университета, и посол Финляндии в России Матти Анттонен. В ориентации России на европейские ценности, с учетом азиатского вектора, сошлись депутаты Госдумы, единороссы Владимир Плигин, Константин Косачёв и научный руководитель ГУ-ВШЭ, президент фонда «Либеральная миссия» Евгений Ясин. Глубокое впечатление на многих слушателей произвел Алексей Карамурза. Среди либералов сегодня редко можно встретить человека такой интеллектуальной честности и здравого смысла. Особое спасибо Алексею за его проект «Либеральное наследие», в рамках которого он извлекает из мглы небытия историю либерализма в России, имена и деяния людей, стоявших на этих позициях.

Главной темой семинара была модернизация и державно-имперское наследие России. Кирилл Рогов, политический обозреватель и аналитик Института экономики переходного периода, заявил, что модернизация — это прежде всего социальная проблема, и

что настоящая модернизация в России еще не начиналась. О державности как тормозе развития страны говорил Сергей Петров, депутат Госдумы РФ. Он показал, что желание быть державой в современном мире, становящемся многополярным, несет в себе как экономические, так и иные серьезные издержки, отвлекает ресурсы, которые можно было бы пустить на благие цели.

Георгий Сатаров, руководитель фонда «Информатизация для демократии» (ИНДЕМ), раскрывая тему судебной власти в России, привел данные недавнего исследования, которые показывают, что ключевой фактор модернизации в странах, находящихся в транзите к демократии, — верховенство права. По его словам, суд — главный социальный институт, обеспечивающий эффективные горизонтальные отношения в обществе.

О политическом измерении модернизации говорил председатель правления Центра политических технологий Борис Макаренко. С его точки зрения, технологическая модернизация без модернизации политической не даст позитивного эффекта. Модернизация — это прежде всего структурные сдвиги не в экономике, а в системе ценностей. Александр Аузан, президент Института национального проекта «Общественный договор», продолжая эту тему, подчеркнул, что у социокультурных процессов есть инерция, вызванная дефицитом ценностей, и если она сохранится, страна останется среди отстающих.

Старший референт президента РФ, выпускница Школы Лариса Мишустина напомнила слушателям и выпускникам о том, что история демократии в современной России началась не в 1993 году, а раньше, с XIX партийной конференции КПСС, с I и II съездов Советов народных депутатов СССР. Сейчас это время стараются замалчивать или говорят в

негативном контексте, но не стоит о нем забывать.

Ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев рассказал о долгосрочных и краткосрочных перспективах российской экономики. Елена Панфилова, директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Транспаренси Интернешнл — Россия», подчеркнула, что коррупция в России приобрела масштаб национального бедствия. По ее словам, российская коррупция сегодня — это образ жизни. Она проникла практически во все сферы общественных отношений.

Председатель Комитета по международным делам Совета Федерации Михаил Маргелов накануне первого официального визита в США президента Дмитрия Медведева, рассказывая об отношениях двух стран, отметил явное потепление: подписание договора СНВ-3, слаженную работу США и России в Совбезе ООН по поводу Ирана. Заинтересованные в реальной «перезагрузке» эксперты и политики ищут, по словам сенатора, и другие, наполненные смыслом повестки дня для развития российско-американских отношений.

Профессор Лондонской школы экономики Разин Салли рассказал о посткризисном состоянии глобальной экономики и ее влиянии на Россию. Современный кризис вызвал сокращение роста, впервые после Второй мировой войны мировая торговля снизилась на 10%, инвестиции сократились на треть. Мировая торговля выздоравливает, но медленно. Выводы пока делать рано, но кризис явно ускорил политические и экономические процессы. Глобализация, особенно финансовая, по его словам, остается главным инструментом развития мировой экономики.

О Европе после кризиса рассказал Альберто Карнеро, видный испанский оппозиционный политик, директор департамента международных отношений Фонда общественных исследований и анализа. Хотя Испания, Греция и Евросоюз в целом испытывают сейчас не лучшие времена, тем не менее евро продолжает оставаться привлекательной валютой.

Среди других экспертов, чьи выступления вызвали большой интерес у участников семинара, я бы назвал также главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Федора Лукьянова, экономиста, издателя и редактора журнала «Свободная мысль» Владислава Иноземцева, Владимира Рыжкова, Аркадия Дворковича, Сергея Алексашенко, Александра Волошина, выпускника Школы Андрея Захарова, Арсения Рогинского, Максима Трудолюбова. А среди активных участников дискуссий во время семинара хотел бы особо отметить представителей не только России, но Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Молдовы, а также украинской, хорват-

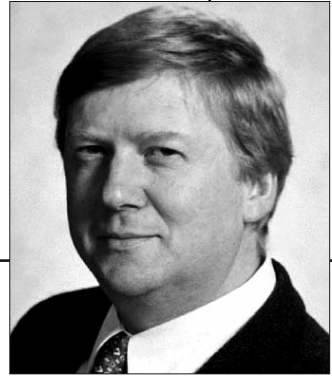
ской, армянской, азербайджанской и болгарской школ политических исследований.

Последний день семинара открыла сессия Сони Лихт. Руководитель Белградской школы политических исследований рассказала о пути Сербии от демократической революции к членству в Совете Европы. Эта обаятельная женщина и уважаемый общественный деятель демонстрировала силу духа и твердость позиции, столь редкую в наше время морального и этического релятивизма.

Закрыли семинар, прошедший 6–13 июня, основатель Московской школы политических исследований Елена Немировская и директор по развитию Школы Игорь Князев. Слушатели и выпускники обменялись мнениями о семинаре, благодарили сотрудников Школы и экспертов за интеллектуальное удовольствие и плодотворные дискуссии.

Спасибо Школе за то, что 18 лет назад несколько людей не побоялись сделать шаг в сторону гражданского просвещения и продолжают идти по этому пути.

Инновационная экономика в России – что делать?*

Анатолий Чубайс

Приимерно год назад, в июне, мы с Егором и группой коллег были на отдыхе в Финляндии, где я долго и страстно, размахивая руками, рассказывал, что такое инновационная экономика. Обсуждали долго, в большей степени эмоционально, чем содержательно. И по результатам этого разговора, через пару дней, Егор позвонил мне и сказал: «Я решил, что весь наш “Институт экономической политики” нужно преобразовать, радикально переструктурировать приоритеты, тематический план, и в качестве одной из главных задач взять задачу инновационной экономики. Потому что глубина фундаментального слоя под ней абсолютно уникальна, и степень проработки этой глубины не только российской, но и мировой экономической мыслью, явно недостаточна. Эта тема настолько значима и в прикладном, и в фундаментальном плане, что вот, давай, мы так и сделаем».

Собственно, так и было сделано. Сейчас «Институт экономической политики» в значительной степени работает над этой тематикой. И в этом смысле то, чем я хотел бы поделиться с вами, — это сегодняшний день нашего понимания того, что такое инновационная экономика в России и, самое главное, что нужно сделать, чтобы эту самую инновационную экономику создать.

Пытаясь ответить на этот вопрос, наверное, правильное всего, прежде чем начать продвигаться в будущее, хоть немножко оглянуться назад и посмотреть на тот исторический фон, на котором этот феномен формировать. В общем, если всерьез заглянуть по крайней мере в советское прошлое, то первое, что приходит в голову всем, кого хоть на улице

* Лекция памяти Егора Гайдара, прочитанная для выпускников Российской экономической школы 7 июля этого года.

спроси о важнейших достижениях советской науки, это — два проекта. Один из них — атомный проект, второй — космический. Оба эти проекта у всех на памяти, и, в общем, независимо от политической ориентации, надо признать, что оба они были великими, и как минимум изменили нашу страну, а как максимум — геополитическую конфигурацию на земном шаре в целом. И до сих пор их значение не исчезло. Это чистая правда, это важнейшие результаты науки и техники в период 40-х — 60-х годов. Но точно так же чистой правдой является то, что произошло после этого — в 70-е, 80-е годы: расцвет застоя так называемый. Все хорошо помнят, что Горбачев начинал с лозунгов «перестройки» и «гласности», но те, кто лучше помнит, скажут, что он начинал с лозунга «ускорение», а потом уже были «перестройка» и «гласность». Точнее, даже не ускорение, а ускорение научно-технического прогресса. Так стоял вопрос, и на эту тему был даже пленум ЦК КПСС.

Ну, как мы знаем, пленум был, ускорения не получилось. Но я не хотел бы сейчас на этот счет ерничать. Другая сторона дела важна. Мне важно, что это свидетельствует о том, что руководство страны — как ни относиться к нему, — безусловно, признавало тот факт, что в середине 80-х годов масштаб отставания страны от мира был просто очевидным. И эта задача была приоритетной, хотя, как очень быстро оказалось, ресурсов для ее решения не существует. В то время производительность труда в СССР по отношению к Соединенным Штатам составляла 29,4%. Прошло 25 с лишним лет. Что мы имеем с вами сегодня? Мы имеем ситуацию, когда сегодняшняя производительность труда по сравнению с Соединенными Штатами составляет аж целых 30%. Можно это, конечно, трактовать как успех: целых 0,6% за какие-то 27 лет, но как-то все же язык не поворачивается. Если трезво оценить ситуацию, то надо прямо сказать, что советская экономика оказалась не в состоянии решить историческую задачу научно-технического прогресса, инновационной экономики — как хотите называйте, ну и понятно всем, что уже точно не сможет. И российская экономика за последние 20 лет была не в состоянии решить эту задачу. Но, может быть, еще сможет. В отличие от советской экономики, у нее потенциально такой шанс существует.

Мне представляется, что если в этом ключе ставить вопрос, то, собственно, на этом самом историческом фоне, о котором я говорю, наше развитие должно делиться на три этапа. Этап номер один — это 90-е. Этап развития основ рыночной экономики. Понятно, что ни задачи строительства инновационной экономики, ни даже задачи разворачивания масштабного экономического роста в то время решать было просто невозможно в силу отсутствия институтов, инструментов, законодательства, квалификации, кадров, социальной структуры и еще 150 причин. Задача строительства рыночной экономики за 10 лет в стране была решена. Следующие 10 лет... Опять же можно оценивать с плюсом или минусом по политике, я совсем не хочу уходить в эту спекулятивную сторону, а посмотреть чисто экономический срез.

Гордон Матта-Кларк. Разбитая мечта солдата повести дочь под венец. 2004

В общем, ясно, что базовая задача того времени — это начало роста, концепция удвоения ВВП, которая, кстати говоря, была реализована, если кто забыл. Удвоение ВВП реально произошло в стране. Но в то же время ясно, что драйвером роста был российский экспорт, в котором 85% составляют нефть, газ, металлы. Точка. Вся концепция роста, базирующаяся на этом драйвере, исчерпалась. И дело состоит в том, сумеем ли мы в следующие 10 лет решить задачу, которая называется «Новая модель экономического роста, базирующаяся на инновационном развитии».

Такова суть нашего исторического фона и задача, обсуждаемая сегодня. Ну, а что происходит в мире и как наша страна выглядит на глобальном мировом фоне? Вот самые простые примеры, фиксирующие сроки решения задачи строительства инновационной экономики в других странах. Не входя в детали, в общем, совершенно ясно, что именно в те самые 20–30 лет, которые мы по разным причинам потеряли, — объективным или субъективным, не хочу анализировать, — на земном шаре возник десяток образцовых страновых инновационных моделей, демонстрирующих фантастические результаты в области функционирования инновационной экономики, причем некоторые из них возникли за последние 10–15–20 лет.

Финляндия, которая, если я правильно помню, в 1991 году имела уровень безработицы 22% и катастрофическую ситуацию в силу обрушившейся торговли с СССР, грохнувшихся переводных рублей, умершего экспорта и т. д. И ровно тогда в этой стране в небольшую кабельную компанию пришел молодой человек, который сказал: «Вот, готов вашу кабельную компанию поднимать, но нужно сменить профиль продукции». Его звали Йорма Оллила, президент компании Nokia, которого акционеры спросили: «Слушай, а какую продукцию ты хочешь, чтобы мы производили вместо кабеля, который хорошо реализуется; рынок надежный, понятный». Он сказал: «Я хочу производить мобильные телефоны». — «Что? Мобильные телефоны? Ну да, видели мы такие, которые по два килограмма весом и которые русские олигархи привозят нам сюда показывать, носят их обычно помощники с собой». Он ответил: «Ну да, эти, но вот у меня есть цифры, что по некоторым форсайтам в 2010 году количество мобильных телефонов в мире будет 30 млн штук» (смех в зале). А теперь сравните свою реакцию с их реакцией. Их реакция была: «Ты сошел с ума! Какие 30 миллионов? Откуда это может взяться? Это безумие». Но каким-то чудом ему удалось убедить акционеров снять с производства 95% производимой продукции, полностью сменить профиль. Как известно, в 2010 году количество мобильных пользователей Интернетом, мобильных смартфонов вместе с другими устройствами в мире составило 4,2 миллиарда. Прогноз, действительно оказался ошибочным, но в другую сторону.

Это произошло в десятке стран мира в тот самый период, когда мы с вами даже отдаленно к этому не собирались приступать. Это глобальный фон. А что было с технологическим фоном? Как развивались базовые технологические уклады на земном шаре в этот самый период? Как известно, на этот счет есть целое направление, основанное на работах Кондратьева об экономических волнах, с серьезным количеством мировых последователей, с некоторым количеством российских последователей этой школы. К ней разное отношение в разных экономических школах, я сейчас не хочу уходить в эту сторону. Суть того, что они говорят: существует пять технологических укладов, которые вписываются в длинные экономические циклы. Первый, начавшийся с развития текстильной промышленности в Англии, 40–50 лет. Затем следующий — железные дороги. Третий — электричество. Четвертый — нефть, автомобилестроение, электроэнергетика. Пятый — информатизация и телекоммуникация. И сейчас начинается шестой. Есть тоже разные позиции, но, как ни странно, большинство исследователей считает, что сердцевиной шестого технологического уклада являются нанотехнологии.

Я понимаю, что меня можно заподозрить в субъективной позиции в силу понятного конфликта интересов, но я стараюсь хотя бы на бегу читать, что пишут на этот счет, и недавно прочел толстую книжку, выпущенную родным институтом экономики Академии наук, который точно не обвинишь в борьбе за либеральные ценности. И там

целая вторая глава страниц на 50 описывает, почему нанотехнологии — сердцевина шестого технологического уклада, который сейчас начинается. Ну, как ни относиться к этим оценкам, в общем, совершенно понятно, что начало уклада — этот тот исторический момент времени, когда начинают формироваться новые бренды, глобальные рынки, когда компании, начинающиеся с классических гаражных стартапов из трех человек, за три года выходят на объемы продаж в сотни миллионов, затем миллиардов, а затем и десятков миллиардов долларов, так как капитализация таких компаний растет в разы.

Большинство исследователей считает, что сердцевинной шестого технологического уклада являются нанотехнологии

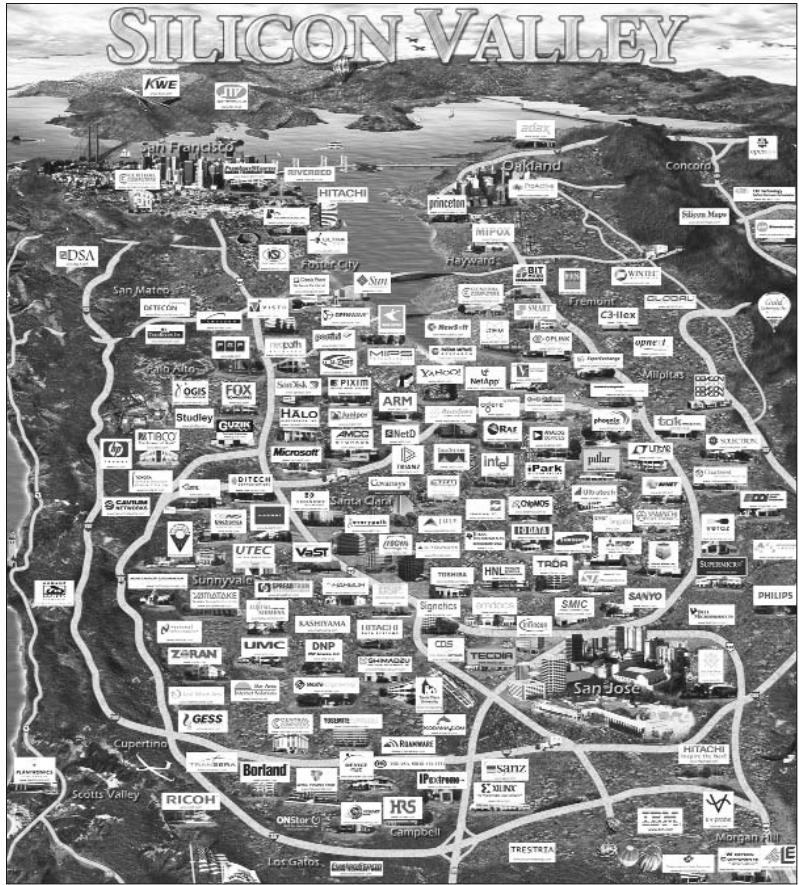
Сегодня капитализация Apple — \$240 млрд, по моему, Microsoft — \$230

млрд. Примерно такого масштаба цифры в предшествующем пятом укладе. Есть замечательный график, который показывает среднюю капитализацию первых десяти компаний каждого уклада. На этом графике хорошо видно, что внутри уклада у капитализации есть жизненный цикл: рост и падение. Когда-то US Steel, Alcoa, Dupon были компаниями четвертого уклада. Сегодня их капитализация — \$40 млрд, не больше, а лидируют те компании из пятого уклада, которые я уже назвал (Apple и Microsoft). Завтра — шестой, что называется, позвольте представить. Это технологический фон.

На этом глобальном и технологическом фоне возникает вопрос: быть или не быть, можно ли это в принципе сделать в нашей стране? Количество дискуссий на эту тему таково, что мне просто не хочется в них включаться. Откройте любую газету, и вы увидите там соотношение примерно 10 к 1: 10 — это грустные «смайлики», а 1 — это, наверное, мое выражение лица. Я совсем не хочу сейчас кому-то что-то доказывать. Я хочу только одну гипотезу выдвинуть, и, думаю, вы с ней согласитесь. Этот бесконечный спор: а можно ли в России, в которой коррупция, бюрократия, взятки, воровство и т. д... Нет, нельзя в России, в которой... И — поехали. Этот спор я предлагаю решить одним-единственным способом: сделать. Давайте сделаем, и тогда все станет ясно. Все остальные аргументы мне кажутся не очень интересными и не очень захватывающими.

В этом смысле, если в прикладную сферу продвигаться, нужно трезво оценить, а что сегодня сделано в России. В общем, надо признать, что есть определенный фон задела, ясно, что в России что-то происходило в течение 10–15 лет. Между прочим, больше происходило в регионах, чем в Москве. Москва вообще этого, как правило, не видит и не понимает. Есть в Томске, Ставрополе, Пензе, Чебоксарах десятки компаний с объемом продаж под \$100 млн каждая, имеющие реальный экспорт под 70–80%, с абсолютным хайтеком, с продажами в Европе. Они малоизвестны, родились 10–12 лет назад и проби-

Кремниевая долина
в США.
Здесь обосновались
офисы и
предприятия
крупнейших
компаний мира,
работающих
в сфере
IT технологий

Здание Московской
бизнес-школы
в Сколково.
Через несколько
лет в этом районе
должен быть создан
инновационный
центр,
где будут жить
и работать
25–30 тыс. человек

ваются сквозь тысячи барьеров, выставленных родным государством на пути инновационной экономики. Но они есть. Тем не менее ясно, что этот фон все-таки слабенький, росточки хлипкие. Надо на ситуацию как-то смотреть заново. И если посмотреть на нее заново, то нужно прежде всего признать, что политический приоритет задан. Это сегодня очевидно. Между прочим, он был задан еще в документе под названием «Концепция 2020», про который как-то забыли, это еще путинский документ. В нем речь шла про инновационную экономику в явном виде. Ну а сегодня, при президенте Медведеве всем понятно, что тема вышла на такой уровень, что просто уж куда выше. Все приоритеты более чем заданы, все обозначено в необратимой картинке.

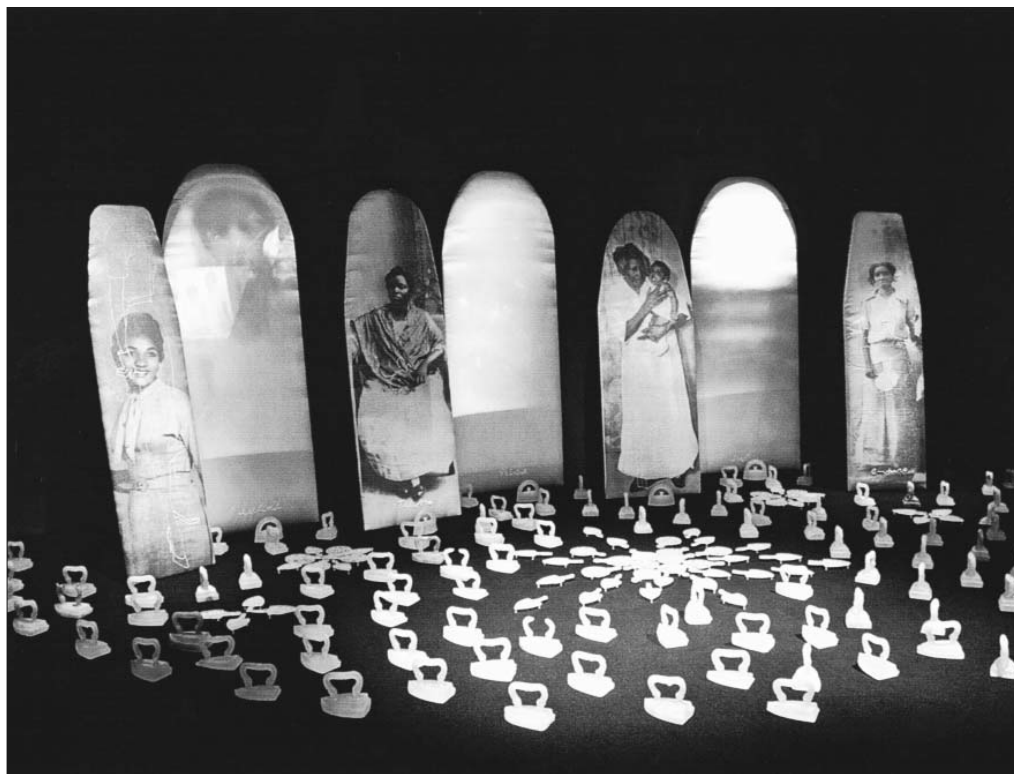
Что было сделано помимо задания политического приоритета? В общем, был набор неких политических решений, которые на сегодня реализованы. Прежде всего были приняты определенные организационные решения: президентская комиссия, регулярно заседающая всерьез, ежемесячно, по-настоящему, ни разу не сорванная президентом, и даже один уважаемый член комиссии изгнан за то, что не посещал заседания. Вслед за ней создана премьерская комиссия. Они взаимодействуют между собой, выстраивается какая-то работа вокруг этих двух органов. Собственно, по их решениям приняты первые законодательные меры, которые, на мой взгляд, кстати, серьезны. Я имею в виду прежде всего поправки в закон о техническом регулировании. Очень значимая мера прошла в конце прошлого года. Это норма, которая разрешает в российское техрегулирование, бессмысленное и беспощадное, ввести нормы Евросоюза и пытаться придать ему хоть какой-то смысл. Считаю это очень важным и правильным шагом. Еще один закон — ФЗ-217 — о создании малых инновационных предприятий при вузах и институтах академий наук — с очень бурными дискуссиями и определенными изъянами тем не менее был принят. На сегодняшний день их более 400 — трудно, сложно, с ошибками, но тем не менее это некая живая жизнь, рождающаяся вокруг инновационной сферы. Внесены поправки в миграционное законодательство. С 1 июля стоит иностранцу только обеспечить себе зарплату на уровне 2 миллионов рублей в год, и он приезжает в Россию без ограничений. Радикально упрощается визовой режим, регистрация при переезде и так далее.

Ну, бурно обсуждается сколковский проект, вокруг которого все страсти кипят, — значимый, безусловно, шаг вперед. Мне кажется достаточно важной мера, которая касается импульса бизнесу. Пусть он еще не до конца виден, но это происходит, я это вижу хорошо. Во-первых, был дан серьезный импульс крупному государственному бизнесу и предложена идея так называемых инновационных программ. Что такое инвестпрограмма, наши госмонополии знают уже хорошо. За 10 лет они в этом разобрались. Родилась методическая база, рождаются ежегодно инвестпрограммы. У РАО ЕЭС годовая инвестиционная программа была максимум 960 млрд рублей, как сейчас помню. Это

серьезные ресурсы. Но это — инвестпрограммы. А вот инновационная программа — это другой срез темы. Это, собственно, модернизация. В ближайшее время, если я правильно понимаю, министр экономики будет докладывать правительству о механизме обеспечения инновационных программ крупных государственных компаний. Дан импульс крупному частному бизнесу. Наверное, вы слышали, в январе на президентской комиссии было принято решение, по которому заявки на крупные проекты инновационного характера, с набором определенных требований с объемом продаж под 15 млрд рублей в 2015 году, будут поддерживаться государством. Сейчас завершается процесс отбора. Отобрано больше 40 проектов. Видимо, в ближайшее время комиссия будет их утверждать.

Это какое-то движение в правильную сторону, причем и по госбизнесу, и по частному. Чего не хватает? Мне кажется, что сейчас после полутора-двух лет бурного продвижения в нескольких направлениях надо на секунду остановиться, оглянуться и заново перепоставить цели. В моем понимании, пришло время, когда от периода бури и натиска надо переходить к системной работе. Суть этой системной работы называется «разработка инновационной стратегии развития». Я считаю, и мои коллеги это мнение разделяют, что сейчас именно такой момент, когда, правильно переосмыслив задачу, нужно поставить ее заново именно в таком ключе. Что это означает? Каким требованиям должна соответствовать такая программа и как она должна делаться? Назову несколько из них.

Во-первых, правильный горизонт планирования — десятилетний. Это разумный компромисс между полной потерей содержания — такой риск всегда есть — и, в то же время, слишком коротким периодом, за который просто невозможно ничего крупного сделать в стране. Если десятилетний срок переводить на политический язык, то мелькают в голове цифры либо 8, либо 14, но мы их перелистнули и оставили 10 как правильный горизонт. В документе, касающемся инновационной стратегии, на мой взгляд, нужно разобраться с местом России на мировом инновационном фоне. Мы видим сегодня бурные процессы, о части которых я уже сказал. Израиль стал практически мировым центром IP (Intellectual Property, интеллектуальной собственности). Южная Корея, которая почти не имеет собственной фундаментальной науки, тем не менее экспортирует инновационную хайтековскую продукцию на сотни миллиардов долларов, в десятки раз больше, чем Россия. Науки нет, а инновационный бизнес есть. И наоборот: наука есть, а инновационного бизнеса нет. И такие модели возможны, и такие. Или Китай, который сегодня вкладывает в это направление, как мне представляется, триллионы долларов. Это мое понимание ситуации, особенно после недавнего визита в Китай, где я пытался подробно разобраться с этой темой. Фантастический объем ресурсов, который даже сложно себе представить. Добавьте к ним реальные затраты, реальную цену рабочей силы и определите, что на этом фоне в России можно сделать, что способно будет конкурировать с китай-

Гордон Матта-Кларк. Тихий разговор с мамой. 1998

ской продукцией через пять лет. Инновационной продукцией, я не про уголь. И понятно станет, что задача не очень простая и ответ на нее совсем не тривиален.

Ясно, что программа такого класса должна быть операциональна. Это не набор пожеланий, а вполне технологичный документ, который описывает не только «зачем?», но и «что?», и «как?». Ясно, что в этой программе результаты должны быть объявлены заранее, что они должны быть контролируемы. Кстати, простейший результат: доля ВВП в хайтеке. Точка. Конечно, он имеет свои плюсы и минусы, но, тем не менее, вполне внятно показывающий реальный итог развития. Сам процесс разработки должен быть, конечно же, открытым. Об этом я буду дальше говорить подробнее, потому что считаю это важным. Ясно, что собственное ресурсное обеспечение задач инновационного развития России изначально заложено в бюджетную стратегию. Не в режиме, когда президент решает: на Сколково — 10 млрд из бюджета или 15 млрд. Нет. В режиме, когда сама бюджетная стратегия страны исходит из этого приоритета и закладывается в бюджетное послание — в трехлетку — годовой бюджет.

Но это — требования. Самое главное — что должно быть внутри, что должно быть в этой программе? Я понимаю, что дать полный ответ на этот вопрос я не смогу, но могу обозначить пять приоритетов, кото-

рые, по крайней мере, я готов как-то обосновывать, заранее понимая, что ими не исчерпывается весь спектр задач: ясно, что нужно наращивать этот список и дальше. *Общее экономическое законодательство*, скажу об этом подробнее, важная сторона дела. *Региональная политика* — ну просто вопрос вопросов, начать и кончить. *Технологические приоритеты*. *Состав федеральных органов исполнительной власти*, инструменты механизма государственной инновационной политики. *Преобразования науки*. Повторяю еще раз: список можно продолжать. Сейчас скажу по два слова про каждый из обозначенных приоритетов.

Общее экономическое законодательство. Начну с общих точек, а потом завершу всю тему экономического законодательства базовой логикой. Корпоративное законодательство. Самая простая вещь. Те из вас, кто связан с венчурными инвестициями, профессионально их изучал и работал в этой сфере, прекрасно знает, что в нашей стране есть единственная организационно-правовая форма для таких инвестиций под длинным названием «Закрытый паевой инвестиционный фонд рискованных венчурных инвестиций». Форма отвратительная. Представить себе невозможно: с двойным налогообложением, с десятком изъянов, лишаящих возможности проводить второй, третий раунд освоения средств — со всеми недостатками, которые только возможны. Ясно, что нужен новый, создающий новую организационно-правовую форму закон, вписывающийся в Гражданский кодекс с соответствующими дополнениями, дающими возможность по-человечески формировать венчурный фонд. Это одна часть решения задачи. Другая часть — это результат работы венчурного фонда. Он, собственно, что создает? Он создает стартапы. А стартапы — это что? ООО? Не годится. Любая из ныне действующих у нас организационно-правовых форм в принципе непригодна для нормального функционирования инновационной компании ранней стадии, то есть стартапа. Наша работа в этом направлении привела к разработке нового закона о коммерческом товариществе, который в нашем понимании радикально упрощает жизнь тем, кто собрался заняться реальным инновационным бизнесом.

Если вы поговорите сегодня с теми инноваторами, которые, как ни странно, выжили, то первой проблемой почти все назовут даже не то, о чем я сказал, а таможеню. При слове «таможня» они просто готовы хвататься за револьвер, если он у них есть, и выражать свои мысли неприлично. Ясно, что здесь нужна если не революция, то радикальное изменение ситуации, полный пересмотр фундаментальных норм Таможенного кодекса России. К этому времени подоспел Таможенный союз. К счастью, в Таможенный кодекс Таможенного союза удалось предложить десятки норм, направленных на это. Это — первый шаг. Шаг номер два — закон «О таможенном регулировании», российский, который сегодня разработан и вносится в Государственную думу. Шаг номер три — валютный контроль. Это — Центральный банк, это вообще другая история, другие принципы валютного конт-

роля. К счастью, у нас хороший диалог с ЦБ. Там понимают и помогают готовить нам такой законопроект.

Еще одна деликатная проблема — экспортный контроль. Если кто слышал о нем — это совсем специфическая сфера. Целый закон об экспортном контроле в России — абсолютно непригодный для нормальной жизни, требующий полной переделки от начала до конца. И, как это ни странно, ведомство, занимающееся этой темой, относится с

пониманием к нашим предложениям, мы завершаем разработку нового закона об экспортном контроле. Проект называется «Зеленый коридор». Замысел: попытаться создать «зеленый коридор» для российской инновационной продукции,

Инновационная программа должна быть операциональна. Это не набор пожеланий, а вполне технологичный документ, который описывает не только «зачем?», но и «что?», и «как?»

потому что понятно, что мы либо создадим инновационную экономику международного класса, либо лучше ее не создавать вообще. Она не может быть такой — «немного для себя». Не получится. Именно поэтому все, что касается внешнеэкономических связей, для нас — абсолютный приоритет.

Едем дальше. Ну, святая святых — Налоговый кодекс. Наши пятимесячные битвы с министром финансов на этот счет позволили достичь серьезного взаимопонимания и продвинуть целый ряд вопросов, начиная с принципов амортизационной политики, кончая — на днях это объявлено президентом — отказом от налогообложения прироста капитала. Правда, там внутри есть маленькая развилка. Есть прирост капитала у юрлиц и есть прирост капитала у физлиц. Физлица — это так называемые бизнес-ангелы — профессиональные инвесторы, готовые финансировать проекты на ранней стадии. Это важнейший институт финансирования инновационных проектов, который, будете смеяться, в нашей стране существует. Он абсолютно реальный. Мало того, сейчас будем формировать «Российскую ассоциацию бизнес-ангелов». Их не обязательно подводить под этот закон. Они обязательно должны получить освобождение от налогообложения прироста капитала — это важнейший инструмент государственного содействия инновационной политике.

Техническое регулирование. Крупнейшая сфера. Декабрьские поправки 2009 года в Федеральный закон очень важны. Но это — часть истории. Это выглядит примерно так: в 2002 году в России был принят Закон о техническом регулировании — очень прогрессивный, очень передовой, очень стратегический, но вообще никакого отношения к жизни не имеющий, не реализованный вообще ни в какой форме. В стране на сегодня принято чуть меньше двух десятков техрегламентов — это основа закона. Но если называть вещи своими именами, то страна живет без техрегулирования. Ответить на вопрос:

работают ли сегодня те 100 000 ГОСТов, полтора миллиона ОСТов, столько-то сот тысяч СНИПов и еще столько-то сот тысяч норм и правил, введенных в отраслях, невозможно. Нет ответа. Представить себе, что экономика наших масштабов, за триллион долларов ВВП, которая вообще не имеет технического регулирования, в жизни, основанной на трубе, конечно, можно. Но в жизни, основанной на науке, невозможно. Так не бывает. Я считаю, что задача концептуального переосмысления технического регулирования является важнейшей, и ее решение требует серьезнейших интеллектуальных усилий.

Законодательство об интеллектуальной собственности. Ну, об этом, как и, собственно, о ранее высказанном, можно было бы говорить целый час. Вот совсем коротко, что мы понимаем сегодня об этой сфере. Начать с Гражданского кодекса. По-настоящему прогрессивный документ. Действительно, продвинувший ситуацию и в ряде случаев дал очень прогрессивные нормы, действующие сверху вниз. Например, есть собственно разработчик интеллектуального продукта — автор, институт, в котором он работает, дальше ведомство, которое деньги давало, и дальше государство. Смысл вектора, заданного законом, — передать куда-то вниз реальное правообладание, но передача осуществляется в режиме «может быть». Закон разрешил государству передавать эти права вниз, а государство наше — не хочет. С государством нашим так разговаривать нельзя. Оно такого языка не понимает. Государство нужно заставлять. Ничего другого оно не понимает. Государству нужно запретить. Вот тогда это может оказаться действенным.

Я убежден, что суть проблемы интеллектуальной собственности — я говорю не о копирайте, не об авторском праве, а о промышленной интеллектуальной собственности — в разрыве между субъектом мотивации и центром правообладания. Мотивация находится у того, кто придумывал, а правообладание — там, далеко-далеко. Тот, кто потенциально хочет коммерциализировать права, тот не может. Кто-то может, но не хочет. Все остальное вторично. Все дискуссии о том, что плохо в российских стандартах бухучета учитываются нематериальные активы, что доля нематериальных активов составляет столько-то, а вот в Америке — столько-то, что нам нужны оценщики в сфере нематериальных активов и так далее, — все это правильно. Только вторично. А первична мотивация, которая растоптана, разорвана на части. И пока мы не решим эту задачу, мы не добьемся ничего. Суть решения — я боюсь использовать некоторые термины из «проклятых 90-х», как-то хочется их избежать — «интеллектуальная амнистия». Это мы и будем предлагать через нормы существенного обновления всего законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Государственные и муниципальные закупки. Большущая область — триллион двести миллиардов рублей в год. В части инновационной — не работающая вообще. Невозможно по принципу минимизации цены финансировать мир. Точка. И даже задача перехода к «цене вла-

Гордон Матта-Кларк. Расщепление: Четыре угла. 1974

дения» и целый ряд других идей в сфере закупок являются половиной дела. Ясно, что тут нужны крупные, масштабные и значимые решения. То, что я рассказал, — это маленькая часть общего экономического законодательства, в котором содержатся бюджетное законодательство, требующее полного пересмотра, экологическое законодательство, которое не работает, миграционное законодательство, в котором сделан только первый шаг, законодательство о науке, о финансовых институтах и многое-многое другое. Суть: все российское экономическое законодательство от начала до конца выстроено под задачи индустриальной экономики. Мы пытаемся построить постиндустриальную экономику. Это другой мир, это другая история. Именно поэтому этой историей нужно заниматься сегодня более чем основательно, серьезно и системно.

Но если вы помните, общее экономическое законодательство — это только часть содержания инновационной стратегии развития России, на которую я нахально замахнулся. Есть еще региональная политика. Ясно, что все регионы не могут быть одинаковыми, ясно, что с каждым нужно разбираться отдельно, ясно, что мы вряд ли будем строить инновационную экономику в каждом из 83 регионов России. Чукотка, Магадан, Камчатка, Чечня, Ставрополь, Калининград — наверное, нет. Рано или поздно, придется внятно ответить на вопрос, где наши приоритеты. Ответив на этот вопрос, вы одновременно ответите на

вопрос, где их нет. Ответите тем губернаторам, которые не получают соответствующей государственной поддержки, а это гораздо сложнее, чем сказать «да». Но не пройдя эту развилку, невозможно в стране нашего масштаба строить региональную инновационную политику. Она абсолютно необходима.

Технологические приоритеты. Президент обозначил пять приоритетов, как вы, наверное, знаете. Что, на мой взгляд, разумно. Однако совершенно необходим следующий шаг. В моем понимании, крупномасштабные технологические инновации должны быть теми продуктами или технологиями, которые способны либо изменить базовую технологию в целой отрасли, либо просто создают новую отрасль. О чем я говорю? Вот лишь несколько примеров, которые нам понятны и близки, которыми мы серьезно занимаемся. Светотехника на светодиодах. Сегодня любой эксперт в этой сфере скажет вам: очевидно, что светодиод с электропотреблением в 7 раз меньше и сроком службы в 50 раз дольше, чем у традиционных приборов освещения, заменит освещение офисное, уличное, промышленное, автомобильное и освещение специальное, вплоть до хирургического. Отрасль стоит в шаге от смены технологического уклада. Она будет заменена полностью в течение ближайших 10–15 лет. Ясно, что мы можем попытаться этот рынок освоить или, как обычно, отдать его друзьям за рубежом.

Очень похожая ситуация с автомобилестроением, где очевидно просматривается переход сначала к гибриднему, а затем и к электромобилю, что подразумевает крупномасштабную технологическую проблему: двигатель, аккумулятор и суперконденсатор. Эти три задачи более чем серьезны. Понятно, что переход такого рода прежде всего упирается в инфраструктуру, в возможность либо замены аккумуляторов, либо их зарядки, что не решается без масштабной государственной поддержки. Высокоскоростное железнодорожное сообщение. Как вы, наверное, знаете, Европа в 90-е эту задачу решила. Скорость 280–300 км/ч там освоена везде. Для сведения добавлю: две недели назад в Китае пущен первый поезд на линии 1000 км со скоростью 398 км/ч. Китайская инвестиционная программа предполагает развитие этого проекта примерно с десятикратным увеличением в ближайшие пять лет. В России есть «Сапсан», что, конечно, хорошо. Но, как мы понимаем, это очень далеко от масштаба задачи, которая должна быть решена в целом.

Индивидуализация методов фармотерапии на основе массового секвенирования (расшифровки) генома человека. Хорошо известно, что в этой технологии человечество перешло уже от стадии научных открытий к стадии лавинообразного падения себестоимости индивидуального секвенирования. Миллион долларов это стоило когда-то, 50 000 долларов — сейчас, через 3–5 лет это будут уже тысячи либо сотни долларов. Это означает просто смену концепции медицины вообще на основе индивидуального подхода, что переворачивает эту отрасль, как мне кажется, от начала до конца.

Регенеративная медицина. Много спекуляций, много дискуссий. Но, знаете, я просто своими глазами вижу в пяти странах мира: ни лабораторий, ни ученых — просто бизнес. Израиль, небольшая компания... — Что делаете? — Занимаемся костной тканью. — Расскажите. — Вот фотографии: коленная чашечка с пулевым ранением, коленная чашечка через 4 дня — почти зажившая, коленная чашечка через 7 суток — вообще никаких следов, ну совсем никаких. Я не специалист, но специалисты знают, что коленная чашечка — одна из самых сложных в технологическом смысле структур, гораздо сложнее, чем тазобедренный сустав. И мы сегодня готовим такие проекты по выращиванию в чело-

*Под задачи инновационного развития
предстоит радикально изменить состав
и функции органов федерального
управления*

веческом теле органов: что казалось полным абсурдом — сегодня становится стартапами, завтра это будет живым бизнесом, а через 10 лет это будет частью повседневной медицины. Появиться все это в нашей стране без серьезной политики точно не может.

Цифровые медиа. Поезжайте в Сингапур. На любой встрече, начиная с Ли Куан Ю и заканчивая любым стартапером, вам скажут: цифровые медиа — это стратегия Сингапура, на ней мы собираемся выращивать будущее, и наша задача сделать четыре университета и двенадцать исследовательских центров по цифровым медиа. И так далее. Интерактивность, мультижанровость, индивидуализация запроса, возможность изучения индивидуализированного новостного ряда. И новостная лента в «Фейсбуке» по отношению к этому покажется детским лепетом, и очень скоро.

Магазин без кассы. Про него я готов еще часов шесть рассказывать, но в этот раз не буду. Суть заключается в том, что вы приходите в магазин, берете, что вам надо, и уходите; собственно, все. Правда, при этом с вашей карты автоматически списывается стоимость ваших расходов. Штрих-код исчез, ручное считывание штрих-кода исчезло. Вместо него появилась метка, которая автоматически, без потребления энергии дает информацию о каждом купленном товаре. Нами подписан проект «Магазин будущего», начинаем первый опытный магазин вместе с «Пятерочкой» и «Системой» - на троих, для начала.

Совершенно ясно, что под эти задачи предстоит радикально изменить состав и функции органов федерального управления. Очевидно! Задайте простой вопрос: «Кто в стране отвечает за инновационную экономику? Фамилии. Адреса. Явки», как сказал бы наш начальник (смех в зале). Ответ: «Наверное, Фурсенко. Хотя, может быть, и Набиуллина». Но когда именно так мне и ответили, я имел наглость возразить, что хотя с большим уважением отношусь и к Андрею Александровичу, и к Эльвире Сахипзадовне, но это тот случай, когда двое — это хуже, чем один. У двух начальников не может быть нор-

мальной работы. Если это приоритет страны, значит, должна быть не комиссия и даже не две комиссии. Должен быть министр, который отвечает за это с утра до вечера. У него должен быть аппарат, который обеспечивает это в скучном бюрократическом режиме. В каждом отраслевом министерстве должен быть скучный зам, который именно этим приложением к своей отрасли — транспорту, промышленности, энергетике — и занимается. Все сходится в министерстве экономики, которое, как мне представляется, должно стать министерством инновационной экономики. И так далее. Это все банальные вещи, но без этой компоненты задача неразрешима.

Инструменты и механизмы государственной инновационной политики. Суть темы состоит в том, что все действующие инструменты неадекватны задачам воздействия государства в условиях инновационной экономики. Вообще, ситуация проста: степень сложности государственного воздействия на экономику возрастает на порядок: уровень компетентностных запросов, требований к государству... В такой же степени возрастает диверсификация инструментов, способность применять их к разным видам бизнеса. Эта задача, конечно же, требует специальной работы, к которой присоединяется еще одна мелкая задачка под названием «реформа образования и науки». А если поставить вопрос: есть ли какой-то набор фундаментальных реформ, которые стране необходимы? Реформа МВД. Ясно, что она необходима, но к инновационной экономике это прямого отношения все-таки не имеет. Пенсионная реформа. Вопрос жизни и смерти для страны. А вот реформа образования и науки — просто на инновационном пути, и никуда от этого не деться. Наверное, это вопрос не нынешнего политического цикла, а следующего. Если в сфере образования мы видим реальные шаги — единый госэкзамен, исследовательские университеты, то в сфере науки — я, может, что-то проглядел — ничего как-то не происходит.

Выводы. Что, собственно, автор хотел сказать своим произведением. Я хотел сказать всего-навсего три мысли по поводу инновационной стратегии России. Мысль номер один: пора. Наступил момент смены вех. Это сейчас надо делать. Мысль номер два: все, что я сказал, — слабенький, бледный, робкий, неполный, нецелостный и бездоказательный вход в тему, не более того. Мысль номер три: начальство не может решить эту задачу и не сможет решить эту задачу. Задача такого класса сложности — это не задача министра, министерства, правительства или даже, страшно сказать, президента. Нет. Это задача интеллектуальной элиты. Рискну сказать, что все, что я прочел на эту тему, тысячи толстых и тонких публикаций, не решает задачу. Я не вижу документа, который соответствовал бы тем запросам, которые, на мой взгляд, являются правильными. Но это означает, что сегодня у нас не правительство отстало. Это мы с вами отстали. Мы с вами не сформулировали единого, целостного ответа на этот вызов. Именно поэтому я здесь, именно вы и должны дать на него ответ. Спасибо за внимание.

Европа после кризиса*

*Альберто Карнеро,
директор департамента
международных отношений
Фонда общественных
исследований и анализа
(Мадрид)*

Прежде всего хочу сказать, что кризис еще не закончился, он может и обостриться. Во-вторых, говоря о Европе, а точнее, о Европейском союзе, сконцентрируюсь на проекте единой евровалюты. И наконец, сразу подчеркну, что Европа, конечно, выйдет из кризиса, как она переживала и другие кризисы в своей истории, начиная с «Черной чумы».

Если мы хотим выйти и из нынешнего кризиса, нам надо четко понимать, в какой точке мы находимся, взглянуть на действительность трезво и принимать решения в соответствии с этой реальностью, осознавая, что кризис носит экономический и финансовый характер, но не только, у него есть и другие измерения. На мой взгляд, он разразился в том числе и из-за не совсем верных политических решений, или из-за не принятых решений, которые следовало принять. Таким образом, выход из кризиса предполагает определенные политические действия. Постараюсь на этом остановиться.

Итак, мы находимся в той точке, где не хотели бы оказаться. Ведь евровалюта задумывалась как раз для того, чтобы избежать таких ситуаций. Тем не менее во многих странах наблюдается ощущение тревоги и отчаяния, а кто-то говорит даже о провале евро. Причины для этого есть. Например, если взять Испанию, то у нас показатель безработицы превышает 19 процентов от активного населения, 4,5 миллиона человек оказались без работы; высоки уровни бюджетного дефицита, нестабильности на финансовых и фондовых рынках.

Для анализа ситуации в Евросоюзе и условий выхода из кризиса необходимо четко установить принципы. Во-первых, надо признать, что, к сожалению, некоторые европейские политики долгое время отказыва-

* Выступление на семинаре в Голицыно 10 июня 2010 года.

лись признать реальность. В политике никогда не надо лгать, но особенно опасно верить в собственную ложь. Это произошло с некоторыми европейскими политиками. Во-вторых, признание реальности предполагает признание прошлых ошибок, что трудно для политиков, но совершенно необходимо. Как в других сторонах жизни, за ошибки приходится платить. И третьим условием для выхода из кризиса является разработка адекватных мер. И, наконец, это главное, необходимо восстановить веру в европейский проект как таковой и в европейскую валюту. Этот проект не должен быть чем-то, что разрабатывают какие-то ловкие господа в Брюсселе, за спиной у остальных европейских стран, а потом преподносят готовые рецепты, которые страны должны выполнять. Я думаю, что это неправильно, потому что демократия состоит как раз в обсуждении решений и убеждении людей в правильности выбора. Если мы это сделаем, думаю, мы сможем выйти из кризиса, заплатив определенную цену и принимая некоторые трудные, непопулярные решения, но это единственная форма для того, чтобы избежать провала европроекта, успех которого требует нашей каждодневной работы.

Итак, евро, проект единой европейской валюты логически вытекал из процесса экономической интеграции Европы — объединения национальных рынков и формирования единого внутреннего рынка для адаптации к новым реалиям глобализации. Евро, единая европейская валюта, — это давнишняя идея, в 1970-е уже об этом говорили. Единая валюта вырастает из Маастрихтского

договора 1992 года. Это политический ответ Европы на падение Берлинской стены, восстановление демократии в странах Восточной Европы, вступление в рыночную экономику многих миллионов людей, конкуренцию таких стран, как Китай Индия, Бразилия, Южная Африка и т.д.

Этот проект евро подразумевал два главных условия. Прежде всего, идея стабильной и сильной валюты требовала жесткой финансовой дисциплины. Это означало, что входящие в зону евро государства не должны были тратить намного больше того, что они зарабатывают. Соответствующие нормы нашли отражение в европейском Пакте о стабильности и экономическом росте*. Во-вторых, стала очевидной необходимость структурных реформ в европейской экономике, поскольку ее послевоенный уклад был исчерпан и не соответствовал конкурентным условиям глобального рынка. Таковы были императивы но какой оказалась реальность?

Что случилось после разработки евро в 1992 году? В 1998 году план введения евро утверждается, и в 2002 году евро начинает вводиться в наличный оборот. Однако примерно в 2004 году бюджетная дисциплина и ответственность начинает размываться, и мы сейчас платим за это высокую цену. Договорившись об определенных нормах, мы их не выполняем. Именно это и произошло в 2004 году: некоторые страны не выполнили свои обязательства по сдерживанию бюджетного дефицита и по налоговому регулированию. К некоторым странам такие нормы применялись, например к Португалии, а к таким

* Подписанное в 1997 году между государствами зоны евро соглашение предусматривает критерии бюджетно-финансового регулирования и санкции за их нарушение. Важнейшие нормативы: годовой дефицит госбюджета не должен превышать 3% ВВП; национальный долг должен быть меньше 60% ВВП, меры по сдерживанию инфляции и др. (Прим. ред.)

крупным странам, как Франция и Германия, нет. Эти страны просто предпочли изменить нормы, пока не наступила ответственность за их невыполнение. Как бывает иногда с некоторыми правящими партиями, которые по ходу меняют правила игры. Последствия были очень серьезные, потому что европейским правительствам был направлен месседж: если вы не выполняете норму бюджетной стабильности, записанную в европейских договорах, ничего, мол, страшного. Таким образом, как бы пригласили все европейские правительства вести себя безответственно в управлении национальными бюджетами. Необходимость структурных реформ для адаптации к глобализации была ясно обозначена в так называемой Лиссабонской повестке дня в 2000 году. Европейские модели государства благосостояния были очень удобны для европейцев, но очень дорого стоили. Структурные экономические реформы должны были либерализовать европейскую экономику и сделать ее конкурентоспособной в международном плане.

Однако политику очень нелегко сказать своим гражданам, что они должны меньше тратить, что государственное здравоохранение должно рационализироваться, потому что слишком дорого для государства, как и системы пенсионного обеспечения, социальной защиты, образования или сфера трудовых отношений. Европейская социально-экономическая система оказалась более консервативной по сравнению с другими регионами мира, где изыскиваются более гибкие решения, чтобы более успешно противостоять кризису. Сейчас мы оказались в зоне риска. Экономическая и особенно финансо-

вая дестабилизация часто ведет к дестабилизации политической, что произошло в 1920–1930-е годы в Германии. Другая опасность нестабильной экономики — рост национализма — обвинение в своих проблемах иностранцев, классовых врагов, гастар-

Признание реальности предполагает признание прошлых ошибок, что трудно для политиков, но совершенно необходимо

байтеров, иммигрантов и т.д. Национализм основан на ненависти, которой очень легко манипулировать, особенно во времена кризиса. Инструмент предотвращения политической дестабилизации и противодействия ненависти — это своевременная реализация разумных проектов, которые надо разъяснять людям в процессе честного демократического диалога.

Такие инструменты в Европе были разработаны, но мы не выполнили в необходимом объеме предписанные нами же общие нормы и регламенты. Прежде всего это касается стабильности евро как критерия и некоего символа устойчивости экономики региона и его конкурентных возможностей. На мой взгляд, есть две модели евро, каждая из которых предполагает разные модели политико-экономического поведения.

Первая модель — сильного евро — основана на жесткой финансовой дисциплине и требует существенных социально-экономических реформ, реальной независимости Центрального европейского банка, проведения гибких финансовых реформ и, наконец, дисциплины государственной казны и ответственности политических властей.

Ева Боснио. Цыганский мальчик с виолончелью. Венгрия, 1931

Такой вариант «требовательного евро», на мой взгляд, наилучший, поскольку он создает атмосферу доверия к европейской финансовой системе.

Но может быть и другой тип евро, с другими характеристиками. Речь идет о так называемом солидарном евро, когда ответственность за провал фискальной политики отдельных государств зоны евро перекладывается на всю их совокупность, что нельзя считать ни эффективным, ни справедливым. К сожалению, Европа сейчас все больше использует механизм «солидарного», а не «требовательного» евро. Я считаю, что это неправильно, потому что безответственность, невыполнение отдельными странами еврозоны договоренностей, ведет постепенно к культуре задолженности, дефицита государственного бюджета, дестабилизации евро, ухудшению репутации всего Евросоюза как конкурентной силы и притягательной модели. Причем экономические проблемы этой культуры покоятся на глубинных политических основаниях.

Дело в том, что после падения Берлинской стены и подписания в 1992 году Маастрихтского договора о ЕС мы, европейцы, попали в ловушку. Нам показалось, что история кончилась, больше нет необходимости объяснять, что нет идеологической альтернативы европейскому проекту. А поскольку это так, нет необходимости и защищать этот проект перед общественностью каждой страны Евросоюза. Начинается безудержный процесс евроэнтузиазма, я мог бы его назвать даже европейским национализмом. Мы считаем, что все решения, которые принимаются на эзотерических совещаниях в Брюсселе,

настолько хороши, что их вообще не надо защищать и отстаивать в публичном пространстве каждой страны. Только восхвалять это остается и больше ничего. В результате в Европе возник некий политический и бюрократический консенсус в отношении единой

Мы должны переосмыслить идею евро и весь экономический процесс в Европе на основе общественного консенсуса в процессе глубокой дискуссии в каждой стране

европейской валюты, ставки на культуру стабильности и на процесс реформ. А состояние общественного мнения, как мы видим сейчас, было далеко от консенсуса в отношении проекта евро. Мы увлеклись переосмыслением норм политической европейской системы, общими институциональными реформами и не делали ничего или почти ничего на национальных уровнях для отстаивания проекта евро и проведения экономических реформ, которых требовал этот проект. На мой взгляд, была недооценена роль легитимности национальных политических пространств в контексте общеевропейского политического пространства, которое, по сути, не сложилось; важные решения принимались на наднациональном уровне без учета специфики отдельных стран. Тем самым мы ослабили весь европейский процесс сотрудничества демократических, свободных стран в рамках общего проекта, который не подменял бы национальные политические системы, а учитывал их особенности.

Что мы можем сделать для выхода из нынешней ситуации? Нам надо твердо решить, какое евро мы хотим. Но это

решение должно приниматься не в Брюсселе в закрытом зале 27-ю главами государств и правительств, а так, чтобы оно исходило от всех европейских стран после обсуждения их общественностью. Это очень важно, потому что если экономические реформы навязываются из какой-то единой точки, из Брюсселя, это создает социальное отторжение, неприятие, что мы видим, например, в Греции. Наверное, грекам самим надо решать, хотят ли они принимать трудные непопулярные решения для снижения своей задолженности, сокращения бюджетного дефицита и реформирования социальной системы, или, может быть, они предпочитают какую-то другую модель — большого дефицита, высокой задолженности. Логическим следствием такой постановки вопроса является то, что мы должны переосмыслить идею евро и весь экономический процесс в Европе на основе общественного консенсуса в процессе глубокой дискуссии в каждой стране. Какие-то страны примут решение о сильном «требовательном» евро, основанном на жесткой налогово-бюджетной дисциплине, какие-то не захотят принять эти нормы, и в таком случае надо дать им возможность выйти из проекта евро. Боюсь, что кризис в Греции и способ его разрешения разрушает идею финансовой ответственности отдельных стран еврозоны, перекладывая ее на других участников европроекта. Давно надо было бы быть более последовательными в применении критериев Пакта о стабильности и росте в отношении Греции и других проблемных стран. Для структурирова-

ния греческого долга следовало использовать инструмент, который давно существует, а именно Международный валютный фонд. Мы не захотели этого сделать, потому что помешал комплекс «европейского национализма», мы посчитали, что это будет против нашей чести. А ведь все европейские страны являются членами МВФ и его исполнительный директор всегда европеец; МВФ уже вмешивался в некоторых европейских странах, хотя они не были членами евро, например Венгрия.

Что произойдет с Европой после кризиса? Честно говоря, не знаю. Как-то «Financial Times», анализируя европейские дела, предложила четыре сценария. Первый: европейские правительства извлекут уроки из кризиса и примут наконец адекватные меры для создания стабильного и сильного евро. Второй: ситуация стабилизируется, мы ничего не будем делать и застынем в этом состоянии неопределенности. Третий: ситуация ухудшится, но мы по-прежнему ничего не будем делать. И четвертый сценарий: евро настолько приблизится к опасной черте, что некоторые страны будут вынуждены создать какую-то собственную валюту, либо те страны, которые не готовы следовать необходимым реформам и подогнать свои бюджетные расходы под сильную дисциплину, будут любезно приглашены к выходу из зоны евро. Таким образом, будущее неясно, неопределенно. Я за то, чтобы евро все-таки был стабильной валютой, основанной на реформах. Это будет правильно для европейского политического проекта и для стабильности мира.

Поиск общего языка*

Говоря о поисках общего языка в контексте обсуждения проекта Гражданской энциклопедии, сведу свое выступление к нескольким тезисам и в вольной форме их проиллюстрирую.

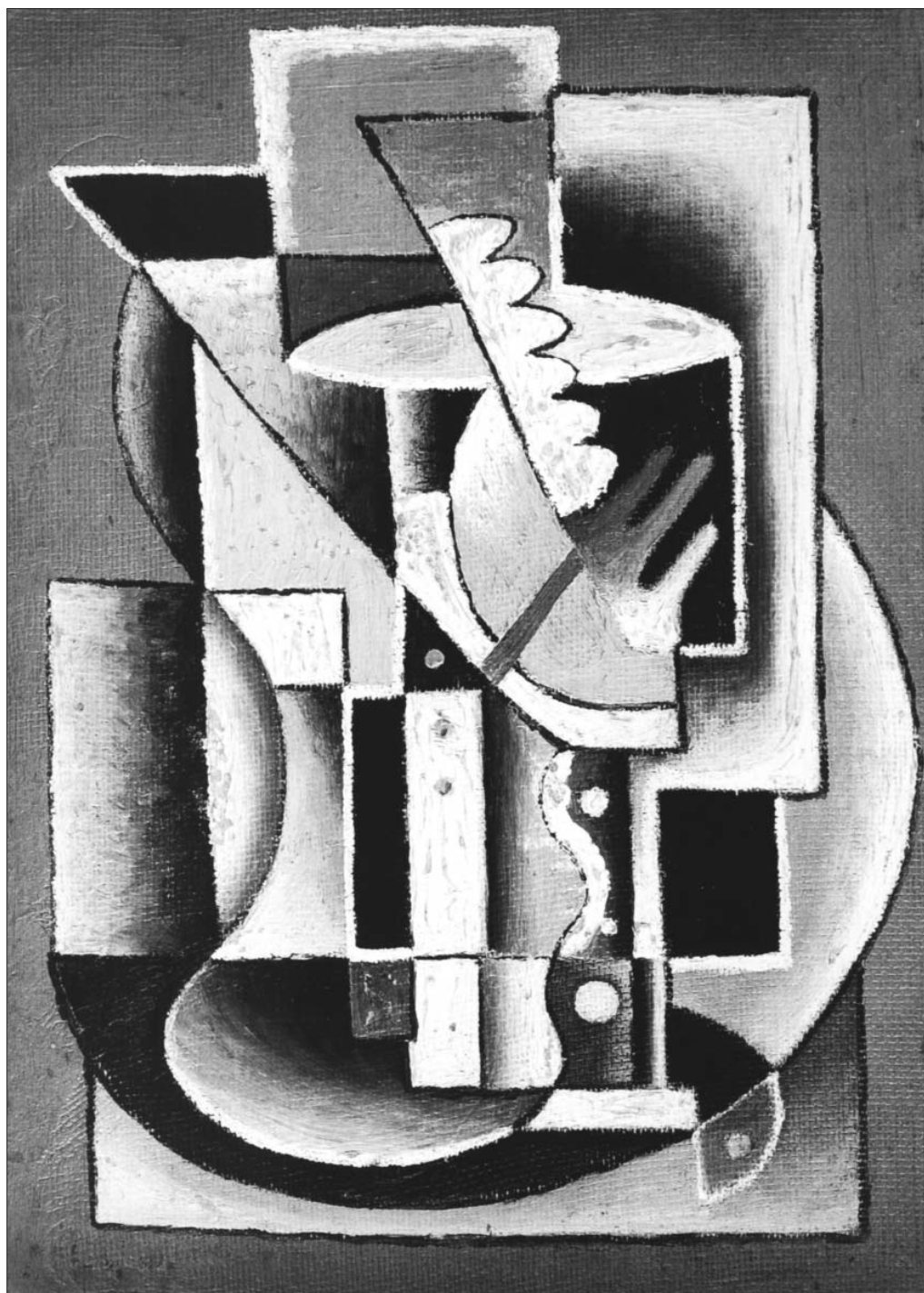
Начну с очевидного: чтобы достичь какого-либо взаимопонимания, необходимо располагать общим языком и использовать этот язык одинаковым образом. Это настолько очевидно, что в русском языке даже фразеологизм «найти общий язык» или «говорить на одном языке» и означает достичь взаимопонимания. В чем же тогда трудности достижения общего языка?

Современная лингвистическая семантика считает, что у языковых единиц есть скрытые компоненты значения. И они различаются даже у близких по значению слов, в разных языках, а также в речи разных носителей одного и того же языка. Сошлюсь в этой связи на практику международного суда в Гааге, где пользуются английским языком, в том числе и судьи, для которых он не является родным, но они им хорошо владеют. Выясняется, что те, кого допрашивают в международном суде или кто дает свидетельские показания, часто неправильно понимают то, что им говорится. Английский язык действительно сильно отличается от многих других языков, в частности, в отношении правовой терминологии. Так, два вполне бытовых английских слова «reasonable» и «fair», условно переводимых как «разумный» и «справедливый» или «очевидный», используются в англо-саксонском праве в качестве юридических терминов, а для континентального права это совершенно немыслимо, и многим юристам, даже хорошо знакомым с англо-саксонским правом, непонятно.

*Алексей Шмелев,
доктор филологических наук,
Институт русского языка
РАН*

* Начало см. в предыдущем номере: *Круглый стол: Язык гражданского общества. // Общая тетрадь, № 1 (51), 2010. — С. 25— 46.*

Серж Шаршун. Без названия. 1922

Про проблемы межкультурной коммуникации много чего написано, и лингвисты хорошо это знают. Меньше известно о возникающих внутри одного языка проблемах, которые могут быть связаны с тем, что язык изменяется. Участники круглого стола уже говорили о том, чем гордятся разные народы, американцы, русские и др. Замечу, что слова «гордый», «гордость», «гордиться» резко изменили значение в большинстве европейских языков в конце XIX — начале XX века. Скажем, когда одна из корреспонденток, желая сделать комплимент Антону Чехову, в своем письме к нему назвала его «гордым мастером», он был чрезвычайно обижен и написал в ответ, что горды только индюки. Позже новое словоупотребление вошло в обиход и стало, по крайней мере в советском языке, общепринятым. Об этом можно прочитать в книге Корнея Чуковского о Чехове, где говорится, что он требовал гордости от всех и воспитывал в себе человеческую гордость. Нечто похожее произошло и с английскими словами «proud» и «pride». Часто носители языка просто по-разному используют одни и те же слова, и хорошо, если они отдают себе в этом отчет.

В ходе обсуждения я дважды слышал сегодня слово «доверие»: в выступлении Бориса Дубина и раз в выступлении Андрея Юрова, когда он говорил об отсутствии доверия к академической науке. Не уверен, что слово «доверие» имеет одинаковое значение в обоих случаях, хотя бы потому, что существительное «доверие» и глагол «доверять» могут нести разную смысловую нагрузку. Скажем, человек может писать доверенность и начинать его словом «доверяю», но это не означает, что он испытывает какое-то особое доверие к тому, кому он что-то доверяет. Не совсем я понимаю и то, что означает «доверие» в социологических опросах, это отдельный вопрос к социологической методологии: задавались ли респондентам вопросы со словом «доверие» или глаголом «доверять» или это просто социологический термин, который позволяет обобщать данные, полученные косвенным способом? Как носитель языка я этого сразу не понимаю, попадая в пространство, где возникают неясные смыслы.

Теперь, в связи с проектом энциклопедии, — о важном для русской мифологической культуры представлении о Западе, как некой культурной общности. Для меня как лингвиста очевидно, что западные или европейские языки отличаются друг от друга, может быть, не меньше, чем русский язык отличается от каждого из них. Это относится, в частности, и к тем терминам, которые нас интересуют. Ну, скажем, французское *liberté* имеет два перевода на английский язык — *freedom* и *liberty*. Эти слова не соответствуют по значению ни друг другу, ни французскому слову «*liberté*». В русском языке, как известно, тоже есть два слова — «свобода» и «воля». Часто говорят, что свобода близка к европейским понятиям, а воля что-то специфически русское. Но и термин «свобода» является специфически русским словом. Не буду подробно останавливаться на том, как рождалось это понимание, безусловно, имеющее сегодня отношение к гражданскому обществу, в этимологическом смысле слова. Скажу лишь, что когда-то этим сло-

вом обозначались поселения, освобожденные от княжеских повинностей, — «слобода».

Итак, мы не можем ориентироваться просто на некоторое усредненное понимание европейских понятий, даже имея специальную культурную установку, что хорошо бы перенести на русскую почву европейские традиции и привычки.

Следующий тезис — о лингвистических особенностях, которые, на мой взгляд, вообще очень часто игнорируются или недостаточно принимаются во внимание в разного рода общественных институтах, проектах, исследованиях и т.д. Я имею в виду в данном случае наше отношение к демократии, когда люди употребляют слово «демократический», забывая еще об одном слове — «демократизм». Мы ведь знаем, что есть демократия как форма политического управления, а есть демократизм, например, как способ общения начальника со своими подчиненными. Конечно, это разные понятия, и когда мы используем повсюду слово «демократический», все расплывается.

Ключевым для Энциклопедии, на мой взгляд, является вопрос, задумана ли она как дескриптивный или прескриптивный проект? То есть предполагается ли описывать, как ключевые понятия реально употребляются в современном общественно значимом дискурсе или должно быть задано какое-то единственное их правильное понимание? Я считаю, что должно быть и то, и другое, не забывая при этом, что многие слова употребляются в зависимости от контекста настолько размыто, что могут обозначать даже противоположные понятия. Например, это относится к словам «либеральный», «либеральничать», «либерализм». И поскольку часто существуют разные контексты употребления одного слова, должна быть все же некая подсказка читателю Энциклопедии, как было бы желательно употреблять тот или иной термин, чтобы он не терял своего значения, учитывая при этом, что практика навязывания языку какого-либо употребления показывает, что этого, как правило, не удастся сделать.

Сошлюсь в этой связи, для примера, на императора Павла I, который изготавил список слов, запрещенных к употреблению, и среди них, между прочим, были слова «гражданин» и «гражданский», которые нас всех интересуют. Предписывалось заменить их либо на слово «мещанский», либо «купеческий», в зависимости от того, какое именно сословие имелось в виду. Поэтому «гражданин», считал государь, слово не нужное. Не говоря уже о людях дворянского звания, которых никто гражданами и не называл. Независимо от того, перевод ли это слова «citoyen» или «bourgeois» — третье сословие во французском понимании. Конечно, из этого ничего не вышло, как, впрочем, и с рядом других слов. В некоторых случаях как раз наоборот слова, подлежащие замене, вышли из употребления. Например, слово «отряд» Павел I хотел заменить на французское «détachement», однако «отряд» употребляется и сегодня, а *détachement* — нет. А в некоторых случаях, как, например, слово «стража» предписывалось заменить на слово «караул», тогда как в современном языке употребляется и то, и другое,

и, значит, они несколько разные. В советское время попытки воздействия на язык тоже, как известно, были, поэтому последний мой тезис будет связан с советским языком. Но прежде два слова о трудностях взаимопонимания, с которых я начал свое выступление.

Эти трудности усугубляются тем, что в современном русском обществе существуют по меньшей мере три традиции употребления общественно значимых слов. Одну можно условно назвать традицией, восходящей к XIX веку и к

предшествующим периодам. Вторая — советская традиция: многие слова употребляются в том смысле, каким они были наделены в советское время носителями языка.

И третья — копирование

западных терминов в том их значении, которое принято на Западе.

Расскажу о советском опыте воздействия на язык. Понятно, что в Советском Союзе множеству слов придавалась идеологическая окраска. То есть в зависимости от того, шла ли речь о «нас» или о «них» использовались разные языковые единицы. Скажем, невозможно было встретить в официальном языке такие конструкты, как «американский воин» или «судилище в СССР». А когда шла речь о так называемых странах третьего мира могли использоваться разные слова с разной окраской, все зависело от того, соответствовало ли это интересам Советского Союза. Приведу пример описания одной ситуации разными лингвистическими средствами: «Матерый политикан вступил в сговор с главарем бандитских шаяк» или «Опытный политик заключил соглашение с главой партизанских отрядов». Понятно, что сказать «главарь партизанских отрядов» было невозможно, если это были просоветски настроенные партизаны, например, в африканской стране.

И еще несколько примеров, но уже из известных словарей Ушакова и Ожегова, в качестве иллюстрации идеологической направленности советского языка. Обратимся к словам «космополит» и «космополитизм». Слова эти не общеупотребительные и поэтому в конце 40-х годов, когда они вошли в употребление во время идеологической кампании по борьбе с «космополитами», на их значение было легко воздействовать. Этот сдвиг значения и нашел отражение в словарях. В толковом словаре Ушакова, это конец 30-х годов, «космополит» толкуется так: «Человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, признающий весь мир своим отечеством». Совершенно нейтральное толкование. А вот словарь Ожегова, причем я намеренно взял издание 1972 года, то есть более чем два десятилетия спустя после окончания борьбы с космополитизмом: «Космополитизм — реакционное буржуазно-политическое течение, которое под прикрытием лозунгов мирового государства и мирового гражданства отвергает право наций на самостоятельное существование и государст-

Мы не можем ориентироваться просто на некоторое усредненное понимание европейских понятий, даже имея специальную культурную установку

венную независимость, национальные традиции и национальную культуру». Длинное толкование, но видно насколько оно изменило подход к слову, так как идеологическое воздействие оказалось вполне успешным. И сегодня оба эти слова имеют скорее отрицательную окраску.

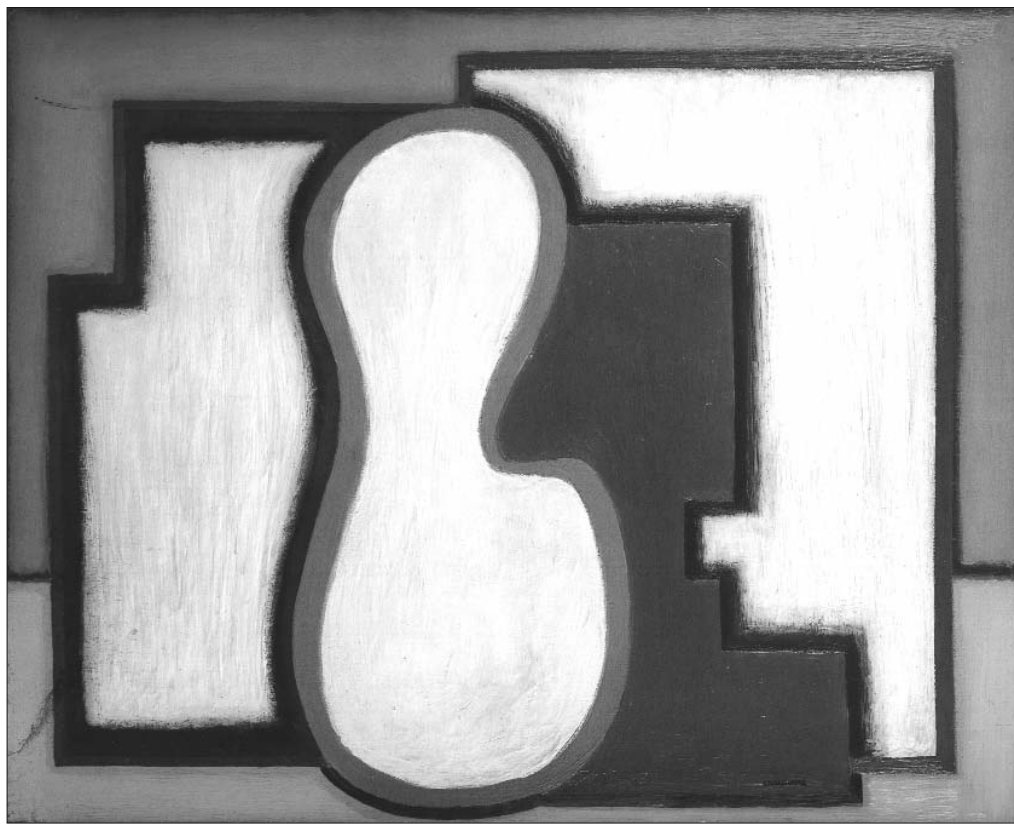
Или возьмем слово «донос». В сталинском Советском Союзе доносы всячески поощрялись и вменялись в обязанность, поскольку была уголовная статья за недоносительство. Между тем это слово приобрело ярко-отрицательную окраску еще в конце XIX века, и попытка внести в него нейтральный смысл, которая была предпринята в первом издании словаря под редакцией Ушакова, где говорилось, что это «тайное сообщение кому-нибудь, обладающему властью, о чьих-нибудь преступных действиях и замыслах», была признана идеологически невыдержанной. Уже во втором издании словаря понятие «донос» толковалось так: «Орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения; сообщение царскому или другому реакционному правительству о тайно готовящихся революционных выступлениях о деятельности революционных организаций или отдельных революционеров». Никому и в голову не должно было приходиться, что какие-то доносы могут быть в Советском Союзе, могли быть только «сигналы», которые человек направлял, считая это своим долгом, в соответствующую инстанцию. Однако очевидно, что отрицательный смысл слова «донос» сохраняется в языковом сознании общества и иное его содержание навязать языку едва ли удастся.

Елена Немировская:

— К сказанному Алексеем я бы еще добавила слово «оппозиция», которое пока, к сожалению, все еще продолжает восприниматься как нечто опасное.

Валентин Гефтер, директор Института прав человека:

— На мой взгляд, и доклад Алексея это подтверждает, ядром Энциклопедии должны быть общезначимые явления. То есть речь должна идти о каких-то узловых понятиях. Их не может быть триста, как в предварительном списке. Я понимаю, что это непростая задача — описать явления, которые волнуют не только нашу целевую аудиторию, на которую мы потенциально рассчитываем. И, конечно, как говорил Александр Согомонов, это не исключает обращения к гражданским практикам, к определенным референтным группам. Но главное все же корневые понятия. Иначе у нас может получиться нечто вроде словаря а-ля Ушаков или а-ля Ожегов. И еще. Мне кажется, заранее не стоит сужать понятие «плюрализм». Если создатели Энциклопедии считают, что у каждого понятия может быть несколько авторов, но с разными подходами к проблеме или общественному явлению, допустим, один государственный, а другой ультралибертарианский, то это будет более интересно. Компаративизм может быть разный — не только страновой, но и культурный, цивилизационный и т.д.

Серж Шариун. Предмет. 1928

Евгения Шамис, старший партнер Бюро тренинга и консалтинга «Personnel Touch»:

— Я согласна, что Энциклопедия может быть и прескриптивной, и дескриптивной, главное, чтобы она не была сложной. Иначе ее будет трудно читать. Помимо учителя и ученика, которого учат, есть ведь еще дети. И мне лично очень хочется видеть такую Гражданскую энциклопедию, которая и у детей пробуждала бы гражданские чувства. Потому что с ними тоже можно говорить о том, что такое гражданин.

Борис Дубин:

— Два слова в пояснение по поводу использования в наших соцопросах понятия «доверие». Мы задаем вопросы в разной форме, чаще всего с использованием глагола «доверять»: «Назовите 5–6 политиков, которым вы доверяете». Дальше перечень институтов и т.д. Наш социологический опыт, применительно к российскому населению, я описал бы так: доверие в данном случае означает передоверие. Поскольку человек, отвечая на предложенный ему вопрос и выражая свое мнение, скажем, о каком-то политике или институте, передоверяет фактически свою инициативу и считает это доверием. В европей-

ской же традиции, по крайней мере той, которую я знаю, немецкой, все выглядит иначе. В частности, известный немецкий социолог Никлас Луман, посвятивший несколько книг доверию, называет европейский феномен системным или функциональным доверием. Почему? Потому что, оценивая деятельность того или иного института, гражданин исходит из того, что поскольку он сам влиял на его формирование, институт будет продолжать работать так же хорошо, как он работал. Поэтому 70% германского населения доверяет полиции, а 70% российского — милиции не доверяет.

Второй момент связан со свободой. Свобода в российском околополитическом дискурсе, вообще говоря, близка к пониманию справедливости, позволяющей человеку (во всяком случае, он так думает) и его семье делать то, что они хотят, но чтобы их не доставали власти. При этом на власть и ее институты переносится идея о том, что они будут проявлять заботу о людях. Этот неписанный пакт о сотрудничестве и взаимном освобождении и воспринимается как свобода. Конечно, ни в каком иностранном словаре близких значений такого понимания свободы невозможно обнаружить. И третий момент. Эмиль Паин прав, что культура не препятствует языковым заимствованиям. Но для нас более важными, на мой взгляд, становятся сегодня переводы внутри языка, поскольку появилось несколько идеологически ориентированных языков, и разные люди, пользуясь словами «свобода», «гражданский», «справедливый», как правило, имеют в виду разные смыслы. А власть так устроена, что использует эти языковые ресурсы сообразно своим интересам и целям.

Алексей Шмелев:

— Конечно, я согласен, что нужен не только межъязыковой перевод, но и внутриязыковой, потому что коммуникативные провалы происходят не только при межъязыковой и межкультурной, но и при внутриязыковой коммуникации. И эти последние более существенны, потому что люди не отдают себе отчет в том, что они пользуются разными подъязыками одного языка. Например, для меня абсолютно ясно, что советский идеологический язык и язык церковной проповеди — это разные языки, хотя многим и сегодня кажется, что это одно и то же. И небольшой комментарий о свободе и справедливости. Слово «справедливость», которое звучало в выступлении Александра Согомонова, ссылавшегося на французского автора, является специфически русским понятием. Во французском языке, конечно, могло быть только «justice», связанное с правом. А у нас постоянно задается вопрос, что важнее — закон или справедливость? Если для французов justice — и то, и другое, то для большинства носителей русского языка это разные понятия. И то, и другое постоянно актуализируется в сознании носителей русского языка, и было бы неверно их игнорировать. Мне кажется, это путь неправильный, если в Энциклопедии будут отсутствовать ключевые для русского сознания понятия и при этом калькироваться иностранные.

Александр Согомонов:

— В коллекцию про слово «донос». 1942 год, Сергей Михалков пишет стихотворение, в котором есть такая фраза: «Для чего фашисту нос? Чтоб на всех строчить донос».

А теперь по поводу специфики русского понятия «справедливость», что якобы во Франции оно связано с правом. А что, в русском языке оно не связано? Та же по своему происхождению европейская калька. У меня такое ощущение, что после выступления Шмелева в зале возникло некое единение, связанное с тем, что надо иметь все же один язык. Нет, надо иметь разные языки! А иначе мы докатимся до того, что может появиться нечто похожее на цитатник Мао Цзэдуна. Задача Энциклопедии, как я ее понимаю, заключается в том, чтобы выразить гражданскую сферу русским языком, но это не значит, что мы должны отказываться от иностранных понятий.

Андрей Юров:

— Про доверие — недоверие. Разумеется, я имел в виду и говорил не про личное, а институциональное недоверие, и считаю, что наш разговор как раз о восстановлении такого доверия. Про то, способны ли мы в процессе работы над Энциклопедией найти общий язык? Появится ли такая группа, пусть это будет 20 или 30 человек, с установившимся доверием по поводу общего языка, которая готова этот язык предложить обществу?

Алексей Шмелев:

— Да, появится. Но вначале я хотел бы ответить Александру Согомонову. Мое рассуждение о поисках общего языка и о том, чтобы общение приводило на русской почве к взаимопониманию, вовсе не предполагает навязывание некоторого единого языка всем участникам коммуникации. Конечно, хорошо, чтобы существовали разные языки, но не менее важно, чтобы участники коммуникации, отдавали себе отчет в различии языков, которыми они пользуются, если хотят достичь взаимопонимания. А что касается этимологии слова «justice», то, безусловно, исторически оно связано со словом «право». Как, впрочем, и в русском, восточнославянском языке, в котором не было слова «закон», а было слово «правда», заимствованное из церковнославянского. А слово «справедливый», скорее всего, вошло в русский язык через польский, а не в результате его развития на русской почве. Но это не оказывает решающего воздействия на его функционирование в современном языке.

И по поводу того, что для успешной коммуникации надо доверять друг другу. Тут я бы хотел снова повторить, что слово «доверие» имеет разные смыслы, но показательно то, что без комментариев мы этого понять не можем. Другое дело, что мы всегда должны прибегать к некоторому рода обобщениям, но опять же — полезно отдавать себе в этом отчет.

*Тома Гомар,
директор Центра
по изучению России
Французского института
международных
отношений*

Есть ли место Европе в российской внешней политике?

В июне этого года в Ростове-на-Дону прошел 25-й саммит Россия — Евро-союз. Особенность этой встречи на высшем уровне не только в том, что она была юбилейной и первой после вступления в силу Лиссабонского договора, который позволил единой Европе избрать общее руководство, но и в том, что на ней можно было почувствовать перемену в отношении России к Европе.

Россия в своем историческом развитии постоянно решает вопрос, как сблизиться с Европой и одновременно сохранить свою идентичность. Контекст, в котором формулировалась эта историческая дилемма, предполагал центральное место Европы в международных делах. Сейчас ситуация меняется. Европа находится в кризисе. Я имею в виду не только экономический, но и политический кризис. Центр международных отношений из Европы смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. И, насколько я понимаю, вопрос, стоящий перед Россией, заключается в том, как выстраивать в этих условиях отношения с новым центром и с Европой.

Российские власти отвечают на этот вопрос, исходя из факторов, которые я назову в порядке их значимости:

1. Стратегическое равновесие, другими словами, равновесие ядерное. Международный статус России продолжает во многом зависеть от ее ядерного потенциала.
2. Глобальная энергетика. Будучи сверхдержавой в области энергетике, Россия стремится не только эксплуатировать свои ресурсы, но также и политически утвердиться за их счет.
3. Так называемая зона национальных интересов России, о которых говорил президент Медведев после грузинской войны в августе 2008 года. Что кроется за этой формулировкой? Затрагивает ли она только постсоветское пространство или, быть может, только

- часть этого пространства? Это наиболее спорный и неоднозначный пункт.
4. Собственно отношения с Европейским союзом, который по-прежнему остается главным коммерческим партнером России, обеспечивая примерно 55–60% ее внешнеторгового оборота.
 5. Членство в БРИК — сравнительно новый фактор для российской дипломатии. Бразилия, Россия, Индия и Китай — четыре весьма разнородные страны, чей экономический вес должен перерасти в политическое влияние.

В отношении каждого из перечисленных приоритетов Европа остается важным элементом для российской внешней политики. Говоря «Европа», я имею в виду прежде всего Евросоюз. Но, конечно, это также и НАТО, и ОБСЕ. Характеризуя же отношения между Европой и Россией в целом, можно сказать, что они одновременно и соревновательные и партнерские. Это своего рода «конкурентосоюз».

При всей важности для России европейского вектора российской внешней политике необходимо сохранять дипломатический баланс в отношениях с Китаем и Америкой, поскольку российские власти не исключают довольно быструю маргинализацию Европы. А это ставит вопрос, не произойдет ли вслед за этим маргинализация самой России, учитывая взаимосвязь этих регионов.

Дальше я постараюсь показать, во-первых, каким образом Европа стала моделью и неизбежным партнером и одновременно конкурентом для российской внешней политики. И во-вторых, что сегодня Европа находится в довольно сложном положении в глазах Москвы. Она, так сказать, одновременно и не маргинал, и не «центральной игрой».

Говоря о Европе как модели, вернемся на 20 лет назад, к концепции ново-

го мышления, которая сложилась в конце советского периода, т.е. с конца 1980-х гг. до 1993 года. Это была концепция общеевропейского дома. Центральная идея советской, а потом российской дипломатии заключалась в том, чтобы сблизиться с Европой, считая, что мы принадлежим к одному географическому пространству, и перейти наконец от военного противостояния к сосуществованию всех народов континента. Это был способ отказа от исторического империализма, стремление к сближению без отрицания российской самобытности.

Ряд ключевых событий периода — падение Берлинской стены, объединение Германии, появление новой валюты — евро — привел к тому, что в 1990-е годы Европа стала оказывать довольно большое влияние на Россию и восприниматься как привлекательный политический партнер. Я считаю, что об этом периоде надо постоянно помнить, ведь он продолжает оказывать большое влияние на представителей российской элиты. Многие воспринимают его как золотой век взаимоотношений между Россией и Европой, когда возникло обоюдное понимание того, что и Россия, и Европа принадлежат к одной культуре, и что эта общая культура будет гораздо беднее без российской составляющей. Но отличия в культуре политической оказались слишком велики, поэтому уже в 1993 году новая концепция дала трещину. Противостояние российского парламента и президента изменило внутреннюю политическую ситуацию и повлекло внешние перемены. Возможно, европейцы недостаточно оценили эту дату, но на самом деле она очень важна. Как и следующий год, когда началась первая чеченская война, воспринятая в Европе как проявление милитаристских притязаний России. На самом деле европейцы не понимали

позицию российской элиты, для которой речь шла прежде всего о целостности государства.

Довершила этот поворот история с Косово. Россия тогда выступила против вмешательства НАТО в конфликт без мандата ООН: в 1999 году геополитическая позиция России была очень слаба, ее престиж падал, и российским политикам казалось, что НАТО ведет себя вызывающе по отношению к ней. Своеобразной реакцией на перечисленные события стал дискурс об особом пути России. В соответствии с ним у страны есть собственный путь и свои темпы развития, поэтому ей хорошо лишь тогда, когда она не следует западным рецептам развития. Эта идея выкристаллизовалась в ходе первого президентства Путина; я бы сказал, что в тот период она доминировала.

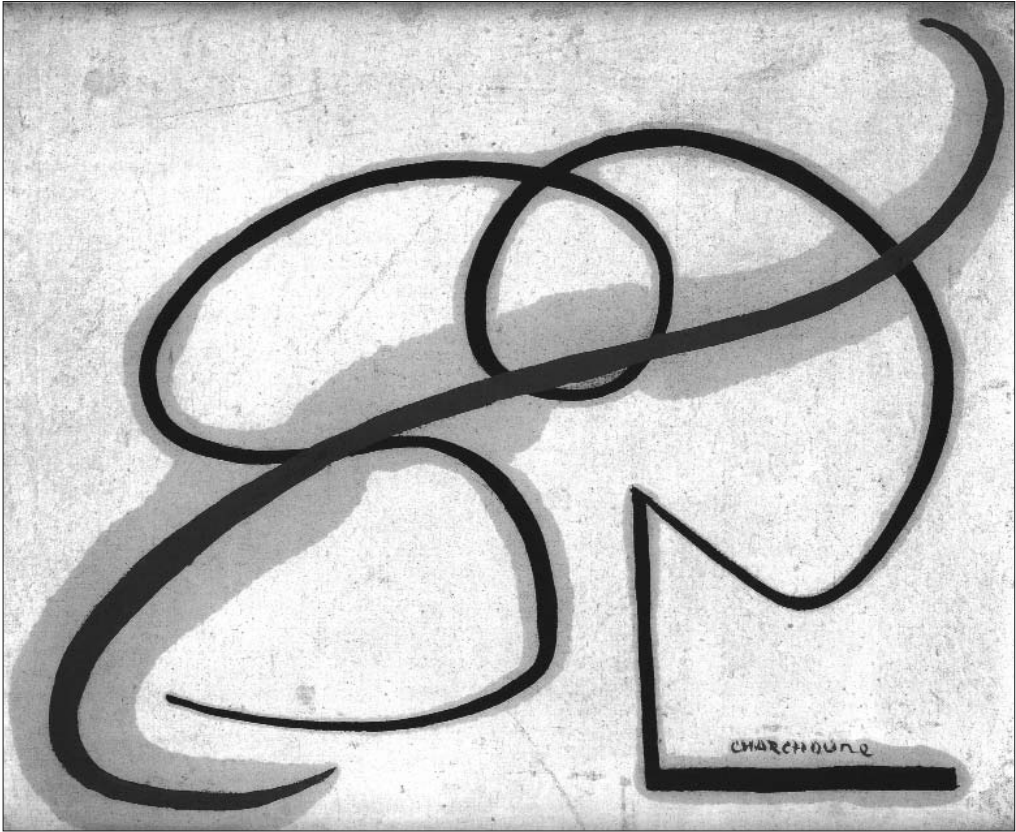
Что касается партнерских отношений с Европой, то здесь необходимо привести несколько цифр. В период с 2000 по 2008 год производство в России выросло более чем в два раза, и когда Путин пришел к власти, экономику России стали сравнивать с экономикой Португалии. Спустя 10 лет ее сравнивают с экономикой Франции. Из этого видно, какой большой исторический путь был пройден — это было бесспорное повышение экономического веса и влияния России. Но в конечном счете рост этих лет происходил, естественно, за счет экспорта энергоресурсов. Россия — третий по объему экспортер для Евросоюза после США и Китая.

Россия экспортирует на европейский рынок в основном газ, что требует не только наличия газопроводов, но и предполагает определенный геополитический расклад. Между тем нефтяной рынок гораздо более глобален: условно говоря, нефтедобытчики складывают свою продукцию в одну копилку и потом оттуда идет распределение по

всему миру. В области энергетики все рассчитывали на повышение спроса и надеялись, что этот спрос будет повышаться стабильно и в основном со стороны Евросоюза. Почему? Потому что Евросоюз сегодня потребляет газ, который добывается в Северном море Великобританией и Норвегией, однако его запасы иссякают. Но в будущем потребление энергии будет расти. В 2007 году ЕС импортировал 270 миллиардов кубометров газа, в том числе 125 миллиардов было поставлено из России, 85 — из Норвегии, 35 — из Алжира и 9 — из Ливии и т. д. При этом следует учитывать, что энергетические потребности Европы очень важны для российской экономики, а европейцы должны понимать свою зависимость от России.

Каким же образом Европа рассматривается российской стороной в качестве политического соперника? Сравнительно недавно в российской дипломатии обозначилась форма интеллектуального опровержения мысли, что ЕС монополюно выражает европейское общественное мнение. Европейский проект — дело не только 27 стран — членов Евросоюза, но и не входящих в него Молдовы, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана и, разумеется, России. Российская дипломатия наверняка почувствовала: что-то сломалось в 2003 году в политике ЕС. Как известно, Франция и Германия выступили тогда против англо-американской интервенции в Ираке, а новые члены ЕС, например Польша и страны Балтии, которые вступили в него в 2004 году, пошли на поводу у США. На самом деле тогда в Европе произошел разлом, последствия которого ощутимы до сих пор, несмотря на все попытки его устранить.

Еще один разлом произошел после череды так называемых цветных рево-

Серж Шаршун. Эластичный пейзаж. 1929

люций. События 2004 года на Украине выявили различия между Россией и Западом. Именно в то время в качестве ответа на западную политическую модель появился концепт «суверенной демократии». В 2008 году этот разлом усугубила война в Грузии, ответственность за которую, естественно, лежит на грузинском и на российском руководстве, но также и на США. Администрация Буша бездействовала, поскольку в Америке шла предвыборная кампания. Европа же просто не могла сформулировать четкую перспективу для таких стран, как Грузия. Война началась после саммита стран НАТО в Бухаресте, когда Грузии и Украине временно отказали во вступлении в эту организацию. Разлом 2008 года оказался очень глубоким, поскольку война

произошла на территории Европы, хотя европейцам казалось, что после событий на Балканах война навсегда ушла с континента. Но вдруг выяснилось, что война продолжает существовать, что она никуда не исчезла. И когда мы говорим о внешней политике, надо всегда иметь в виду, что война может начаться в любой момент, а политики должны быть предельно осторожны.

В завершение этой темы два слова о смене поколений. При всем скептицизме к опросам общественного мнения, нельзя не заметить, что в России отмечается перемена отношения разных поколений к Европе. 20- и 30-летние сегодня менее заинтересованы в Европе, чем представители старшего поколения. Возможно, это вызвано

тем, что Россия стала более уверенной в себе. Возможно, привлекательная модель Европы, которая существовала в 1990-х годах, уже не работает. Дальнейшее расширение Европы тоже находится под большим вопросом. Поэтому люди задаются вопросом, какую альтернативную европейской модели следует принять. Впрочем, так или иначе, Европа остается партнером. И, как я уже сказал, для России это и конкурентная, и партнерская структура.

Теперь попытаюсь объяснить, почему, с моей точки зрения, Европа потеряла в глазах России свой вес и «центральность», но не стала при этом маргинальной. Здесь, наверное, следует начать с понимания того, что такое стратегическая культура. Это то, каким образом государство проецирует себя на картину мира в качестве мощной державы, в том числе военной, как взаимодействуют его элиты. Наряду с российской стратегической культурой можно упомянуть американскую или китайскую, каждая из которых весьма специфична. Не знаю, существует ли европейская стратегическая культура, но определенно есть немецкая, французская, испанская. Возвращаясь к России, отмечу, что ее стратегическая культура основывается на ощущении угрозы, которая исходит от Запада. Это, если хотите, некоторая косность ментальности российской элиты, исходя из которой, например, расширение НАТО воспринимается военным истеблишментом России как главная угроза. Подобное понимание отражается во многих дипломатических позициях, выраженных недавно Россией.

Другая основа стратегической культуры — принцип автономии. Вспомним всевозможные теоретизирования относительно иракской войны, однополяр-

ного мира, перехода к многополярности, к новым полюсам силы, в частности китайскому, и т. д. Что касается России, то здесь постоянно подтверждается принцип стратегической автономии. Россия хочет быть хозяйкой собственной судьбы, и именно этим она отличается от Европы, которая в той или иной форме ангажируется в рамках НАТО (военная интеграция) и Евросоюза (политическая и экономическая интеграция). А интеграция в определенной степени подразумевает отказ от суверенитета. Начиная с Римского договора 1957 года, европейцы постепенно отказываются от национальных суверенитетов в пользу новых политических моделей. Конечно, в этом процессе случались различные кризисы и трудности, но тем не менее он продолжается.

Российской элите присуща настороженность в отношении отказа от суверенитета. Это наследие имеет очень большое значение и в отношениях с Европой, и в отношениях с Америкой, и с любыми другими странами. Такая позиция приводит к поддержанию отношений с такими, например, государствами, как Сирия, Ливан, Северная Корея, поскольку в понимании российской дипломатии не следует оставлять их на обочине международного процесса.

В то же время, и я уже об этом сказал, когда разговор заходит о Европе, огромное значение придается НАТО. Собственно говоря, каким образом Европа воспринимается в трансатлантических рамках? На мой взгляд, один из лучших показателей характера взаимоотношений между Россией и Европой — это состояние отношений между Россией и НАТО. В этой сфере главное для России — не допустить вступления в НАТО не только и не столько Грузии, потому что Грузия все же менее значимая страна, сколько Украины. Отно-

шения между Россией и Украиной имеют богатую историю; многие в России сегодня считают, что они слишком сильно разошлись и необходимо восстановить российское влияние. На этом поприще наблюдаются несомненные успехи. На мой взгляд, российские политики сумели отодвинуть расширение НАТО на долгосрочную перспективу. Теперь об отношениях между США и Россией, о «перезагрузке», которая была выдвинута Обамой,

и к которой в Москве отнеслись с определенным скептицизмом. Действительно, с восприятием американской перезагрузки имелись определенные проблемы. С одной стороны, администрация Обамы хотела полностью разрушить традиции администрации Буша. И здесь перезагрузка произошла, правда, довольно ограниченная, потому что природа отношений между США и Россией вовсе не такова, как между Россией и Европой. Кроме того, чисто человеческий, интеллектуальный обмен, можно сказать, иссяк в 2000-х годах. Тем не менее результатом перезагрузки стало подписание в апреле 2010 года нового договора по СНВ, призванного стабилизировать стратегические арсеналы обеих стран, а также запустить переговоры по противоракетной обороне и противодействию общим угрозам. Помимо прочего российскую и американскую стороны объединяет обеспокоенность ростом мощи Китая.

Другие приоритеты российской международной политики также позволяют оценить истинный вес Европы. Прежде всего это странная концепция БРИК, подразумевающая, что к 2040 году страны этой группы будут иметь больший вес в международных отно-

шениях, чем G-8. Имеется в виду, что их экономический рост перерастет в политическое влияние. С такими выкладками согласны не все. Эксперты постоянно говорят, что поскольку демографический и экономический потенциал России несрав-

*Стратегическая культура России
основывается на ощущении угрозы,
которая исходит от Запада*

ним с потенциалами Индии и Китая, это делает группу неоднородной. Соответственно Китай очень скоро захочет выйти из нее. Однако, несмотря на все противоречия, принадлежность к БРИК все же имеет определенную значимость для России. И здесь я возвращаюсь к потере европейской «центральности», о которой говорил в самом начале. Европа постепенно выходит из игры, постепенно теряет влияние. Исходя из этого, строится концепция российской дипломатии, делается ставка скорее на державы будущего, чем на державы, которые переживают международную стагнацию. В итоге задача России сводится к тому, чтобы сохранить свое влияние в рамках БРИК, учитывая, что она выходит из нынешнего экономического кризиса значительно ослабленной, в то время как Китай, наоборот, усилил свои позиции.

Ближний Восток также имеет отношение к Европе и российской дипломатии. Россия, как и Европа и США, ищет собственную арабскую политику. Отсюда позиционирование себя в отношении ОПЕК, к которому Россия не принадлежит, продажа оружия или, по крайней мере, попытки продажи оружия в этот регион. Интересно, что с

европейской стороны наблюдалась некоторая завышенная оценка российского влияния на такие страны, как Иран. С другой стороны, российское влияние на Израиль недооценивалось. Я полагаю, что в ближайшем будущем очень важно, каким образом европейцы, россияне и американцы станут координировать свои действия на Востоке и смогут ли они влиять на правительство Нетаньяху.

Еще один пункт, который недостаточно четко воспринимается и анализируется, касается политики в отношении стран «in» и «out». Поясню. Россия имеет четко выстроенную политику к тем странам, которые состоят в НАТО, но не в Евросоюзе, либо в Евросоюзе, но не в НАТО. Среди них Норвегия, которая является важнейшим энергетическим актором на международной арене. Недавно между Россией и Норвегией были достигнуты договоренности относительно разграничения экономической деятельности в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Далее, Швеция — также объект давней специфической политики со стороны Москвы. И последний пример такого рода — это, конечно же, Турция. Она только собирается вступить в Евросоюз, но уже давно член НАТО. Так что когда мы говорим о Москве и пытаемся проанализировать политику в отношении Европы, важно понимать каковы отношения между Россией и этими странами.

В заключение хотел бы дать свою интерпретацию российской стратегической культуры и ответить на вопрос о том, каково место Европы в ней. Повторюсь, что это моя личная оценка. Резюмируя глобальные задачи для России, можно выделить три основных. Первая задача — любой ценой поддержать стратегическую автономию. Европейцы должны понимать,

что Россия не может и не хочет уступить, но она хочет и может сотрудничать, ассоциироваться с Европой по многим вопросам.

Вторая задача — воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет глобализация. И здесь мы снова вступаем в порочный круг российской истории, когда жесткая политика внутри страны оправдывается стремлением сохранить свою самобытность. Поэтому в России так популярна китайская модель. Но эта модель не соответствует идее рыночной экономики и демократии, что может вызывать сомнение в правомерности подобной политики. Чтобы воспользоваться преимуществами глобализации, необходимо как-то расширить собственную политическую систему, открыться, дать место инициативе.

Третья задача — обеспечить символическое превосходство. Российская дипломатия очень трепетно относится к вопросам престижа. И видение Медведева заключается в том, что нужно повысить уровень влияния России, что должно быть выражено в новых международных договорах. Для этого необходимо сохранить ядерный паритет в отношениях с США, что позволяет на равных говорить с Вашингтоном, не оглядываясь на Европу. Это также способ в будущем сдерживать поднимающийся Китай. Кроме того, необходимо ограничить потерю веса в группе БРИК с тем, чтобы не быть поглощенной тем же Китаем и Индией. G-20 — очень хороший ресурс для России. Также необходимо добиться нейтралитета Украины и вывести из политического тупика отношения с Грузией. Думаю, что в 2014 году, к Олимпийским играм в Сочи, у России откроется возможность возобновления полномасштабных отношений с Евросоюзом.

Культурная революция

Характер процессов и событий, происходящих в совершенно разных сферах общественно-политической и экономической жизни России, заставляет думать об общей их особенностях. В чем ее суть?

— Реформа армии все больше похожа на антиреформу. Число контрактников решено сократить, призывников — набрать больше, потому что людей не хватает. Полностью контрактная армия — это слишком дорого. Рано даже думать об этом.

— В правительстве идет спор о том, что делать с пенсионной системой, — в частности, не прекратить ли эксперимент с накопительной частью, которая, как уже сейчас ясно, не позволит работающим людям накопить себе достойные деньги на старость. Растущий дефицит Пенсионного фонда покрывается из бюджета, и эти расходы растут. Думать над более сложной системой обязательного накопления — тоже, видимо, рано.

— Ввиду того что бюджет не бесконечен, на 2011 г. намечена замена ЕСН страховыми взносами, представляющая повышение налоговой нагрузки на бизнес. Чем бизнес более инновационный, тем тяжелее для него будет платить повышенный налог. Со следующего года по уровню «пенсионного бремени» на бизнес мы обгоним США, Германию, Швецию, Японию, Канаду. Инновации — это государственный приоритет, но реально поддерживать инновационный бизнес — слишком рано.

— Правительство решило продолжать программу поддержки утилизации автомобилей, т. е. по сути субсидирование покупки отечественных автомобилей, потому что нужно сохранить социально взрывоопасный «АвтоВАЗ», выпускающий устаревшие машины. Думать над тем, как помочь городу Тольятти и одновременно модернизировать завод, тоже рано.

*Максим Трудолобов,
редактор отдела
комментариев
газеты «Ведомости»*

— История с коррупцией при закупках «Мерседесов», похоже, будет спущена на тормозах. Минюст США провел расследование и уже наказал компанию, которая согласилась выплатить около \$200 млн штрафов за взятки чиновникам в России и других странах. Теперь дело наших следователей — найти тех, кто брал взятки. Но дело все никак не заводится. Конечно, борьба с коррупцией — это государственный приоритет, но расследовать конкретную историю, особенно когда большую часть материала можно найти на сайте Минюста США, власти, кажется, не готовы.

— И к реформе милиции не готовы. И к отмене «мигалок». И к нормальным парковкам, и к чистым больницам.

Это всеобщее состояние неготовности к переменам — не что иное, как осознанный отказ от нового, то есть от модернизации. Конечно, в каждом случае есть вполне конкретные люди, которым выгодна нынешняя «стабильность». Есть люди в погонах, которым выгодны бесплатные призывники, есть люди, которым платят за избавление от службы, и те, кто готов за это платить. Есть выгодоприобретатели в «правоохранительном бизнесе». Есть люди, которые не хотят, чтобы дело о «Мерседесах» расследовалось. Есть люди во власти, которые могут ее лишиться на очередных выборах, и поэтому им надо потратить бюджетные деньги сейчас, желательно с пользой для себя, не думая о будущем.

Было бы странно, если бы этих людей не было. Они есть, и они в сто раз реальнее любых речей о модернизации. В их действительной, а не публичной повестке дня никакой модернизации нет. Они представители живой культуры, состоящей из действующих институтов и правил: служебной иерархии, номенклатуры, отношения к закону, бюджету, деньгам компании и своим собственным деньгам, к разделению личного и общего. Вот, оказывается, что сильнее власти — институты, действующие правила, настоящие, а не те, что есть в писанных документах.

У любой страны есть набор исторически сложившихся институтов, и каждая страна от них зависит. Это не та культура, которой занимается наше Министерство культуры, хотя, по-хорошему, оно должно было бы ею заниматься. Эту культуру, по крайней мере, нужно описать и сделать доступной каждому, кому интересно понять, от чего именно нужно избавляться, а что, наоборот, лучше в себе и стране развивать. Для формирования юных граждан преподавание такой «истории культуры» было бы полезнее основ православной культуры. Ну, или православную культуру нужно написать так, чтобы давать людям представление о том, что такое закон и право, как относиться к общему и частному (возможно ли такое?). Это, конечно, фантастика.

Все перечисленное в начале колонки — примеры того, как культура тянет назад. Это живая иллюстрация того, что называется зависимостью от пройденного пути (path dependence). Вот она, осязаемая архаика, — проносится по Кутузовскому проспекту с мигалкой, пилит бюджет и не торопится расследовать самое себя. Чтобы ее преодолеть,

Ева Боснио. Озеро Балатон. 1931

нужно сделать рывок — как при взлете ракеты. При таких рывках всегда самое трудное — начало пути, потому что слишком велика сила притяжения. Но потом двигаться становится легче и легче. Как и почему происходят такие рывки — самое интересное, но заранее никогда не известно, как и почему. Конечно, хорошо бы провести контролируруемую культурную революцию: это многим удавалось. И спрос на нее явно есть, но, видимо, недостаточный.

Русское вуду

Да и как проводить такую революцию, по-хорошему, не знает никто. Каждый случай индивидуален, а потому изменения должны быть в каждом случае свои. А начинать все равно нужно с изучения культуры, с честного анализа ситуации, который может дать не самую красивую картину. Это проще объяснить на чужом примере.

На одном острове есть две страны — Республика Гаити и Доминиканская Республика. Гаити — самая бедная страна в своем полушарии, Доминиканская Республика — типичное латиноамериканское общество, живущее не слишком богато, но с удовольствием. ВВП на душу населения здесь превысил \$8000, что по нашим меркам немного, но в пять раз больше, чем у соседей в Гаити, где 80% населения живет за чертой бедности. В мировых индексах коррупции и человеческого развития Гаити в самом низу, Доминиканская Республика — в середине. В XVIII в. территория нынешней Гаити была заметной колониальной державой и важнейшим поставщиком сахара в Европу. Сейчас это страна, постоянно нуждающаяся в помощи, и не только в связи с землетрясением. Разными страны выглядят даже с самолета: леса в Гаити вырублены, а у соседей зеленеют, как и раньше.

Климат в обеих странах один и тот же — тропический, ведь это один и тот же остров. Здесь растут палисандры и редкое кампешевое дерево, нет хищников. Правда, случаются ураганы. Значительная часть населения обеих стран — бывшие рабы. Обе страны добились независимости примерно в одно и то же время, в начале XIX в. Природных богатств и плодородных земель Доминиканской Республике досталось больше, но незначительно. Широта, на которой располагаются две страны, сама по себе немного значит: если проследите по глобусу, то увидите, что на этом уровне найдутся и бедные, и богатые. Есть бедные африканские страны, Мьянма и Лаос, но есть и Гавайи, и Саудовская Аравия, и промышленно развитые Тайвань и Гонконг.

Почему же две страны живут настолько по-разному? Роль США? Политика? Зигзаги истории привели Доминиканскую Республику к сравнительно демократическому режиму. Политическая история Гаити — череда жадных диктаторов. Но политики ведь берутся откуда-то. Лоренс Харрисон, инициатор (вместе с Самуэлем Хантингтоном) проекта Culture Matters, уверен, что причина в культурных различиях. Большинство гаитян практикуют вуду — систему верований и прикладной магии, вывезенную из Африки и укоренившуюся в Центральной Америке. «И дурное, и хорошее гаитянин приписывает духам, которых постоянно должен ублажать <...> Причины событий для человека, воспитанного в вудуистской традиции, внешние, а не внутренние, как, например, у тех, кто рос в иудейской или христианской традиции (чувство вины, греха). Вывод причин вовне позволяет ограничивать ответственность за происходящее, но это ограничивает и потенциал человека», — пишет Уоллес Ходжес, миссионер, проживший много лет на Гаити.

Склонность переносить источник событий вовне, в том числе на других людей, каждый из которых может тайно наслать на вас какого-нибудь духа, ведет к подозрительности и недоверию. «Общество, в котором процветают магия и колдовство, — больное общество, где царят напряженность, страх и моральный разброд. Магия — это механизм управления конфликтами и поддержания статус-кво, т. е. пре-

пятстве к развитию», — пишет экономист из Камеруна Даниэль Этунга-Мангуэле. Недоверие — серьезная причина экономических проблем. Вуду порождает фатализм, препятствует развитию инициативы, рациональности, стремления к личным достижениям и образованию, пишет африканский ученый.

Я понимаю, что ступаю на зыбкую почву. История Гаити — это пример из книжки. Может быть, авторы не правы и вуду на самом деле очень хорошая религия. Может

быть, они упрощают: общество формируют многие факторы, не только религия предков. Меня, конечно, во всем этом интересует российская, а не гаитянская или африканская история. Я вырос

Склонность переносить источник событий вовне, в том числе на других людей, ведет к подозрительности и недоверию

в России и в собственной повседневной жизни постоянно сталкиваюсь с отсутствием инициативы, недостатком рациональности, фатализмом и неверием в собственные силы, неверием в возможность честного заработка. Сталкиваюсь с теми же качествами и в опросах общественного мнения. И в жизни, и в опросах я вижу недоверие к другим, постоянное ожидание подвоха. Исследования показывают, что чем ниже уровень межличностного доверия, тем сильнее желание ограничить другого, которому мы не доверяем, защититься от него забором, ответными действиями, милицией.

Что это за русское вуду, которое породило нашу систему ценностей, — вот что хотелось бы понять. Возможно, это комбинация суеверий, «народного православия», невежества, советских и постсоветских травм, нанесенных безумными политиками всему обществу. А еще интереснее понять, как изменить эту систему верований, чтобы настоящее развитие и подлинная модернизация были возможны. Если я правильно понимаю авторов проекта иннограда в Сколково, то они собираются предпринять попытку создать на отдельно взятой территории лучшую, чем в стране в целом, систему ценностей. Такую религию антивуду, которая будет располагать к инициативе, к личным достижениям, ответственности и доверию. Если это так, то авторы проекта понимают, что на самом деле нужно делать для развития. Только делать это они собираются за забором, на закрытой территории. Потому что это невозможно на всей территории? Или потому, что это опасно делать на всей территории?

Православный Иран

Может быть, стремление к инициативе, доверие друг к другу и прочее из перечисленного российскому населению от природы не свойственно? Есть немало тех, кто так считает и даже действует, стремясь дока-

зять, что «русское вуду» — будущее нации. Дело о «Запретном искусстве» — это, на мой взгляд, пример такого действия.

Это проект, осуществленный кем-то из «уполномоченных организаторов» в ответ на акцию кураторов Самодурова и Ерофеева. Акция против кураторов (реакция!) — тоже, в известном смысле, искусство. Это одна из тех политических кампаний, которые проводятся так, чтобы подлинных инициаторов не было видно. У таких действий руками «общественных организаций» богатая советская история: вспомните или посмотрите в интернете, как проводились кампании против академика Андрея Сахарова, против писателей Юлия Даниэля и Андрея Синявского. Эти проявления реакции призваны были симулировать общественную активность, восстанавливать граждан друг против друга, а заодно и маргинализировать настоящих общественных деятелей. Это делалось тогда и делается сейчас еще и для того, чтобы настоящие акторы избежали ответственности. Интересно, кстати, что даже в тоталитарном государстве власти, находясь в полной безопасности, предпочитают на всякий случай оставаться в тени. Есть и еще одна цель — запустить «пробный шар», изучить реакцию общества.

В нашем случае задачей было понять, понравится ли людям, как наказывают «религиозных диссидентов». Будет настоящая общественная поддержка у православных фундаменталистов или нет? Процесс Самодурова — Ерофеева длился два с половиной года, так что материал, я уверен, собран большой и интересный. Мое впечатление, что серьезной поддержки у православного фундаментализма нет, хотя злорадства по поводу «кошунников» полно. А еще больше невежества и провинциальности.

В советское время тем настоящим актором, который из-за кулис водил рукой общественности, была партия, ее центральные и региональные начальники. Было понятно, кто стоит за сборами подписей и демонстрациями против очередных «жалких отщепенцев». А кто сейчас занимает эту нишу? Интересно, что сейчас в этой нише оказались, судя по всему, и представители Церкви, которая в советские годы была с другой стороны кулис.

То есть, конечно, Церковь институционально не участвовала в деле, а только устами отдельных священнослужителей комментировала ситуацию. Не участвовала в деле ни администрация, ни какие-либо правительственные структуры. Вообще никто не участвовал, а это все само сделалось, по велению сердец обиженных граждан. И все-таки есть ощущение (недоказуемое!), что проводился эксперимент: можно ли подморозить Россию православием? Дадут ли граждане свое согласие на первые шаги в направлении «православного Ирана». Конечно, это будет продвинутый православный Иран — наш, русский с советом духовных лидеров во главе и соборностью в качестве идеологии.

У этой безумной идеи есть известные основания в нашей автократической мыслительной традиции: привычные институты в России конечно же не работают, поэтому нужны свои, домотканые. Они на самом

Ева Боснио. Хранилище Колониального института. Амстердам, 1933

деле никакие не свои — посмотрите на тот же Иран. И согласны ли граждане на такое радикальное решение — все еще вопрос. По-моему, согласия не дано. Но это скорее равнодушие, чем осознанное нет.

Кто мы на самом деле

Вопрос на самом деле не в «перевоспитании» нации. Советская история — пример длительного эксперимента по перевоспитанию общества, показавший, что невозможно внушить людям то, во что они не поверили бы сами. В нас уже есть все, что нужно. Культурная революция уже идет, она и не останавливалась. Нужно лишь знать, где искать. Нужно лишь выразить себя открыто.

В последнее время мне несколько раз приходилось участвовать в разговорах о том, есть ли у российского общества шанс когда-нибудь выразить себя не только в потреблении, как сейчас, но и в осмысленных политических высказываниях. Конечно, сейчас это фантазия. Российское общество сегодняшнего дня дальше от осмысленной политической дискуссии, чем в конце 80-х гг. прошлого века. Но, может быть, так и должно быть?

Настоящих лидеров во всем мире, а не только у нас, мало, можно по пальцам пересчитать. К тому же действовать их, как правило, вынуждали обстоятельства. И это вполне объяснимо. Настоящий политик работает на аудиторию, как умелый производитель бестселлеров. Идет чуть впереди, создает у публики ощущение «прорыва», но говорит на самом деле только то, что люди уже слышали и хотят слышать снова. В этом его бизнес. Именно в меру чувствительности политик выигрывает выборы и потом в меру той же чувствительности действует минимально. Ведь рамки «политически возможного» определяет та же аудитория, которая его выбрала. И все-таки у политика есть роль. Настоящие перемены происходят помимо него — благодаря гражданским активистам, художникам, ученым, писателям. Но умный политик может признать эти достижения. Глупый — будет бороться с ними, мешать, изгонять и сажать в тюрьмы.

Политик может притягивать — скорее случайно, чем осознанно, — лучшее, что рождается в общественной среде. Имена таких политиков помнят с благодарностью. А есть такие, которые культивируют худшее, выдавая низость, жадность и нетерпимость за образ народа («милиция — срез общества»).

Народ не бывает лучше или хуже. В каждом обществе есть жадные, нетерпимые и невежественные, а есть бескорыстные, открытые и образованные. Разница лишь в том, по какой части общества мы судим о нем целом — по лучшей или по худшей. Разница лишь в том, кто становится образцом и героем — Николай Вавилов или Трофим Лысенко, Иосиф Бродский или Степан Щипачев, Владимир Арнольд или Виктор Петрик.

Знать и понимать лучшее — это дело подлинной элиты. Она — фильтр или неформальная «конкурсная комиссия». Свойство хорошего политика — как хорошего агронома и почвоведа — не мешать расти лучшему. Читатель здесь скажет: не важно. Какая разница, что показывают по телевизору, как выглядят города и улицы? Разница есть. Убожество официальных праздников, архитектуры и публичных выступлений обычно соответствует низкому качеству официальных идей. Это потому, что вопросы «как?» и «что?» неразделимы. Непонимание собственного культурного наследия, поддержка нетерпимости и цинизма — обратная сторона воровства и некачественной политики. В этих условиях ни у какого претенциозного и дорогого официального проекта нет будущего. На воровском поле вырастут только сорняки.

Вот поэтому сейчас, как и раньше, та культура, которая возникает «вопреки», оказывается важнее и интереснее той, которая «благодаря».

Режим мягких правовых ограничений: природа и последствия

*Кирилл Рогов,
политический обозреватель,
аналитик Института
экономики переходного
периода*

Два основных и вполне консенсусных убеждения лежат в основе сложившегося в России политического и социального порядка. Первое состоит в признании обществом широкого распространения коррупции во всех сферах государственной и экономической жизни и констатации чрезвычайно низкого качества существующих институтов (прежде всего — правовых). Это убеждение характерно для людей разных политических взглядов и социального положения. Второе убеждение, столь же распространенное, состоит собственно в том, что изменить этот порядок в силу разных причин практически невозможно. Иначе говоря, признание плачевного положения дел в сфере правового регулирования не сопровождается спросом на действенные шаги по его улучшению.

Такая ситуация вовсе не является необъяснимым парадоксом; экономисты называют ее институциональной ловушкой. Плохие институты несут значительные убытки экономике и неудобства людям, но в массе своей общество сумело к ним адаптироваться; более того, часть общества научилась извлекать относительные преимущества из функционирования плохих институтов, другая — сомневается в своей конкурентоспособности в иных, незнакомых и с трудом представимых условиях. В такой ситуации издержки реформирования институтов выглядят для общества слишком значительными, а выгоды — неочевидными, что и определяет выбор в пользу сохранения сложившегося порядка, несмотря на его осознаваемую ущербность.

Ниже я попытаюсь описать механизм этой институциональной ловушки и охарактеризовать особенности того порядка, который сформировался и теперь поддерживается во временном равновесии. Этот специфический порядок предлагаю именовать **режимом мягких правовых ограничений**. Сам термин является репликой известного термина венгерского

экономиста Яноша Корнаи «мягкие бюджетные ограничения», использованного им для описания фундаментальных особенностей социалистической экономики*. Мягкие бюджетные ограничения, по Корнаи, составляют фундаментальный дефект плановой государственной экономики, отражающий то обстоятельство, что предприятие не несет экономической ответственности за результаты своей деятельности, пользуясь возможностью покрывать растущие издержки из государственного бюджета.

Концепция Я. Корнаи, как известно, сыграла важную роль в формировании представлений о путях и ограничениях реформирования социалистической экономики, сложившихся в конце 1980-х годов. Из нее вытекала неизбежность цикла «либерализация — стабилизация — приватизация», который и должен был обеспечить переход от режима мягких бюджетных ограничений к режиму жестких ограничений и выглядел как формула «запуска» капитализма в бывших социалистических странах. Используя термин, построенный на аналогии с термином Я. Корнаи, важно подчеркнуть, что проблемы, о которых идет речь, в известном смысле являются преемственными по отношению к тем, которые решались на прошлом витке реформирования государственной экономики. Однако прежде чем точнее обозначить и интерпретировать эту связь, необходимо описать сам режим мягких правовых ограничений.

В целом режим мягких правовых ограничений — это такой порядок, где пра-

вила (писаное право) существуют не столько для того, чтобы они соблюдались, но скорее для того, чтобы они нарушались, и во всяком случае такие нарушения носят систематический характер. Неверно было бы сказать, что в такой системе правила *не работают*; они именно *работают*, но специфическим образом. Точно так, как в некоторых карточных играх целью является собрать максимальное количество карт, а в других — избавиться от розданных, могут существовать режимы, в которых смысл правил состоит в том, что они соблюдаются, и такие, в которых их смысл в том, что они по определенным правилам нарушаются. В этой системе нарушение правил носит (повторю) систематический характер, но совершается по определенным правилам. То есть здесь существуют неформальные правила нарушения формальных правил, и это кардинально отличает описываемый режим от тех ситуаций, когда правила не соблюдаются в силу слабости институтов принуждения, как, например, это было в России в первой половине 1990-х годов. При режиме мягких правовых ограничений государство не испытывает дефицита в средствах принуждения, а тот факт, что правила нарушаются в этой системе по определенным правилам, позволяет рассматривать ее как специфическую форму *порядка* (устойчивого состояния), который может даже в сознании общества быть противопоставленным нерегулируемому, хаотическому нарушению правил в качестве общественного блага.

Писанные правила создаются в этой системе для того, чтобы их можно

* См.: Janos Kornai. *Economics of Shortage*. — Amsterdam, 1980. Для дальнейших рассуждений важна переформулировка проблемы, сделанная Я. Корнаи в работах: *The Soft Budget Constraint*. // *Cyclos*. 1986. Vol. 39. — P. 3–30; *The Socialist System. The Political Economy of Communism*. — Princeton. 1992.

Ева Боснио. Скульптура А. Майоля для Стеделик-музея. Амстердам, 1939

было и имело смысл нарушать. То есть они создаются так, что соблюдение правил затруднительно и является существенной издержкой, в то время как возможность не соблюдать правило дает значительные конкурентные преимущества. Иными словами, правила в этой системе стимулируют их нарушение. В итоге вся жизнь описываемого социума строится как постоянный торг, который ведут его члены вокруг индивидуаль-

ных прав на нарушение определенных правил, которое способно обеспечить им те или иные удобства и преимущества. Государство в лице бюрократической машины выступает в качестве своеобразного магазина, выдающего такие индивидуальные права на нарушение правил. У каждого уровня власти есть право выдавать разрешение на нарушение определенных правил, и, разумеется, чтобы выдавать такие разрешения,

различные властные структуры должны иметь полномочия, чтобы карать их несанкционированное нарушение. Это важное отличие в целеполагании бюрократии, которое необходимо подчеркнуть: уполномоченный бюрократический орган не следит за соблюдением правил, но именно карает их несанкционированное нарушение. Поэтому он не заинтересован в оптимизации регулирования и контроля; для него важно не минимизировать случаи и стимулы нарушения правил, а создать площадку торга по поводу их нарушения.

Поясню это на примере ГИБДД. ГИБДД не волнует, кто, где и в каком объеме нарушает правила дорожного движения; у нее нет задачи уменьшить теми или иными системными мерами количество нарушений, в частности за счет снижения стимулов к нарушению правил или с помощью автоматизированных систем контроля. Для ГИБДД как ведомства важно, чтобы весь наличный состав мог быть распределен по точкам, где нарушаются правила, чтобы вести торг по поводу этих нарушений. На то, что это устроено именно так, указывает, в частности, тот факт, что инспекция практически не практикует патрулирование трасс и улиц, как это обычно делает полиция или дорожные подразделения полиции многих государств, а, напротив, испытывает склонность к стационарным постам. Иными словами, ее в наименьшей степени интересует контроль самого процесса дорожного движения и отслеживание тех нарушений, которые создают реальные угрозы безопасности (например, агрессивное и неадекватное вождение). Вместо этого служба предпочитает метод «бутылочного горлышка», контролируя в специальных местах исполнение ограниченного набора

правил, лишь косвенно связанных с безопасностью движения (например, наличие документов и прав, талона техосмотра и страховки).

В целом нарушение правил в описываемой системе осуждается и в то же время оправдывается. Наряду с формальной нормой здесь существует норма неформальная, узуальная; нарушение формальных норм считается предосудительным, но неизбежным, общепринятым и извинительным. Факты нарушения правил в данной системе не замалчиваются, но скорее пропагандируются. Важным элементом легитимации этого режима является убежденность членов социума, что нарушения правил повсеместны; возможно, оценки масштабов нарушения правил в их представлениях даже завышены по сравнению с реальным положением дел. Но такое мнение о повсеместности нарушения правил является важным способом формирования общественных стереотипов и поведенческих норм: в результате попытки не нарушать правила или требовать их изменения выглядят маргинальной или девиантной установкой, бесполезной попыткой борьбы с традицией.

Представление о тотальности нарушения правил — также важный элемент политической организации и политической легитимации описываемого порядка. Благодаря этому представлению верхние социальные этажи оказываются не противопоставлены нижним по признаку коррупции (в широком понимании), а как бы объединены с ними в рамках единой иерархии коррупционных возможностей. Поэтому постоянные *разговоры о коррупции*, обсуждение повсеместности коррупции практически не ведут к делегитимации установленной социальной иерархии и политического порядка, а

скорее укрепляют его и служат в итоге целям пропаганды и легализации этого порядка как фактического и непреодолимого (в то время как легальный порядок начинает рассматриваться как надуманный и мнимый).

Правила нарушения правил изменчивы, и это еще одна важная особенность системы, придающая ей устойчивость, гибкость и даже конкурентность. Во-первых, изменчивость правил нарушения правил не позволяет субъекту, получившему право на нарушение правил, обрести излишнюю автономность, его связь с системой и существующим порядком должна постоянно поддерживаться, обновляться. Кроме того, такая изменчивость придает своеобразную конкурентность системе: бенефициарам и чемпионам текущего раунда торга вокруг индивидуальных прав на нарушение правил вовсе не гарантировано аналогичное место по итогам следующего раунда. Более того, наиболее успешные схемы капитализации тех или иных прав на нарушение правил часто объявляются запрещенными на следующем этапе эволюции схемы.

Во-вторых, изменчивость правил нарушения правил очень важна для формирования иерархической структуры управления, политической организации социума. Понятно, что в системе, где правила нарушаются, но правила нарушения правил меняются, наибольшими возможностями (властью) обладает тот, кто контролирует режим изменения правил нарушения правил. В результате возникают три этажа системы: 1) те, кто вступает в торг за право нарушения правил (субъекты санкционированного/несанкционированного правонарушения), 2) те, кто выда-

ет права на нарушение тех или иных правил (исполнительский уровень), и 3) те, кто контролирует изменения правил нарушения правил, и таким образом контролирует и тех, кто правила нарушает, и тех, кто выдает права на нарушение правил (это политический уровень).

В системе, где правила нарушаются, наибольшими возможностями (властью) обладает тот, кто контролирует режим изменения правил нарушения правил

Эта особенность режима мягких правовых ограничений объясняет, почему перманентная «борьба с коррупцией» также является элементом поддержания его устойчивости. Как и прочие системы контроля, «борьба с коррупцией» нацелена не на ее искоренение, а на поддержание в рабочем состоянии системы торга вокруг правил нарушения правил; «борьба с коррупцией» является, по сути, регулятором санкционированной коррупции, принуждающим исполнительский уровень торговаться с высшим, политическим уровнем по поводу своих прав выдавать права на нарушение правил.

Итак, режим мягких правовых ограничений — это такой режим, где правовые ограничения существуют, но являются принципиально преодолимыми; они функционируют в режиме “switch on / switch off” (включить / выключить), и в этом их смысл, их функция. Как и в случае «мягких бюджетных ограничений» Корнаи, прилагательное «мягкие» отражает здесь то принципиальное обстоятельство, что ограничения, накладываемые писаным правом, являются предметом «вертикального торга» (vertical bargaining; см. J. Kornai,

Ева Боснио. Тени Магды и Евы Боснио. Будапешт, 1932

1992, р. 141–142 и др.), а система писаного права в целом служит лишь рамкой, задающей предмет, условия и параметры такой торговли.

Если участие в системе «вертикального торга» по поводу прав на нарушение правил имеет достаточно массовое распространение, то общество в целом оказывается не заинтересованным в переходе в другое состояние. Каждый субъект, получив определенные права на

нарушение правил, а следовательно — и определенные относительные преимущества, оказывается не только равнодушен, но даже прямо не заинтересован в смягчении, а тем более устранении общих правил, ибо это привело бы к девальвации полученных им преимуществ и к потере сделанных им в ходе предшествовавшего торга инвестиций. Это особенно важно, если мы рассматриваем экономические эффекты тако-

го правового режима, и указывает на экономические механизмы институциональной ловушки режима мягких правовых ограничений.

Причиной существования феномена мягких бюджетных ограничений (в концепции Корнаи) была государственная собственность; именно поэтому бюджет вынужден был в конечном счете покрывать растущие издержки предприятий, являвшихся собственностью государства. Можно предположить, что становление и существование режима *мягких правовых ограничений* также связано со спецификой сформировавшихся отношений собственности.

Частная собственность имеет в рамках этой системы ограниченный характер: де-юре она существует, но общественного признания не имеет. Право собственности выглядит для общества частным случаем и результатом использования прав на нарушение правил, легализацией и капитализацией таких прав. Поэтому и утрата собственности в связи с утерей прав на нарушение правил выглядит в глазах общества вполне легитимной. В результате собственность в этой системе, с одной стороны, управляется как частная, в том смысле что номинальный собственник вправе присваивать доходы от распоряжения имуществом и распоряжаться ими, но при этом собственность может быть отчуждена не только в силу исполнения каких-то контрактных обязательств, но и в силу утраты прав на нарушение правил.

Очевидно, что функционирование системы, в которой собственность управляется как частная, но в то же время является отчуждаемой, требует двойственного правового режима. С одной стороны, необходимо писаное право, обеспечивающее исполнение контрактов в рамках горизонтальных рыночных взаимоотношений, связанных с

распоряжением собственностью (кредит, поставки, продажи и пр.); здесь распорядитель собственности выступает как юридический собственник во взаимоотношениях с контрагентами (состояние формального права switch on). С другой стороны, собственность является здесь элементом системы «вертикального торга» по поводу нарушения правил и в рамках этих взаимоотношений может быть изъята у номинального собственника и возвращена в оборот прераспределения прав на ее использование (состояние формального права switch off).

Вопрос, который оправдывает обращение к терминам Я. Корнаи, заключается в следующем: что происходит с предприятием, если мягкие бюджетные ограничения отсутствуют, то есть «запуск» капитализма, как он представлялся в конце 1980 — начале 1990 годов, осуществлен, но при этом действуют мягкие правовые ограничения, т.е. большинство ограничений, накладываемых нормами письменного права, принципиально преодолимы?

Наличие жестких бюджетных ограничений означает, что предприятие не может компенсировать текущий убыток за счет субсидий из внешних источников (точнее: как правило, не может, ибо в режиме мягких правовых ограничений из всех правил возможны исключения), а значит, вынуждено быть включенным в систему горизонтальных рыночных отношений и стремиться к максимизации прибыли. В этом смысле базовая задача «запуска» капитализма решена. Вместе с тем фирма может снижать за счет индивидуальных прав на нарушение правил административные и косвенные издержки, получать преимущество на рынке и в результате увеличивать свою прибыль по отношению к уровню реальной экономической эффективно-

сти. Логично предположить, что административные и косвенные издержки других фирм будут оставаться на достаточно высоком уровне, чтобы компенсировать выпадающие доходы в связи с «льготой» первой фирме (так, например, значительное количество налоговых льгот требует объявления базовой ставки на уровне выше необходимого, чтобы получить удовлетворительный уровень реальной ставки). Значит, прибыль других фирм окажется ниже возможной при заданном уровне экономической эффективности. Итак, в этой системе, во-первых, прибыль перераспределяется от одних компаний к другим за счет неравномерного распределения административных и косвенных издержек, а во-вторых, размер и динамика прибыли не отражают непосредственно уровень и динамику экономической эффективности фирмы.

Теоретически можно предположить, что владелец фирмы стремится к увеличению прибыли обоими путями — и за счет сокращения административных и косвенных издержек, и за счет повышения экономической эффективности. Однако обсуждавшиеся выше особенности режима делают первый путь предпочтительным. Дело в том, что, как мы видели, права собственности трактуются здесь как права на результаты использования собственности (прибыль), в то время как сама собственность является отчуждаемой. Таким образом, инвестиции в покупку индивидуальных прав на нарушение правил становятся инвестициями непосредственно в увеличение текущей прибыли, в то время как инвестиции в рост эффективности производства — это инвестиции в собственность, важнейшей характеристикой которой является ее отчуждаемость. Такая инвестиция выглядит значительно более рискованной не только потому, что вы инвести-

руете в будущую прибыль, которая будет получена тогда, когда права по распоряжению собственностью могут вам уже не принадлежать. Создавая фирму с большей отдачей от капитала, вы в целом повышаете риск отчуждения этой собственности и должны будете больше инвестировать в защиту своих прав на распоряжение этой собственностью. А инвестируя в индивидуальные права по нарушению правил, которые не только увеличивают текущую прибыль, но и, как правило, не переходят автоматически вместе с отчуждаемой собственностью к новому владельцу, вы, напротив, снижаете риски отчуждения собственности. Чем больше прибыль фирмы зависит от эксклюзивных договоренностей владельца-управляющего, тем сложнее осуществить перехват управления, тем в большей степени фирма фактически «принадлежит» этому управляющему, и наоборот. Это и предопределяет относительные предпочтения в выборе между двумя стратегиями максимизации прибыли.

Как видим, связь режима мягких правовых ограничений и специфики института собственности двусторонняя. Специфика владения (распоряжения) собственностью подталкивает к таким вложениям, которые максимизируют текущую прибыль, и сдерживает инвестиции в будущую прибыль. Однако обеспечивая и увеличивая прибыль неэкономическими методами (за счет нарушения правил), номинальный собственник поддерживает режим, в котором его право владения является принципиально ограниченным.

Как это происходит? С одной стороны, торг по поводу прав на нарушение правил лишает собственника всякой общественной поддержки в защите своего права собственности. С другой стороны, в ситуации, когда рост прибыли не

отражает напрямую экономическую эффективность, можно предположить, что собственник-распорядитель в результате не имеет четкого представления об экономической эффективности своего бизнеса. Если прибыль растет у вас на 15–20% в год, то рост издержек на 5–7% выглядит свидетельством эффективности фирмы. Но если предположить, что рост прибыли на три четверти обеспечен неэкономическими факторами (мягкими правовыми ограничениями), то получается, что эффективность бизнеса в реальности снижается. В результате распорядитель-собственник оказывается зависим от системы, распределяющей права на нарушения правил: он не знает, насколько он конкурентен в ее отсутствие и способен ли он покрыть свои текущие издержки, если система даст сбой. Чем дольше и успешнее развивается его бизнес в условиях режима мягких правовых ограничений, тем выше вероятность и крепче его уверенность, что он это сделать не способен. Это эффект «золотой клетки».

Впрочем, важнейшее экономическое последствие режима мягких правовых ограничений становится очевидно, если рассматривать ситуацию не с точки зрения последствий для фирмы, а последствий для рынка в целом. Как мы видим, в общем случае присутствие и положение фирмы на рынке определяется здесь не только балансом спроса и предложения (горизонтальные рыночные отношения), но и условиями «вертикального торга» по поводу прав на нарушение правил. Покупать эти права имеет смысл только в случае, если для других участников рынка соблюдение писаных правил действует

как ограничитель. То есть система «вертикального торга» должна действовать как фильтр при допуске фирм к тому или иному сегменту рынка; в этом случае инвестиции, сделанные фирмой в права на нарушение правил, перестают быть дополнительной из-

Уровень цен при режиме мягких правовых ограничений будет более высоким, чем он мог бы быть, если бы цена определялась исключительно балансом спроса и предложения

держкой по отношению к нормальным затратам, так как могут быть перенесены на покупателя в форме завышенных цен продукта (монопольная рента).

Действительно, только конечный покупатель и никто другой в условиях жестких бюджетных ограничений может вернуть фирмам затраты, сделанные на покупку прав на нарушение правил. Из этого вытекает, что уровень цен при режиме мягких правовых ограничений будет более высоким, чем он мог бы быть, если бы цена определялась исключительно балансом спроса и предложения (условиями «горизонтального торга»). Потребитель вынужден будет покрывать затраты фирмы как на покупку прав на нарушение правил, так и растущую неэффективность фирмы, компенсирующей рост затрат дополнительной прибылью, полученной благодаря нарушению правил.

Это объясняет, в частности, почему предприниматели, работающие в рамках этой системы, как правило, не рассматривают такой режим как непригодный или депрессивный для ведения и развития бизнеса: издержки на

покупку прав на нарушения правил перекладываются ими на потребителя, условия конкуренции в результате выглядят более мягкими, и стоит лишь сосредоточиться на текущей прибыли и смириться с долгосрочной возможностью утраты собственности, чтобы почувствовать себя вполне счастливыми. Подобно тому как у физических лиц, вовлеченных в режим торга по поводу нарушения правил, оказывается подавленным интерес к такой системе, где правила просты и соблюдаются, у распорядителей собственности подавленным оказывается интерес к обеспечению долгосрочных прав собственности; отсутствие таких прав компенсируется относительно более высоким уровнем прибыли, нежели тот, который был бы возможен при наличии таких прав.

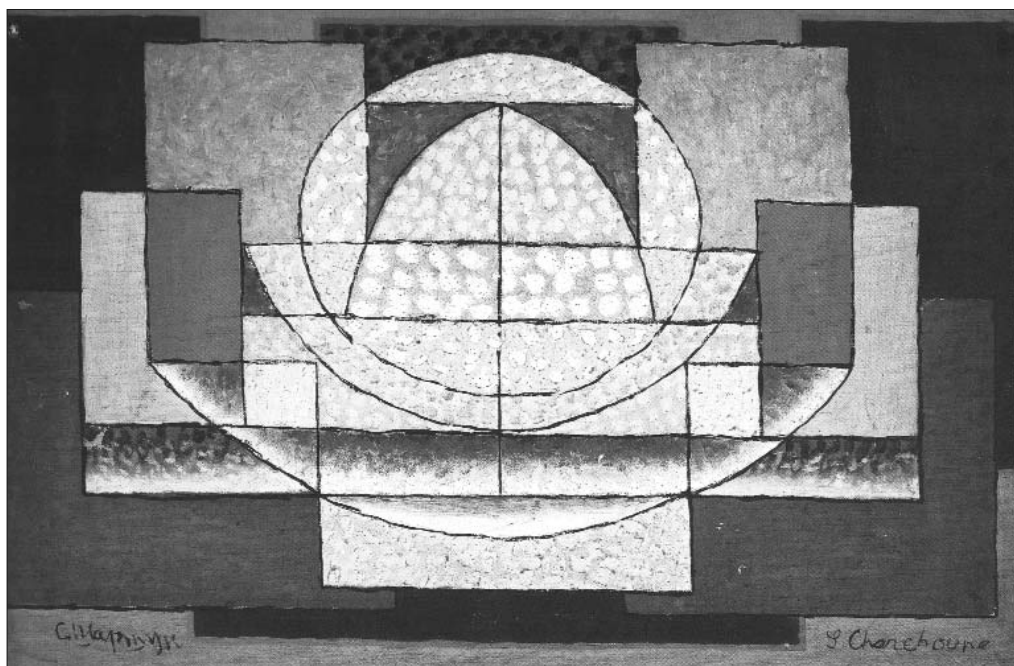
В представлении реформаторов социализма двадцатилетней давности «запуск рынка», в частности через механизм жестких бюджетных ограничений, должен превратить предприятие в самостоятельный субъект рыночных отношений (выключив его из системы вертикального торга), в свою очередь, логика этих новых отношений ведет к становлению институтов, поддерживающих и защищающих конкуренцию, ибо только таким образом предприятие может извлечь максимальную выгоду из факта своей самостоятельности. На этом фоне режим мягких правовых

ограничений в целом выглядит как механизм компенсации, снижающий эффект жестких бюджетных ограничений*.

Жесткость бюджетных ограничений запускает механизм ответственности предприятий и стимулирует их к получению прибыли; вместе с тем механизм мягких правовых ограничений позволяет перераспределять прибыль между предприятиями вне связи с их экономической эффективностью, и в результате сохраняет в модифицированном виде и принцип вертикального торга, который ведется теперь, однако, не по поводу уровня издержек, по поводу уровня прибыли. В результате этот механизм препятствует становлению полноценных прав собственности, снижает стимулы к инвестированию в эффективность производства (в особенности подавляет долгосрочные инвестиции), а также ведет к долгосрочному снижению эффективности фирмы и относительно более высокому уровню цен на рынке в целом.

Поскольку механизм жестких бюджетных ограничений действует, эффективность фирмы не может стать отрицательной (во всяком случае, если мы говорим о средней фирме в рамках общей модели), такая фирма разорится. В результате этот «капитализм наполовину» имеет значительный потенциал самовоспроизводства и жизнеспособности при подавленных возможностях развития. Можно, навер-

* Нам известна одна работа, в которой используется понятие «мягкие правовые ограничения», это статья Enrico Perotti «Lessons from the Russian Meltdown: The Economics of Soft Legal Constraints» (*International Finance*. 2003, vol. 5, p. 359–399). Несмотря на то что термин вынесен здесь в заглавие, содержание понятия не обсуждается в статье специально. В начале статьи автор лишь констатирует: «В годы транзита российские предприятия и банки по сути движутся от системы мягких бюджетных ограничений к режиму мягких правовых ограничений» — и затем сосредоточивается на особенностях регулирования и на реальной практике исполнения контрактов в банковском секторе в России конца 1990-х годов. В целом, по мысли автора, эти особенности предопределены дефицитом правоприменения, характерным для периода трансформации.

Серге Шаршун. Орнаментальный кубизм. 1922

ное, сказать, что с точки зрения экономической эффективности он стремится к равновесию «немного выше нуля». Это и создает опасность того, что такое «сумеречное» состояние с подавленным потенциалом развития может поддерживаться довольно долго. Разумеется, накопленная неэффективность привилегированных фирм в какой-то момент делает их чистыми потребителями производимой экономикой прибыли. Но система может жертвовать такими фирмами. Потому что главными бенефициарами режима мягких правовых ограничений являются вовсе не «олигархи» (чемпионы по объему прав на нарушение правил), а выдающая права на нарушение правил бюрократия. Ее могущество проявляет себя не столько в существовании конкретных «олигархов», но скорее в постоянном воспроизводстве процесса «делания оли-

гархов», в котором потенциал режима мягких правовых ограничений реализует себя в полной мере; соответственно, часть «олигархов» должна сходиться со сцены.

Итак, в целом можно сказать, что режим мягких правовых ограничений позволяет создать такую систему, где сосуществуют две логики: рыночная логика горизонтальных взаимоотношений и одновременно логика «вертикального торга», обеспечивающая возможность вне рыночного перераспределения ресурсов и прибыли (рента). Режим мягких правовых ограничений — это переключатель с одной логики на другую. Первая логика, подразумевающая в качестве общего правила, в частности, принцип жестких бюджетных ограничений, позволяет экономике получать прибыль, вторая нацелена на внеэкономическое перераспределение этой прибыли.

*Татьяна Швецова
выпускница Школы 2009 года,
член Общественной палаты
Республики Марий Эл*

Культурный хаос

Декорации [в разные времена и в разных местах] действительно меняются, меняются костюмы, внешность актеров, но их побуждения возникают из тех же самых людских желаний и страстей и приводят к тем же самым последствиям в долгой череде царств и народов.

Артур Онкен Лавджой

Непросто облекать в ясную и четкую форму размышления о событиях, которые относятся к сфере повседневности. Осознание смысла происходящих перемен зачастую приходит с огромным опозданием, когда исправить допущенную ошибку и предотвратить последствия бездумно совершенных поступков бывает поздно.

Понятие моды уже давно вышло за пределы безобидных тенденций в манерах или нарядах. Сегодня моде подвержены практически все сферы жизни, начиная с самых простых, к обновлению и совершенствованию которых призывают глянцево-журнальные, рекламируя телефоны, шампуни или автомобили, и заканчивая более серьезными, касающимися, например, внедрения последних научных достижений. Именно к последнему типу можно отнести новейшее направление регионального менеджмента, пришедшее к нам из-за границы под громким названием «маркетинг территорий».

В условиях, когда наше государство стремится всеми возможными способами переложить ответственность за развитие конкретных территорий на их собственные плечи, маркетинг территорий стал рассматриваться как панацея чуть ли не от всех нынешних бед. На ловко перелицованных основах советской традиции предлагается возводить стратегические планы регионов, хронически страдающих от

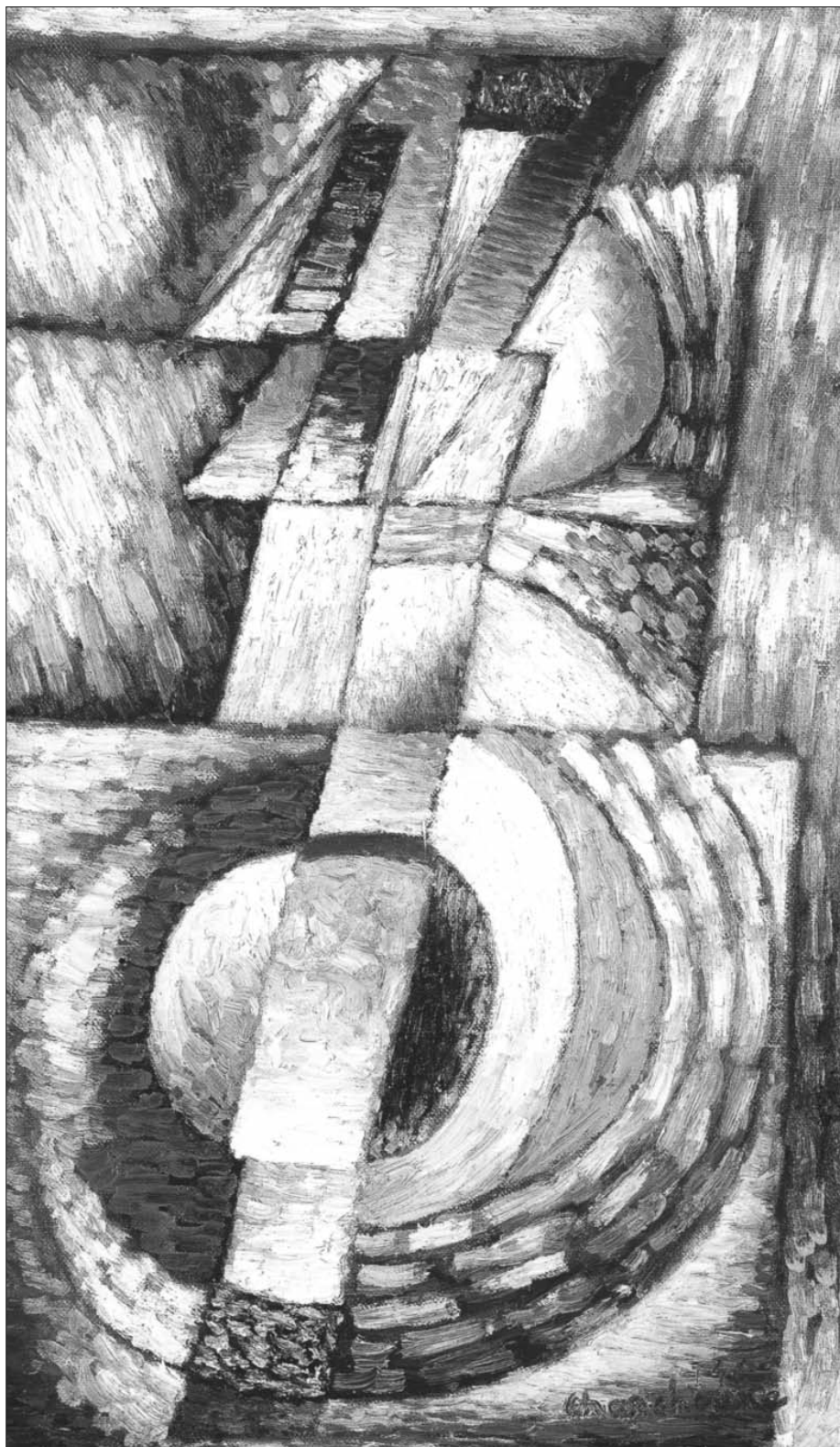
нашего, мягко говоря, не вполне цивилизованного рынка. Возникают все новые варианты «создания конкурентных преимуществ территорий», которые по достоинству должны оценить и инвесторы, и просто гости. Как раз за туристов особенно бьются регионы, не слишком богатые природными ресурсами. В их числе и Республика Марий Эл, о которой, собственно, и пойдет здесь речь.

Жители этого региона давно привыкли к тому, что большая часть населения страны никогда не слышала даже его названия. Первые догадки касательно его месторасположения связаны, как правило, с районами Крайнего Севера, хотя республиканская столица Йошкар-Ола расположена в центре Восточно-

*Архитектурный ландшафт в
значительной мере определяет связь
поколений, упорядочивая физическое и
социально-культурное пространство
жизни людей*

Европейской равнины. Подобное восприятие не могло не удручать местные власти, которые, заботясь о развитии вверенной им земли, стремились привлечь столь необходимые для этого инвестиции. Отсутствие доходных природных ресурсов заставляло делать ставку на развитие туризма. Но организация этого бизнеса является сложной задачей, особенно при отсутствии развитой инфраструктуры и, самое главное, — достойного ассортимента достопримечательностей. Как известно, Шотландии в свое время удалось привлечь гостей со всего мира легендой о чудовище озера Лох-Несс; специалисты в сфере маркетинга территорий любят апеллировать к этому примеру, показывая, что привлекательный образ места можно создавать вручную.

Для сегодняшних российских чиновников, как мы хорошо знаем, тоже нет ничего невозможного. В то время как население моей республики еще и не догадывалось о грядущих перспективах, в кулуарах местного правительства началось усиленное обдумывание «нового привлекательного исторического облика региона». В силу многочисленных причин Марий Эл является дотационным субъектом федерации, и поэтому пока результаты этой инициативы смогли оценить только жители нашей столицы. Многих горожан поразила стремительность произошедших перемен: всего за несколько лет в городе было осуществлено беспрецедентное по размаху строительство уникальных объектов. У нас появились бульвары во французском стиле, улицы — в голландском, набережная — в венецианском, храмы — в византийском. Национальная художественная галерея как капля воды похожа на знаменитый Дворец дождей, а архитектурный ансамбль «Йошкар-Олинский кремль» следует лучшим традициям славянского зодчества. Любая масштабная стройка невольно завораживает, особенно во времена спада. И вот, в одно прекрасное утро городской обыватель вдруг осознает, что его привычный маршрут «дом — работа — дом» пролегает теперь в каком-то ином городе!

Серж Шарун. Композиция III. 1946

Надо сказать, что это открытие обрадовало далеко не каждого. Когда пытаешься разобраться в том, почему не тянет заходить в новоиспеченный Кремль, ответ приходит сразу: в нашем городе с его основания *никогда не было* подобного сооружения. Причем, созерцая всю эту роскошь, знаешь, что на территории республики влачит самое жалкое существование фамильное имение знаменитого графа Шереметьева, которое так и не смогло оправиться от кошунственного разграбления в начале 1990-х. Не забываешь также и о том, как увядает несравненный по своей прелести архитектурный ансамбль уездного купеческого городка Козьмодемьянска, властям которого более не удается спасти от времени и вандалов его ветшающие красоты.

Сфера культуры – не место для таких экспериментов. Мы отказываемся от сложившейся за века и хранящей в себе настоящую мудрость культуры ради культурного «шума»

На первый взгляд, все дело в чисто эстетическом восприятии архитектуры. Еще Виктор Гюго обращал внимание на то, что этот вид искусства символичен как никакой другой. Именно посредством архитектуры различные социальные группы и институты, будь то государство или церковь, способны демонстрировать свою силу, значимость и влияние, тем самым представляя свои идеи людям. Но когда в среду обыкновенного советского города начинают вклиниваться разношерстные постройки, не имеющие отношения ни к истории, ни к культуре марийского народа, а естественная архитектурная среда, создававшаяся веками, рушится при всеобщем попустительстве, это воспринимается как злая насмешка.

Архитектурный ландшафт представляет собой важнейшую составляющую человеческой культуры. Именно он в значительной мере определяет связь поколений, упорядочивая физическое и социальное пространство жизни людей. Но человек является «животным, наиболее безнадежно зависящим от внегенетических контрольных механизмов и культурных программ в деле упорядочения своего поведения»*. Вполне естественно то, что описанные выше объекты новодела всколыхнули более или менее упорядоченную прежде среду невероятным буйством инородных, заимствованных элементов.

Человек с незапамятных времен приобрел способность передавать знания, верования, искусства, мораль, законы и обычаи своим потомкам и соседям. Вот почему он так зависит от процесса накопления культуры, которая задает систему значимых символов, позволяющих ориентироваться в мире, общаться, контролировать себя. И с этой точки зрения французский бульвар или венецианская набережная задают характерные модели поведения, закладывая особые условия существования человека, то есть в известной мере определяя и направляя его жизнь.

* Гирц К.Г. *Интерпретация культур*. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 71.

Безусловно, и французская, и голландская, и итальянская культура — это настоящие сокровищницы. Однако в контексте нашей национальной республики они — *чужеродны*, а это означает, что имплантация их элементов в иную культурную среду порождает хаос. Чем это грозит, не трудно себе представить, если помнить, что культура — это среда для самоидентификации человека. Как справедливо отмечал американский антрополог Клиффорд Гирц, «стать человеком — значит обрести индивидуальность, и мы обретаем эту индивидуальность, руководствуясь культурными моделями, исторически сложившимися системами значений, в соответствии с которыми придаем форму, порядок, смысл и направление нашей жизни»*.

Специалисты — и не только специалисты — неоднократно отмечали, что путь современных преобразований в нашей стране весьма своеобразен: не сумев в полной мере освоить отечественное наследие, мы занялись созданием чего-то нового с нуля, рассчитывая на то, что нововведения оправдают все ожидания. Но сфера культуры — не место для таких экспериментов. Опираясь на опыт последнего десятилетия, вполне можно заключить, что мы зачастую отказываемся от сложившейся за века и хранящей в себе настоящую мудрость культуры ради культурного «шума».

Каким будет человек, оторванный от культурных традиций своего народа? В этой связи не иначе как с горькой иронией воспринимается призыв «Время жить в Марий Эл!», громко звучавший на региональных и муниципальных выборах в октябре 2009 года, если учесть, что культура способна объединить людей нашей республики.

Самым обидным в описанной ситуации оказывается то, что усилия, предпринимаемые ради благородной цели — привлечения многочисленных туристов, явно будут бесполезными, поскольку в основе туризма лежит «страсть к изучению неповторимых вещей». А эта неповторимость создается в первую очередь опытом людей, помноженным на столетия и порождающим в результате культурную ценность.

Итак, я подхожу к основной цели этого краткого послания. Все происходящее с архитектурным обликом моего родного города не имеет ничего общего с демократией, которая декларирована в Основном законе российского государства. Прежде всего потому, что процессы масштабной реконструкции происходят без какого-либо участия гражданского общества.

Поскольку я считаю себя представителем такового, с уверенностью скажу, что вина за это лежит не только на местной власти. Это — печальное следствие общей гражданской пассивности наших людей. Мы не вступили в диалог с властью, не начали общественную дискуссию и допустили то, что основные решения прошли мимо общественного внимания. Затрагивая сегодняшние просчеты, мне хочется предостеречь от повторения подобных ошибок завтра.

* Цит. no: http://www.i-u.ru/biblio/archive/girc_interpritacija/01.aspx.

**«Умная политика»:
молодежь
в Российской ассоциации
политической науки**

*Наталья Иост,
председатель правления
Молодежного отделения
Российской ассоциации
политической науки
(г. Ульяновск),
выпускница Школы
2009 года*

Долгое и мучительное становление демократических институтов, а также намечающаяся модернизация повысили спрос на людей, способных мыслить самостоятельно и творчески. Испытывая нехватку таких кадров, государственная машина пытается компенсировать ее через создание всевозможных подконтрольных и лояльных общественных организаций, призванных стать своеобразными социальными лифтами для попадания во власть. Тем не менее подобные организации, например движение «Наши», скорее воспитывают исполнителей-конформистов, а не социальных активистов с твердой гражданской позицией.

Для коренного изменения ситуации, на мой взгляд, необходимо пересмотреть сами принципы подготовки личностей, стремящихся во власть и в общественную деятельность. Основную роль здесь должен играть образовательный процесс. Сегодня в России есть государственные программы, которые готовят будущих управленцев; но, как представляется, в них по-прежнему не уделяют должного внимания профессиональному политологическому образованию, нацеленному на «обучение демократии». Несмотря на молодость самой профессии политолога, именно она формирует навык понимания процессов и явлений, происходящих в обществе, способность к аналитическому мышлению.

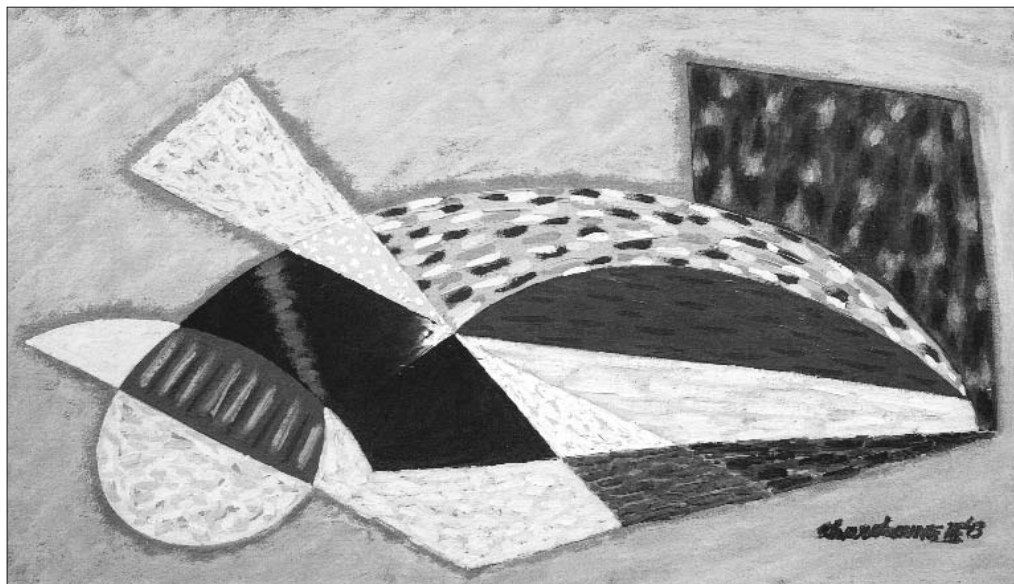
Важно отметить, что политологическое сообщество в России является достаточно сплоченным и интегрированным. Еще в 1991 году в стране была учреждена Российская ассоциация политической науки (РАПН), которая ведет свою историю от Советской ассоциации государственоведческих (политических) наук при АН СССР. РАПН объединяет профессионалов-политологов из различных регионов страны. Ее основной целью выступает развитие отечественной политологии и консолидация профессионального сообщества.

В отличие от организаций, созданных по инициативе власти, профессиональные сообщества строятся на принципах самоорганизации, горизонтального управления и равной ответственности. На мой взгляд, развитие именно сетевых организаций может способствовать становлению реально действующего гражданского общества. Ведь профессиональные сообщества, складывающиеся по инициативе «снизу», более современны, нежели организации-«приводные ремни», функционирующие при органах государственной власти. Правда, среди профессиональных структур довольно мало молодежных объединений; возможно, это связано с тем, что молодым людям нелегко работать на началах самоорганизации и к тому же при отсутствии гарантированной финансовой поддержки. Тем не менее есть и отрядные исключения, об одном из которых я собираюсь рассказать. В 2006 году, в связи с распространением кафедр политологии в вузах, было учреждено Молодежное отделение РАПН, которое стало эксклюзивным профессиональным сообществом, объединяющим студентов и аспирантов-политологов нашей страны.

Целью отделения является вовлечение молодых политологов в профессиональную исследовательскую и экспертную деятельность на уровнях университета, региона, России, а также налаживание сетевой коммуникации между ними и содействие формированию нового поколения профессионалов. Уже в первый год существования было открыто семнадцать региональных молодежных отделений (МО), а к 2010 году их число достигло тридцати. Сегодня в организации состоят более шестисот молодых исследователей.

Помимо региональных отделений в структуре Молодежного отделения существуют межрегиональные исследовательские группы, которые консолидируют научную активность студентов. В Ассоциации в настоящее время работают шесть таких групп: политической регионалистики; дискурсологии и семиотики; политической психологии; географии и геополитики; политической социологии; политического анализа. Группы возглавляются членами МО РАПН, уже отличившимися достижениями в конкретном научном направлении, а координируют их работу известные российские ученые. В 2010 году по инициативе бывших членов Молодежного отделения был учрежден Консультативный совет МО, цель которого — содействие развитию молодежного научного сообщества. В совет входят бывшие руководители МО РАПН, активисты, внесшие вклад в развитие сообщества, а также ученые, содействующие проектам молодежного отделения.

Несмотря на множество структур, входящих в Молодежное отделение, важно отметить, что они не подчиняются никакому высшему руководству. Молодежное отделение, как и сама РАПН, функционирует по принципам равноправия, горизонтального управления и самоорганизации. Однако у нас есть координирующий орган — межрегиональное правление, состоящее из одиннадцати членов. Его деятельность в основном сводится к техническим задачам, таким как утверждение региональных отделений и исследовательских групп, прием новых членов и информирование о текущей деятельности и планируемых мероприятиях. Правление не может давать указания региональным отделениям или исследовательским группам, но

Серж Шарун. Бегство. 1943

оно может мотивировать и поощрять их к деятельности. Иначе говоря, механизмы управления МО построены на принципах стимулирования исследовательской и экспертной деятельности, а не директивного руководства, которое неприемлемо в сетевых сообществах.

Представленные в Молодежном отделении регионы и исследовательские группы самостоятельно определяют график работы и изыскивают финансы для реализации задуманного. Только за 2009 год региональными отделениями было организовано более ста пятидесяти научных мероприятий, дискуссий и конференций, а шестью исследовательскими группами проведено более тридцати мероприятий. При многих региональных отделениях существуют постоянно действующие дискуссионные площадки: клуб «Школа политической антропологии» в Московском региональном отделении, Клуб политических изысканий «Кратос» в Твери, четыре постоянно действующих клуба

в Ростове, один из которых работает исключительно на английском языке. Проводятся Молодежным отделением РАПН и традиционные всероссийские мероприятия, куда, как правило, съезжается вся сеть.

Во-первых, это Московский форум молодых политологов, который проходит в рамках Всероссийских конгрессов политологов. Формат форума академический и секционный. В молодежных секциях экспертами выступают известные ученые-политологи.

Вторым по значимости мероприятием Молодежного отделения стала Пермская ассамблея молодых политологов, проводимая с 2007 года. Работа Ассамблеи включает творческие мастерские, деловые игры, а также секционные занятия и круглые столы по наиболее актуальным вопросам российской политологии. Ассамблея получила известность среди молодых политологов страны; в 2009 году Пермскому отделению удалось выиграть грант одной из международных

организаций на проведение мероприятия вплоть до 2012 года.

Интересным форматом научного общения стала также Неделя уральской политической науки. Главное ее событие — «большая политическая игра», которая проводится среди региональных отделений Молодежного отделения РАПН. По словам ее организатора, президента МО Дмитрия Руденкина, «эта игра была задумана в формате, дающем ее участникам возможность продемонстрировать опыт социально-политического развития своего региона и получить новую информацию об опыте использования социальных технологий в развитии территорий». Первая неделя Уральской политической науки в ноябре 2008 года привлекла внимание более ста пятидесяти российских политологов. В 2010 году в ней приняли участие более ста студентов-политологов из двенадцати городов.

Исследовательские группы также реализуют постоянно действующие научные проекты дистанционного и интерактивного характера. Наиболее популярным из них является региональная экспертиза Исследовательской группы по политической регионалистике на портале www.regional-science.ru. На протяжении последних двух лет на сайте публикуются ежемесячные мониторинги, освещающие общественно-политическую ситуацию в субъектах Российской Федерации. Региональная экспертиза распространяется на двадцать два региона; ежемесячно сайт посещают более тысячи пользователей. В этом году Исследовательская группа совместно с порталом «Электоральная география» запустила новый проект «Структура электорального пространства», в рамках которого были опубликованы аналитические тексты по ЮАР, Словакии, Черногории, Молдавии, Ирану, Индии.

В рамках научно-исследовательской деятельности Молодежного отделения было выпущено пять сборников, обобщивших итоги всероссийских форумов и ассамблей молодых политологов. При активном участии Свердловского регионального отделения выходит общественно-политический журнал «Без темы», в котором на конкурсной основе бесплатно публикуются работы молодых политологов. В ближайшее время предполагается сделать это издание официальным научным органом МО РАПН.

Таким образом, молодежное политологическое сообщество работает и развивается. Вместе с тем у нас есть и определенные проблемы.

Во-первых, широкая степень свободы подразумевает и высокую личную ответственность каждого участника отделения, которому приходится постоянно доказывать свою полезность для всей сети.

Во-вторых, поскольку внутренние структуры сообщества не подчиняются никакому высшему руководству, их координация и мотивация к деятельности представляет собой весьма сложный процесс, где вместо приказов сверху доминируют такие формы мотивации, как конкурсы, внутренние привилегии, обмен опытом с наиболее успешными структурами и т.п. Понятно, что такая структура сложнее, чем ее иерархические аналоги.

В-третьих, особую трудность представляет поиск источников финансирования для проектов и идей Молодежного отделения. У нас предусмотрены членские взносы, но они крайне малы, помощи от государства мы не получаем. В последние годы некоторым наиболее успешным региональным отделениям удалось получить западные гранты, большая же часть отделений

Ева Боснио. Всемирная выставка в Брюсселе. 1958

поддерживается частными пожертвованиями.

Но основной проблемой деятельности сетевых сообществ, в том числе и Молодежного отделения РАПН, на мой взгляд, остается неумение людей поддерживать такой формат общения на протяжении длительного времени, а также отсутствие навыков работы в горизонтальных структурах. Основным ресурсом сообществ, подобных МО РАПН, на мой взгляд, остаются

личности, их энергия, профессионализм, общее понимание ценностей, на основе которых должны функционировать структуры гражданского общества. Хочется верить, что именно такие люди смогут вывести сообщества на более высокий уровень развития, где они будут способны активно выражать интересы социальных групп, участвовать в процессах принятия решений и влиять на политику государства.

Тысячелетие Ярославля, которое будет отмечаться в сентябре, уже называют праздником несбывшихся надежд. Несмотря на то, что несколько лет назад Оргкомитет по празднованию юбилея возглавил президент, а год назад Ярославль стал «российским Давосом», приняв у себя международную конференцию по глобальной безопасности, чуда не произошло. Ничего в городе принципиально не изменилось, кроме набережной и нескольких проспектов (которые, кстати, недоделаны до сих пор). Новые «объекты», которые должны были сделать Ярославль центром туризма, готовы лишь наполовину, новый больничный корпус и перинатальный центр будут достроены и оснащены не раньше, чем через несколько лет. И виной тому не только кризис...

*О том, почему Ярославлю так и не удалось использовать Тысячелетие «по назначению», я решила побеседовать с ярославским политехнологом, а также бывшим чиновником, депутатом и выпускником Московской школы политических исследований **Павлом Исаевым**, знающим изнутри «кухню» многих процессов и способным дать адекватную оценку происходящему.*

Тысячелетие несбывшихся надежд

Анастасия Корникова, выпускница Школы (Ярославль): Когда пять лет назад о Тысячелетии начали говорить громко и широко, оно казалось мощным фактором объединения власти и горожан...

Павел Исаев: Не скажите. Для политической элиты была интересна в первую очередь экономическая составляющая вопроса. В первую очередь в этом видели повод для «подтягивания» в регион больших ресурсов, строительства новых объектов, которые воспринимались бы как личный вклад отдельных руководителей в развитие города и области, но никак не символ единения. Тем более что именно Тысячелетие в свое время стало разобщать областную и городскую власти: очень сложно было договориться о том, кто будет лицом Тысячелетия, а главное — его финансовым оператором.

Поворотным моментом для региональной элиты стало Тысячелетие Казани. Увидев татарский размах и оценив объемы инвестиций, наши власти тоже решили проявить инициативу и на этом заработать определенные очки. Кроме того, Тысячелетие позволило легко обосновать продление полномочий городской власти, став одной из главных тем на муниципальных выборах. Тогда появился слоган «Древний город, устремленный в будущее». Основной посыл городской избирательной компании заключался в том, что людям, которые начали этот масштабный проект, и в первую очередь мэру, надо дать возможность реализовать задуманное.

А.К.: Были ли привлечены какие-то специалисты в области регионального маркетинга для разработки стратегии под грядущее Тысячелетие?

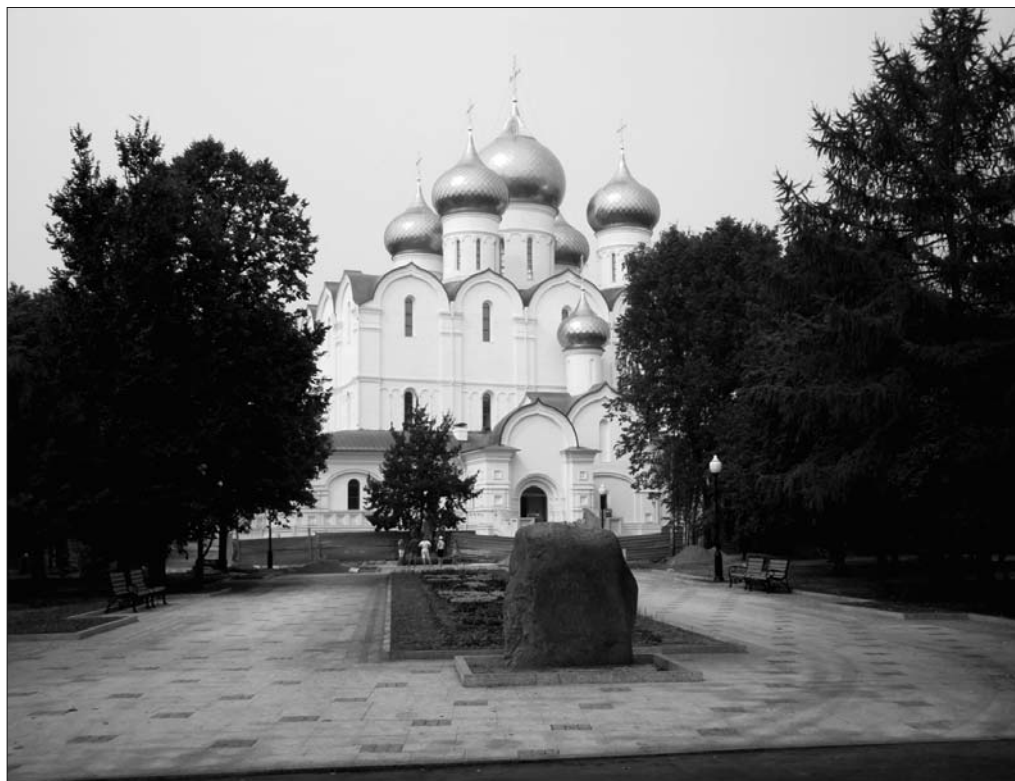
П.И.: Конечно, нет. Дело в том, что у нас в регионе слишком мало специалистов в этой области. А что касается стратегии развития территорий, то наши чиновники в большинстве своем выходцы из советской элиты, поэтому у них до сих пор жива привычка «привязывать» все к каким-то датам. То есть построить к празднику какие-то объекты, провести мероприятие и получить под это деньги.

Тысячелетие могло бы стать поводом для создания и продвижения всероссийского бренда Ярославля, определения уникальной идентичности города в России и в мире, что в свою очередь положительно сказалось бы на привлечении новых инвесторов, увеличении количества рабочих мест, росте рождаемости и уровне доходов. Однако у нас, по сути, все свелось к строительству неких объектов, которые в теории могли бы привлечь туристов и заинтересовать горожан. Самое комичное в этой ситуации то, что в силу различных обстоятельств из всех запланированных проектов у нас реально успели построить только первую очередь зоопарка, воздвигнуть храм в центре города и провести реконструкцию набережной в историческом центре (причем все эти объекты строились на частные пожертвования без участия бюджета). Все остальные так называемые объекты Тысячелетия находятся в стадии пожарного строительства, сроки сдачи их неочевидны, в городе гарантированно будут стоять только макеты этих объектов — «начинку» не успеют сделать ни при каких обстоятельствах.

А.К.: Когда у федеральных властей появилось понимание того, что юбилей Ярославля должен стать событием общероссийского масштаба?

П.И.: Думаю, года четыре назад, причем тему эту пришлось долго «пробивать» — ездить в Москву и убеждать руководство страны в необходимости поддержки. При этом опросы общественного мнения показывали, что население воспринимает свой миллениум со скепсисом и отнюдь не считает, что он может как-то повлиять на жизнь простых горожан.

Тогда начали предпринимать попытки вовлечь население в подготовку к празднику. Были даже инициированы общественные слушания, к которым привлекались эксперты местного масштаба: представители общественных организаций, бизнеса и СМИ. На повестке дня стоял вопрос: чего же хотят горожане от Тысячелетия? Однако эксперты к мозговому штурму были не готовы и потому никаких конструктивных решений не предлагали, а их главный тезис сводился к тому, что мы, мол, хотим жить хорошо, а уж что для этого сделать — придумывайте сами.

Павел Исаев: ...реально успели построить первую очередь зоопарка, храм в центре города и провести реконструкцию набережной

Вскоре в городе началась настоящая вакханалия проектов: самые разные люди присылали в мэрию гимны, эмблемы, слоганы Тысячелетия. Что называется, «дешево и сердито» — своего рода связи с общественностью без всяких затрат. Потом из всего многообразия предложений были отобраны наиболее адекватные проекты, которые мог бы поддержать городской фонд Тысячелетия: строительство храма в одном из спальных районов города, строительство зоопарка, реконструкция волжской набережной и строительство планетария, поскольку Ярославль является родиной Валентины Терешковой. В итоге выбрали все, на что хватило фантазии.

А.К.: Насколько мне известно, этот полет фантазии долго не находил поддержки в правительстве. Почему?

П.И.: Эти планы оформились в перечень проектов на сумму около 40 млрд рублей, которые полностью или частично предлагалось покрыть за счет средств Федерации. Оргкомитет по подготовке к Тысячелетию возглавлял тогда Герман Греф; соответственно, ему и представителям профильных министерств, также входивших в эту структуру, наш мэр и губернатор отвозили проекты на согласование. Потом по соответствующим министерствам ходил губернатор, «выбивая» финансирование.

В 2007 году большой радостью стало согласование областной администрацией проекта культурно-зрелищного центра. В городе пока нет ни одного зала на две тысячи мест, но теперь нам пообещали выделить два млрд рублей на строительство такого центра. Это было преподнесено как личный подарок президента Владимира Путина. Правда, Греф предложил «переформатировать» его из конгресс-центра в культурно-зрелищный центр, чтобы расширить возможности функционального использования нового объекта. Вообще Герман Оскарович большой эстет, и с его подачи региональные власти вынуждены были многократно переделывать проектную документацию объектов Тысячелетия. Все эти проекты он подвергал жесточайшей критике. Например, первый проект планетария, который в первоначальном варианте, по мнению Грефа, больше походил на конюшню, пришлось пересматривать несколько раз. Соответственно, деньги на реализацию долго не выделялись.

В итоге процесс согласования завершился поздно, а само строительство объектов началось только в 2008 году. И тут грянул кризис. Если Федерация еще хоть как-то продолжала выполнять свои финансовые обязательства, то частные инвесторы практически полностью свернули деятельность. Все проекты отелей были «заморожены», и в итоге из десяти обещанных гостиниц к Тысячелетию будут введены в эксплуатацию только две (бронирование уже открыто, но строители даже не приступили к внутренней отделке помещений). Не менее удручающе выглядит реконструкция дорог: власти долго решали, какие подрядчики будут ими заниматься и через кого пойдут деньги. Конфликт

интересов вызвал судебные разбирательства; соответственно, сроки конкурса перенесли с мая на август, а к самой реконструкции приступили лишь в сентябре — октябре прошлого года. В итоге сейчас так до конца и не ясно, успеют ли наши доблестные строители закончить ремонт к прибытию президентского кортежа.

Что касается культурно-зрелищного центра, то, видимо, достроить к сроку успеют только коробку. Хотя изначально предполагалось, что международная конференция или, как ее называют, «мировой политический форум», в этом году будет проводиться уже в нем.

А.К.: По всей видимости, конференция станет главным событием в ходе торжественных мероприятий Тысячелетия. Однако есть ли уверенность, что и впоследствии она будет ежегодно проводиться именно на ярославской площадке?

П.И.: Думаю, ее судьба будет решаться как раз по итогам сентября, поскольку однозначного понимания того, что подобное мероприятие необходимо проводить каждый год в одном и том же режиме, у администрации президента пока нет. Хотя эта конференция обещает быть гораздо более серьезной и с точки зрения организации, и по числу статусных гостей. Ведь в прошлом году организаторы планировали пригласить более десяти глав иностранных государств, а было лишь два премьер-министра.

А.К.: По сути, Тысячелетие для ярославской власти будет настоящим апокалипсисом. Ведь главой оргкомитета на сегодняшний день является сам Дмитрий Медведев, и очевидный провал нашего глобального празднования будет соответственно и его провалом...

П.И.: То, что Тысячелетие провалено, а заявленные планы и амбиции не реализованы, думаю, скоро будет очевидно для всех. Вопрос, который сейчас волнует региональные элиты, заключается в том, кому предстоит за это отвечать. Думаю, все-таки не Медведеву. Варианта три: мэр, губернатор или мировой экономический кризис. Естественно, губернатор может «перевести стрелки» на бывшее руководство области, которое вставляло палки в колеса. Или на мэрию, которая не умеет работать. Или на кризис, который унес частные инвестиции.

Но велики шансы и на то, что мэру дадут орден и выпроводят на заслуженный отдых. Публичной порки не будет: сечь «своих» у нас пока не принято. Тем более какой смысл заявлять, что мы не справились с подготовкой к празднику, да еще под началом президента? Возможно, мэр вообще тихо уйдет в результате выборов весной 2012 года. А горожане вряд ли будут подавать голос. Ведь у них нет нереализованных ожиданий, они изначально не относились к Тысячелетию серьезно.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Тодоров, Цветан. Дух Просвещения (Tzvetan Todorov. L'esprit des Lumières. Robert Laffont, Paris. 2006. Пер. с франц.). — М.: Московская школа политических исследований, 2010. — 120 с.

В основе проекта Просвещения, пишет автор этой книги, известный французский историк литературы и философ, лежат три идеи: индивидуальная свобода, человек как цель всех действий и универсальность его неотъемлемых прав. Там, где интеллектуальная и общественная жизнь строится в соответствии с этими принципами, познание мира продвигается свободно, а политические практики успешнее преодолевают разрыв между реальностью и идеалом. Цели, поставленные два века назад Просвещением, вряд ли когда-либо будут достигнуты, полагает автор, однако «таково призвание рода человеческого — каждый день начинать заново этот труд, зная, что конца ему не будет».

После того как Бог умер, после того как рухнули утопии, на каком интеллектуальном и моральном фундаменте хотим мы строить нашу общую жизнь? Чтобы вести себя как ответственные личности, мы нуждаемся в концептуальных рамках, которые могли бы обосновать не только наш дискурс — это легко, — но и наши действия. Поиски таких рамок привели меня к определенному направлению мысли и восприятия — к гуманистическому аспекту века Просвещения. На протяжении трех четвертей столетия, которые предшествовали 1789 году, произошел великий переворот, в наибольшей степени определивший нашу современную идентичность. Впервые в Истории люди решили взять свою судьбу в собственные руки и провозгласить

благоденствие человечества в качестве высшей цели своих действий. Это движение исходило от всей Европы, а не от какой-либо отдельной страны; оно проявилось в философии и политике, в науках и искусствах, в романе и автобиографической литературе.

Конечно, простой возврат к прошлому не является ни возможным, ни желательным. Авторы XVIII века не смогли бы разрешить проблемы, возникшие после них и каждый день раздирающие мир. Однако лучшее понимание произошедшего тогда радикального сдвига может помочь нам сегодня жить лучше. Поэтому я решил, не теряя из вида нашу эпоху, проследить главные направления мысли эпохи Просвещения, постоянно сопоставляя прошлое и настоящее.

3. АВТОНОМИЯ

Для исходного пункта переворота, осуществленного идеями Просвещения, характерно двойное движение: негативное — освобождение от норм, навязываемых извне, и позитивное — создание новых норм, избираемых самими людьми. Хороший гражданин, пишет Руссо, — это тот, кто умеет «действовать, руководствуясь собственными суждениями». В это же время Дидро в статье Энциклопедии рисует такой портрет своего идеального героя: это «философ, который, попирая предрассудки, традицию, старшинство, всеобщее согласие, авторитет, — одним словом, все, что поработает сонм умов, дерзает думать сам¹. Философ не хочет беспрекословно подчиниться ни одному учителю, он всегда предпочитает основываться на том, что доступно каждому: на проявлении чувств и на способности рассуждать. В конце века Кант подтверждает, что первый принцип Просвещения состоит в достижении автономии. «Имей мужество пользоваться *собственным* умом! — таков девиз Просвещения». «Требование мыслить самому — это и есть просвещение»². Все факты, добавляет Дидро, «нуждаются в критике». В области моральных и политических наук, подчеркивает Кондорсе, «надо иметь смелость все изучать, все обсуждать и даже всему обучать». Кант заключает: «Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все»³. Это не означает, что человек может обойтись вообще без традиции, то есть без всякого наследия, передаваемого от старших: человеку свойственно жить внутри культуры, однако культура, начиная с языка, передается каждому теми, кто нам предшествовал. Вообразить, будто можно рассуждать без предубеждения, —

худшее из предубеждений. Традиция определяет человеческое существо, но ее недостаточно, чтобы узаконить принцип или утвердить истинность суждения.

Из такой установки следуют очевидные политические выводы: народ состоит из индивидов, и если каждый начинает мыслить сам, то весь народ захочет взять свою судьбу в свои руки. Вопрос о происхождении и легитимности политической власти не нов; в XVIII веке столкнулись два главных подхода к нему. Согласно одному, король получает корону от Бога, каково бы ни было количество посредников между первоисточником и получателем. Монарх является таковым по божественному праву и не обязан отчетом никому на земле. Согласно другому подходу, который апеллирует к разуму, природе и первоначальному соглашению, источник власти — народ, общее право и общий интерес: Бог создал человека свободным и наделил его разумом. «Всякий человек, который считается свободным, должен управлять собою сам»⁴, — пишет Монтескье. Из этого не следует, что надо свергать королей: в ту эпоху преобладало мнение, что народ, в силу своей многочисленности, не может управлять собой сам и передает полномочия государю. Государь же правит суверенно, но это не значит, будто он тем самым лишен ответственности: его правление должно служить интересам страны. В этом контексте прозвучало выступление Руссо, изложившего свои радикальные идеи в сочинении «Об общественном договоре» (1761). Он не только решительно высказывается в пользу человеческого, а не божественного происхождения всякой власти, но заявляет, что она не может быть передана, а только доверена правителю как

Ева Боснио. Монтаж стенда на выставке «Атом» в Схипхолье. Амстердам, 1934

служителю; такая власть, говорит Руссо, является неотчуждаемой. То, что народ доверил правителю на время, он всегда может забрать обратно. Общественный интерес, единственный источник легитимности, проявляется в том, что Руссо называет общей волей, и, в свою очередь, выражает себя в законах: «Законодательная власть принадлежит народу и никому другому». Если мы именуем республикой государство, где правит закон, то «всякое Правление посредством законов есть

республиканское»⁵. Народ, утверждал Руссо, забыл, что именно ему принадлежит власть, даже осуществляемая королем, и что он может ее забрать в любой момент.

Несколько лет спустя в одной британской колонии группа людей сделает из этих рассуждений соответствующие выводы и провозгласит свое право самим свободно выбирать правительство: так родилась первая современная республика, как ее понимал Руссо, и она стала называться Соединенными

Штатами Америки. Еще через несколько лет те же идеи будут взяты на вооружение деятелями Французской революции.

Одновременно с освобождением народа индивид тоже обретает автономию. Он пускается в познание мира без оглядки на прежние авторитеты, свободно выбирает религию, обладает правом выражать свои мысли в общественном пространстве и организовывать свою частную жизнь по собственному усмотрению. Не следует думать, будто, отдавая опыту и разуму предпочтение по отношению к традициям, деятели Просвещения распространяли эту мысль на природу людей: они прекрасно понимали, что род человеческий не является разумным. «Разум есть и должен быть лишь рабом аффектов», — утверждает Юм в «Трактате о человеческой природе» (1737) и добавляет, что он не всегда используется вполне осознанно: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец»⁶. Дело в том, что разум — это инструмент, который может служить равно как добру, так и злу; ведь, чтобы совершить тяжкое преступление, злоумышленник должен пустить в ход большие умственные способности! Действия людей направляют их воля и желания, чувства и совесть, а также силы, совершенно от них не зависящие; однако разум может просвещать людей в их поисках истины и справедливости.

Автономия желательна, но она не ведет к самодостаточности. Люди рождаются, живут и умирают в обществе; без него они не были бы людьми. Именно взгляд, устремленный на ребенка, пробуждает его сознание, обращение к нему побуждает его заговорить. Самоощущение собственного бытия, без ко-

торого никто не может жить, возникает из отношений с другими. Каждый человек от рождения несет в себе чувство собственной недостаточности, неполноты, которую он старается восполнить, сближаясь с окружающими и добиваясь их расположения. И снова именно Руссо наиболее ярко выразил эту потребность. Его свидетельство особенно ценно, ибо в качестве индивида он чувствовал себя неуютно с другими людьми и предпочитал держаться от них на расстоянии. Но и одиночество также является формой жизни в обществе, от которого невозможно и нежелательно отказаться. «Наше самое приятное существование является относительным и коллективным, а наше истинное Я не целиком заключено в нас. В конце концов, таково положение человека в этой жизни, что нам никогда не удастся по-настоящему насладиться собой без помощи другого»⁷. Это не значит, что всякая жизнь в обществе хороша. Руссо постоянно предостерегает нас от самоотчуждения в результате давления моды, общепринятого мнения, заботы о том, что скажут другие. Под взглядами других человек перестает *быть* и начинает заботиться только о том, чтобы *казаться*, публичное позирование становится его единственной целью. «Забота о репутации», «жажда заставить о себе говорить», «бездумное стремление выделиться»⁸ выступают главными побудительными мотивами его действий, которые стали более конформистскими и менее осмысленными. Извращение этой мысли начинается в тот самый момент, когда она была сформулирована. Мы находим его в произведениях де Сада, который провозглашает, что сущность человека раскрывается в одиночестве. «Разве мы не рождаемся полностью изолированными? Скажу больше — врагами друг

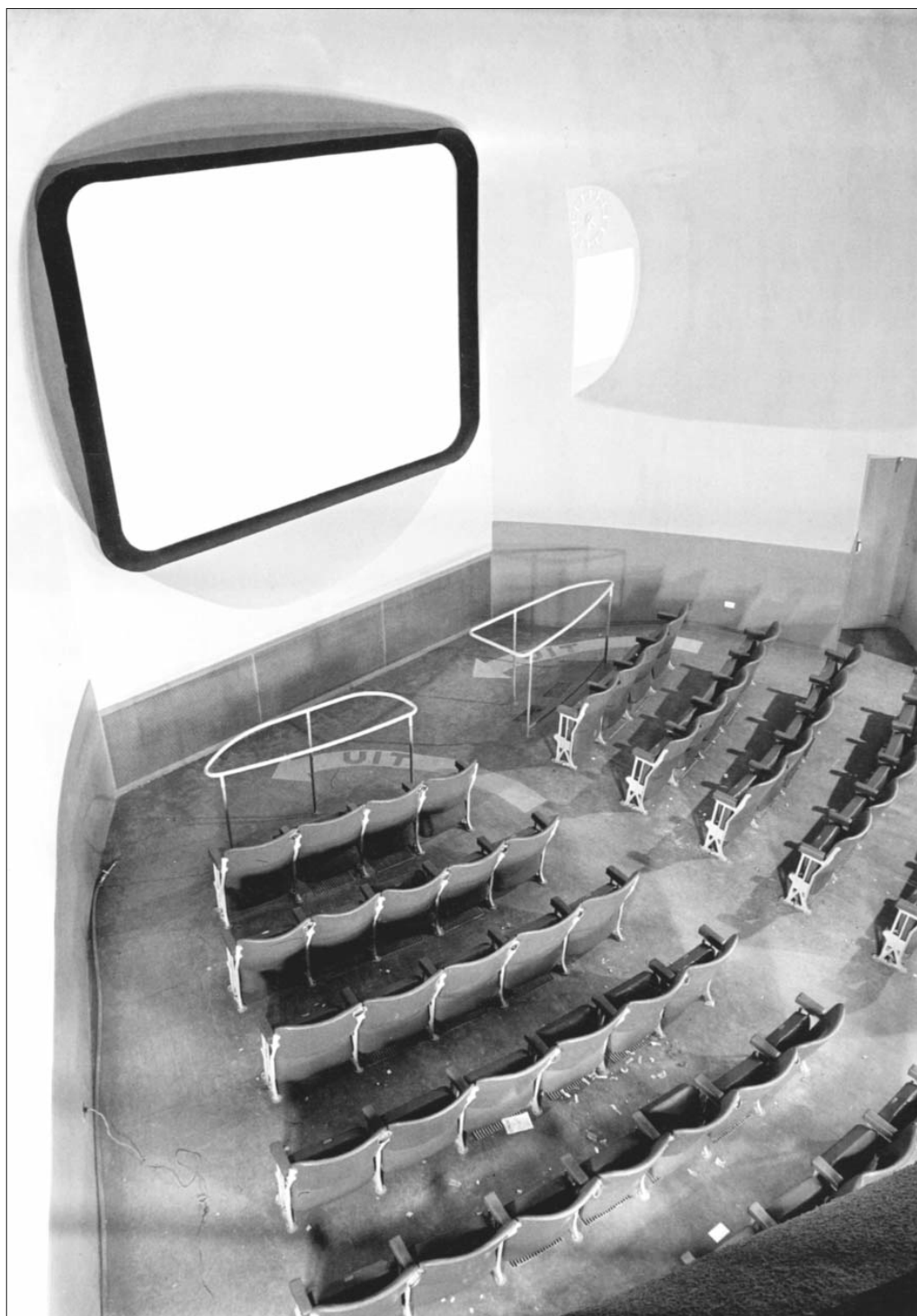
другу, находящимися в состоянии непрерывной войны всех против всех?»⁹. Из этого исходного состояния де Сад выводит самодостаточность в качестве жизненного правила: только мое желание имеет значение, а другие интересуют меня лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы оградить себя от их вторжения. Можно ли не видеть, что эти формулировки де Сада противоречат не только духу Просвещения, но и простому здравому смыслу? Где вы видели ребенка, рождающегося изолированным (без матери) или, тем более, выживающего в изоляции? Человек принадлежит как раз к такому виду животного мира, детенышам которого требуется наиболее долгий срок, чтобы обрести минимальную самостоятельность: брошенный ребенок погибает без ухода за ним, а не в результате «непрерывной войны всех против всех». Напротив, такая длительная уязвимость, возможно, лежит в основании чувства переживания, свойственного всем человеческим существам.

Несмотря на их полную нелепость, эти заявления де Сада на протяжении последующих столетий пользовались большим успехом у авторов, которые хором твердят, будто человек фундаментально, по сути своей, одинок (видели ли они когда-нибудь, как рождаются и вырастают дети?). Можно не ходить далеко за примерами: Морис Бланшо в сочинении «Лотреамон и Сад» и Жорж Батай в «Эротизме» объявили эти положения великой заслугой де Сада. По мнению Бланшо, все у него (де Сада) «основывается на первоначальном факте абсолютного одиночества. Де Сад сказал и повторял на разные лады: природа понудила нас родиться одиночками, и нет никаких связей между одним человеком и другим... Настоящий человек знает, что он

одинок, и принимает это». Батай, цитируя эти слова Бланшо, присоединяется к нему: де Сад «говорит от имени человеческого одиночества. В его представлении одинокий человек никак не способен беспокоиться о нуждах себе подобных». Именно по этой причине, добавляет Батай, мы должны быть благодарны де Саду: «Нам дан убедительный образ человека, который перестал принимать во внимание другую личность»¹⁰.

Суверенность индивида, по мнению де Сада в интерпретации Батая, выражается именно в отрицании всякого субъекта, кроме себя самого. «Суверенное в своем одиночестве существо, которое никому ничем не обязано». Беспокойство за других есть лишь результат страха перед полным самоосуществлением. По мнению Бланшо, настоящий человек «отрицает в себе все, что имеет отношение не к нему, а к другим и что является наследием семнадцати веков трусости». Автономия индивида здесь доведена до крайнего предела, где она сама себя разрушает, переходя в отрицание всех других, она превращается в самоотрицание.

В момент, когда формулировалось требование двух видов автономии, коллективной и индивидуальной, их сторонники не представляли себе, что когда-нибудь между ними возникнет конфликт: суверенность народа мыслится в контексте суверенности индивида, между ними существует неразрывная связь. На опасность разрыва этой связи первым указал Кондорсе. Надо сказать, что, будучи депутатом законодательного собрания, он наблюдал процессы власти, которую он представлял. Занимаясь проблемами общественного воспитания, он предостерегал от чрезмерного давления коллективной власти на индивидуальную свободу. Школа, по

Ева Боснио. Зал в кинотеатре «Синеак» (арх. Ян Дуйкер). Амстердам, 1934

мнению Кондорсе, должна воздерживаться от всякого идеологического воздействия. «Свобода мнений будет не более чем иллюзией, если общество завладеет рождающимися поколениями и будет им диктовать, что они должны думать». Подобное образование, которое ученик будет неспособен оценить и которому не сможет противостоять, привет ему такие «установки», которые, хотя и исходят от воли народа, будут от этого не менее тираническими. Такое обучение будет, следовательно, «покушением на одну из самых ценных составляющих естественной свободы». Вот почему необходимо лишать государственную власть контроля над этой сферой и защитить, таким образом, критическую способность индивидов. «Задача образования состоит не в том, чтобы заставить людей восхищаться уже готовым законодательством, а сделать их способными оценивать и исправлять его»¹¹.

Сегодня мы можем отдать должное прозорливости Кондорсе, потому что в этих строках он описал, каким образом тоталитарная власть смогла подавлять население на протяжении XX века (я к этому еще вернусь). С тех пор как эти режимы рухнули, мы обнаружили, что искажение идей Просвещения возможно и в ином направлении и что последствия такого искажения столь же тревожны. Население страны может быть лишено свободы не только Государством; некоторые весьма могущественные индивиды также способны ограничить народную суверенность. Опасность исходит не от диктаторов, а от отдельных людей, обладающих значительными финансовыми средствами.

Приведу два примера подобного урезывания народного суверенитета, связанные с международными отношениями.

Первая угроза исходит от экономической глобализации. Сегодня государства могут, в случае необходимости, защищать свои границы вооруженной силой, но они не в состоянии остановить движение капиталов. Вследствие этого некий индивид или группа индивидов, не обладая никакой политической легитимностью, могут нажатием клавиши на компьютере сохранить свои капиталы там, где они находятся, или перевести их в другое место, порождая таким образом безработицу в стране или же предотвращая грозящую катастрофу. Они могут вызвать социальные волнения или помочь их избежать. Сменяющиеся правительства в такой стране, как Франция, желали бы уменьшить безработицу, но не факт, что у них есть для этого возможности. Контроль над экономикой не относится к сфере народного суверенитета: мы можем радоваться этому или сожалеть, но все равно вынуждены констатировать, что политической автономии положены пределы.

Второй пример относится к области международного терроризма. Теракты, совершённые недавно в разных местах, осуществлялись не государствами, проводящими агрессивную политику, а индивидами или группами индивидов. Прежде только государство, притом из самых могущественных, могло организовать такие сложные акции, как взрывы в Нью-Йорке или Стамбуле, в Мадриде или Лондоне; теперь это осуществляют группы, состоящие из нескольких десятков человек. Технология изготовления смертоносного оружия стала доступна частным лицам. Одновременно стоимость этого оружия все уменьшается, а миниатюризация делает перевозку его все более легкой. Мобильного телефона достаточно, чтобы произвести взрыв, — так самый

обычный предмет становится грозным оружием! Поэтому злоумышленники могут без труда избежать военного ответа: ведь индивид не имеет территории. Они являются выходцами из разных стран, но не принадлежат ни к одной, они апатриды. Современные государства оказались плохо подготовленными к такой форме глобализации, угрожающей их суверенитету.

Автономия жителей этих государств подвергается также эрозии изнутри: угроза исходит не от государственной власти, а от иных, расплывчатых сил, которые гораздо труднее идентифицировать. Оставим в стороне угнетение со стороны экономической системы, принимающей безличную форму неизбежности и лишаящей индивида возможности проявить свою волю (разве может он один обуздать безработицу?). Другие силы действуют не менее парализующе. Нам кажется, что мы сами принимаем решения; но если все больше средств информации с утра до вечера, день за днем вколачивают в нас одно и то же послание, у нас остается очень мало свободы для формирования собственного мнения. Средства массовой коммуникации присутствуют повсюду: пресса, радио и, главное, телевидение. А ведь наши решения зависят от информации, которой мы обладаем. Эта информация, даже если предположить, что она не является фальшивой, была отобрана, просеяна, сгруппирована таким образом, чтобы подвести нас к тем, а не иным заключениям. Однако массмедиа не выражают коллективной воли, и вряд ли об этом стоит жалеть: индивид должен иметь возможность составить собственное мнение, не подвергаясь давлению со стороны Государства; к сожалению, ничто не гарантирует беспристрастность этой информации.

В некоторых странах сегодня можно — если у вас много денег! — купить себе телевизионный канал, пять каналов, десять каналов, плюс радиовещательные станции, плюс газеты, и заставить все это вещать то, что вам угодно, чтобы и потребители, читатели слушатели, зрители, тоже стали думать так, как угодно вам. В этом случае речь идет не о демократии, а о плутократии, в которой власть принадлежит уже не народу, а деньгам.

В других случаях дело может быть не в деньгах, а в диктате моды, духа времени или местных обстоятельств. Журналисты не подвергаются давлению ни со стороны Государства, ни со стороны капитала, но тем не менее образуют единый строй, подражая самому авторитетному среди них, опасаясь нарушить единство, чувствуя себя исполнителями одной миссии. Сам этот феномен не нов, но в нашем мире, который захлестнул непрерывный информационный поток, его сила многократно возрастает,

Зритель, слушатель или читатель, полагающий, будто он свободен в выборе мнения, неизбежно находится под влиянием той информации, которую получает. Надежды, возникшие в связи с Интернетом как источником информации, исходящей от неконтролируемых индивидов и доступной всем, также рискуют не оправдаться: от контроля ускользает не только информация, но и факты манипулирования ею, так что у рядового пользователя нет возможности во всем разобраться.

Если общественное мнение очень сильно, оно ограничивает индивидуальную свободу, которая в конце концов подчиняется ему. Руссо был озабочен этим качеством современных обществ и потому рекомендовал воспитывать детей в относительной изоляции, вдали

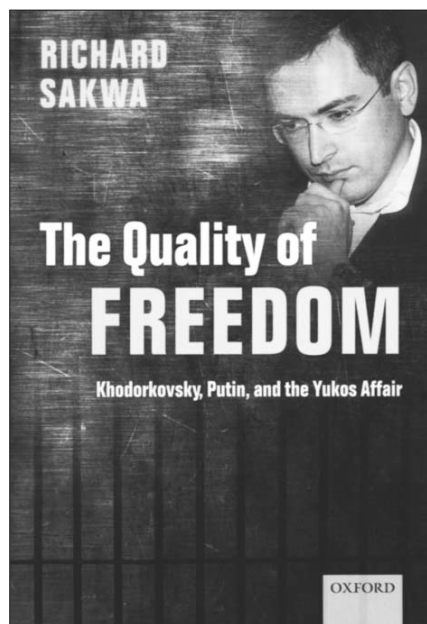
от диктата моды и предвзятых идей; по той же причине он предпочитал избегать больших городов. Уже в его время такой подход мог показаться утопическим. С тех пор мир и вовсе ушел в противоположном направлении: средства массовой коммуникации, в особенности телевидение, проникли в индивидуальное пространство и в городе, и в сельской местности; особенно дети проводят каждый день много часов перед экраном. Телевидение не находится под опекой Государства, но для работы ему нужны деньги, и оно находит их благодаря рекламе, иначе говоря, у продавцов потребительских товаров. Через рекламу, а также через образы жизни, которые оно демонстрирует в своих репортажах и игровых картинах, телевидение дает нам модель для подражания, никогда, впрочем, не формулируя ее явным образом, что могло бы позволить нам, по крайней мере, критически ее оценить.

Идеи Просвещения ведут к развитию критического духа. Этот принцип нуждается в постоянной защите, особенно от тех, кто в ответ на не понравившуюся им критику тут же обращается в суд. Свобода мнений, в том числе и тех, которые вызывают наше недовольство, должна быть защищена. Это не значит, что любая критическая позиция сама по себе достойна восхищения. Если, пользуясь свободой выражения, существующей в демократическом общественном пространстве, становиться в позу тотального отторжения, то критика превращается в бесплодную игру, которая ведет лишь к подрыву исходного смысла самой критики. Чрезмерная критика убивает критику. В традиции Просвещения критика представляет собой только первый этап двойного процесса, представляющего собой отрицание и переустройство. В своих «Мемуарах»

Раймон Арон рассказывает об эпизоде, повлиявшем на его формирование в молодости. Встревоженный наступлением нацизма в Германии в 1930-е годы, он как-то выступил с резкой критикой политики французского правительства. Один из министров слушал его внимательно и был готов довести его слова до сведения премьер-министра, но предложил сначала ответить на вопрос: «А что сделали бы вы на его месте?»¹². Усвоив этот урок, Арон стал интеллектуалом особого склада. Без позитивной составляющей критические выступления становятся пустым занятием. Постоянный скептицизм и неизменное высмеивание только кажутся мудрыми; искажая дух Просвещения, они серьезно препятствуют его распространению.

- ¹ Жан-Жак Руссо. Трактаты, с. 127; D. Diderot. *Éclectisme*. // *Oeuvres complètes*, Éd. Assezat-Tourneux, t. XIV.
- ² Иммануил Кант. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Соч. в шести томах. Т. 6. — М.: «Мысль», 1960. — С. 27; *Qu'est-ce que s'orienter dans la pensée?* (1786). // *Oeuvres philosophiques*, t. II. — Paris: Gallimard, 1985. — P. 545.
- ³ Иммануил Кант. Критика чистого разума. // Соч. в шести томах. Т. 3. — М.: «Мысль», 1964. — С. 75.
- ⁴ Ш. Монтескье. Цит. соч., с. 292.
- ⁵ Жан-Жак Руссо. Трактаты, с. 178.
- ⁶ Давид Юм. Соч. в двух томах. Т. 1. — М.: «Мысль», 1996. — С. 457, 458.
- ⁷ Jean-Jacques Rousseau. *Dialogues* (1772–1776). // *Oeuvres complètes*, t. 1, 1959, p. 813.
- ⁸ Жан-Жак Руссо. Трактаты, с. 97.
- ⁹ D.A.F. de Sade. *La Philosophie dans le boudoir* (1795). // *Oeuvres complètes*, t. XXV, J.-J. Pauvert, 1968, p. 173.
- ¹⁰ Маркиз де Сад и XX век. Пер. с франц. — М.: РИК «Культура», 1992. — С. 50, 103, 121.
- ¹¹ *Cinq Mémoires sur l'instruction publique* (1791). — Paris: Garnier-Flammarion, 1994. — P. 85, 86, 93.
- ¹² Раймон Арон. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. — М.: «Ладомир», 2002. — С. 70.

Ходорковский, Путин и дело ЮКОСа

Richard Sakwa. *The Quality of Freedom: Khodorkovsky, Putin, and the Yukos Affair*. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — xvii, 426 p.

Бесконечные судебные заседания продолжаются, Михаил Ходорковский по-прежнему на скамье подсудимых, но «дело ЮКОСа» уже превратилось в неотъемлемую часть новейшей истории России. Одним из бесспорных свидетельств этого факта стало то, что его изучением занялись серьезные ученые, например англичанин Ричард Саква, недавно написавший о нем целую книгу. Этот исследователь давно и плодотворно изучает Россию; из-под его пера вышло несколько основательных и вполне объективных работ о нашей стране. Кроме того, в пользу автора говорит еще и то, что он не обременен старым

советологическим наследием: это относительно молодой человек, представляющий новое поколение специалистов по России.

Первая особенность этой интереснейшей книги состоит в том, что автор не стремится рассортировать участников «дела ЮКОСа» на правых и виноватых. Профессор Саква разделяет ту довольно популярную точку зрения, что агнцы в этой истории просто не участвуют. Сторонников самого известного подсудимого страны, наверное, огорчит то, что с именем их кумира британский исследователь обращается без особого пиетета; дотошно и скрупулезно описывая подъем нефтяной империи ЮКОСа, он рассказывает отнюдь не о тепличных условиях, в которых начинал произрастать российский капитализм. Но столь же твердо автор убежден и в том, что дело ЮКОСа от начала и до конца замешено на политике, а правовая составляющая в нем отсутствует почти полностью.

Именно политический характер придает этому затянувшемуся конфликту неослабевающую социальную значимость — Саква вообще называет суд над Ходорковским и Лебедевым «самым важным судебным процессом в постсоветской истории России» (р. 207). Политика мотивирует и широкие идейные обобщения, которые предлагает

автор: в вводной главе, например, отталкиваясь от традиций русской либеральной публицистики, он противопоставляет друг другу два толкования человеческой свободы и места человека в обществе, разделяющие антагонистов — Михаила Ходорковского и Владимира Путина. «Рассуждая о законности, Путин всегда склонялся в пользу прав государства в соотношении с правами личности. Его этатизм, несомненно, отчасти вдохновлялся желанием консолидировать власть, но за ним стояла также глубочайшая вера в превосходство государства как гаранта общественного блага» (р. 74). Разумеется, отсутствие подобных убеждений у Ходорковского не вызывает сомнений — просто в силу самого положения, которое он занимал и занимает. Но помимо столкновения идеалов, о котором, скорее всего, никто и не узнал бы, если бы скамья подсудимых не превратилась в политическую трибуну, британский исследователь видит вполне земные причины, спровоцировавшие атаку на империю Ходорковского.

«Почему в качестве мишени для преследования и разорения был избран именно ЮКОС?» — таков один из центральных вопросов повествования. Дотошно и беспристрастно Саква показывает, что конфликт крупнейшей российской нефтяной компании с российским же государством был неизбежен, причем президент Российской Федерации выступил в этом случае даже не вдохновителем, но лишь инструментом гонений. Прежде всего, дело ЮКОСа стало свидетельством слабости российской власти и ее неуверенности в своих силах. Достигнув определенного уровня консолидации, «расширяющаяся империя Ходорковского начала претендовать на руководство социальной жизнью и из-за этого превратилась в прямую угрозу режиму Путина как блюстителю российской государственности» (р. 111). В условиях слабости демократических институтов, несовершенства судебной системы и отсутствия гражданского общества сложившаяся в Кремле группа руководящих лиц — Саква иронично именуется советским термином «политбюро» — в составе Владимира Устинова, Николая Патрушева, Игоря Сечина и Виктора Иванова убедила главу государства в необходимости «хирургического вмешательства» (р. 176). (Кстати, нынешнего президента Дмитрия Медведева автор зачисляет в ряды тех, кто выступал против силового решения.) Неоднократные заявления Ходорковского о намерении продать от 25 до 40 процентов акций его компании иностранцам, а также настойчивое желание построить первый в России частный трубопровод, поставляющий нефть в Китай были использованы в качестве сильнейшего аргумента в предваряющих атаку дебатах. Впрочем, по утверждению автора, более всего Путина пугала вовсе не перспектива превращения ЮКОСа в самостоятельного внешнеполитического игрока с собственными интересами, далеко не во всем совпадающими с устремлениями государства. Наибольшее раздражение президента вызывало несанкционированное Кремлем финансирование Ходорковскими оппозиционных партий и провозглашение им курса на парламентскую республику. Путину, как и его «политбюро», это не могло не казаться покушением на личную власть, и потому было нетерпимо.

«Защита парламентской республики, несомненно, стала ключевым фактором, побудившим Путина разрешить атаку на ЮКОС», — полагает британский исследователь (р. 120).

В целом, по мнению автора, претензии и обиды, предъявляемые государственной властью одному из самых ярких российских олигархов, вполне можно было понять. Гораздо сложнее рационально оценить те события, которые последовали за разгромом ЮКОСа. Как полагает Саква, по мере того как шестеренки репрессивной машины набирали обороты, у инициаторов акции просыпался аппетит; именно тогда и было решено покончить с «лидером отрасли» целиком и полностью, а его активы растащить на куски и раздать верным людям. Это, впрочем, из числа тех наблюдений за людской порочностью, которые не добавляют ничего нового к нашему знанию о мире. Более интересен тот эффект, который ликвидация ЮКОСа повлекла для всей российской государственности. По-видимому, ее последствия даже превосходили ожидания гонителей. Точнее говоря, тот факт, что «дело ЮКОСа вынесло на поверхность глубинные слои имманентной русофобии, присущей определенным сегментам западной политической элиты», можно отнести к разряду вполне ожидаемых итогов (р. 314). Но, скажем, то, что процесс повлечет за собой столь обширное огосударствление экономики, накануне разгрома трудно было представить. Саква напоминает, что когда Путин пришел к власти, 92 процента добычи российской нефти находились в частных руках. Между тем к 2008 году доля государственного сектора в нефтяной промышленности составляла уже 42 процента — и процесс далек от завершения (р. 334–335).

Однако укрепление государственного сектора и торжество чиновничества не повлекли за собой оздоровления страны. Напротив, «атака на ЮКОС и способы, с помощью которых она была реализована, оказались сигналом, сообщившим бюрократии о том, что административная власть превыше власти любого права и что ее можно использовать, не опасаясь последствий» (р. 348). В конечном счете в политическом смысле дело ЮКОСА отбросило Россию далеко назад: в пылу борьбы с неугодной компанией были растоптаны едва пробившиеся в 1990-е годы неокрепшие ростки верховенства права, парламентаризма, гражданского участия. «Дело ЮКОСа раскрыло опасности коммерциализации политики, но его итогом стала дальнейшая политизация экономики, — пишет Саква. — На смену произволу олигархов теперь пришел иной, гораздо более привычный произвол: избирательное и деспотичное применение государственной власти» (р. 381–382). Лично мне к этому вердикту нечего добавить. За исключением, пожалуй, того, что Ходорковский вышел из этой истории более свободным, чем Путин: оказавшись в тюрьме, он парадоксальным образом *освободился*, в то время как его антагонист, напротив, сделался еще большим заложником тех сил, которые ему пришлось отвязать ради уничтожения ЮКОСа.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Местное самоуправление в России и Германии: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 3 апреля 2010). — *Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2010.* — 175 с.

Реформирование местного самоуправления в России внимательно изучается российскими и зарубежными экспертами. Конференция, организованная весной нынешнего года Северо-Кавказской академией государственной службы и немецким Фондом им. Фридриха Эберта, позволила подвести некоторые итоги идущей реформы, а также обобщить оценки и мнения представителей научного сообщества и практикующих управленцев муниципального и регионального уровней.

Институциональное совершенствование местного самоуправления на современном этапе вполне справедливо связывается авторами с действием Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», последствия введения которого оказались многогранными и неоднозначными. Среди прочего, они проявились в заметном увеличении количества муниципалитетов в целом и сельских муниципалитетов в частности, возросшей численности муниципальных служащих и наращивании расходов на

их содержание, переходе от модели прямого избрания главы администрации к модели сити-менеджера. Кроме того, преобразования обнаружили парадоксальную тенденцию финансового дефицита у муниципальных образований на фоне роста муниципальных бюджетов и сокращения объема полномочий муниципалитетов (с. 53–54).

Интересны разделы сборника, рассматривающие проблемы местной власти в России в зеркале социологии. Исследования показывают, что многие нынешние трудности связаны с непониманием гражданами сущности и функций местного самоуправления. Так 45,1% респондентов воспринимают местное самоуправление как официальную государственную власть на низовом уровне, а еще 21,8% видят в нем систему, подчиняющуюся должностным лицам местного самоуправления. И только 21,7% респондентов определяют местное самоуправление как форму самоорганизации граждан (с. 24–25).

В некоторых статьях сборника институциональный взгляд на местное самоуправление сочетается с оценкой этого института в качестве важнейшего фактора, формирующего гражданское общество. Учитывая сложный характер гражданского общества и многообразие существующих в его рамках форм участия, такой подход видит в местном самоуправлении свя-

зующее звено между государством и населением. А это, в свою очередь, позволяет по-новому интерпретировать задачи для органов местного самоуправления. В частности, по мнению ряда авторов, оно должно одновременно участвовать в укреплении государственности и в развитии демократических институтов (с. 159–160). Но здесь, на мой взгляд, таится важное противоречие. Ведь местное самоуправление в таком случае понимается шире, чем автономная форма самоорганизации граждан, ориентированная на решение значимых для муниципального поселения вопросов. Согласно Конституции, местное самоуправление в пределах отведенных ему полномочий самостоятельно, и на это не раз указывали специалисты, принадлежащие к научному сообществу. Но управленцы-практики, напротив, видят местное самоуправление встроенным во властную вертикаль, что на деле стирает его конституционную автономию. Более того, местное самоуправление зачастую не рассматривается ими как самостоятельная ценность; его значение ограничивается решением узких задач с опорой на социальные ресурсы жителей конкретного муниципального образования. Но если жителям для решения общих проблем нужно уметь договариваться, объединяться и идти на компромиссы, то привлечение гражданских навыков просто неизбежно — несмотря на наличие вертикали. В материалах сборника представлены интересные сопоставления функционирования местного самоуправления в Германии и России. Например, в обеих странах муниципалитеты наделяются только той собственностью, которая необходима для решения стоящих перед ними задач. Однако если у нас на этот счет есть подробный перечень, то

в Германии он не устанавливается: там применяется более гибкая формулировка, согласно которой имущество муниципалитета может использоваться только для целей, позволяющих решать вопросы местного значения (с. 342). Важным отличием правового положения является и то, что в России местное самоуправление рассматривается как вид публичной, а не государственной власти, хотя на практике и в общественном сознании его воспринимают именно как составляющую государства. В Германии же местное самоуправление заведомо считается разновидностью государственного управления, осуществляемого организационно обособленными звеньями. Далее, в России, в отличие от Германии, структура местных органов определяется населением самостоятельно, но если у немцев вопросы правовой регламентации решаются на уровне земель, то у нас это предмет совместного ведения Федерации и субъектов (с. 345). Материалы сборника в целом показывают, что местное самоуправление в России пока еще далеко от совершенства; речь идет лишь о формировании данного института. Причем в ходе внимательного знакомства с публикациями авторов сборника, представляющих различные регионы России, видно, что внедрение демократических практик и навыков не может быть успешным, когда в одних аспектах предоставляются возможности для самостоятельной реализации демократических свобод, а в других сохраняются авторитарные тенденции и методы. Местное самоуправление станет эффективным, только если оно реализуется во всем комплексе свобод — гражданских, политических, экономических.

Максим Васков
г. Ростов-на-Дону

Контрапункт

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

История России. XX век: 1894–1939. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 1023 с.; История России. XX век: 1939–2007. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 829 с.

Вплоть до последних лет коммунистической власти в советских школьных и вузовских учебниках, книгах и журналах, документальных и художественных фильмах продолжала доминировать и воспроизводиться схема отечественной истории, созданная под руководством и лично И. Сталиным, опубликованная и растиражированная во многих миллионах экземпляров в виде «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938 г.). Вся мировая и отечественная история представлялась в этом каноническом тексте сталинизма как непрерывное и «объективное» движение к «исторической победе» большевиков в Октябрьской революции 1917 года, а затем к «построению социализма в отдельно взятой стране» во главе с «вождем всех времен и народов» И.В. Сталиным. Эта фальсифицированная версия русской истории и стала главной советской книгой по истории. Разоблачение «культы личности» Сталина Хрущевым в 1956 г. не сильно поколебало прочность сталинской исторической схемы, созданной советским вождем в интересах укрепления своей личной диктатуры и с целью стереть народную память о реальных событиях русской истории и русской революции.

На протяжении всей истории СССР важнейшие разделы архивов оставались засекреченными, закрытыми для историков, а сами они не имели свободы научного творчества, подвергаясь цензуре не менее свирепой, чем советские СМИ или советский кинематограф. Строгому запрету были подвергнуты труды историков-эмигрантов и иностранных ученых.

Только с приходом эпохи гласности Михаила Горбачева, и, в частности, благодаря личным усилиям Александра Яковлева по восстановлению исторической правды, у российских историков, впервые

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

за многие десятилетия, появилась возможность попасть в открываемые архивы, работать и писать свободно. За последующие 20 лет была проделана огромная исследовательская работа, ликвидированы основные «белые пятна» отечественной истории, разрушены прежние идеологические табу. Постперестроечные достижения российских и иностранных историков невозможно перечеркнуть никакими попытками новой реабилитации Сталина или «борьбой с фальсификациями истории» (то есть, зачастую, с самой исторической правдой).

Разнообразной мозаикой достижений современной российской и зарубежной исторической науки не хватало одного — хороших обобщений. Конечно, отдельные обобщающие работы по советской истории выходили и продолжают выходить (например, отмеченная престижными премиями книга американской журналистки и историка Энн Эпплбаум «ГУЛАГ: паутина Большого террора»*), но очень не хватало цельных и фундаментальных работ, сводящих воедино в рамках историко-философской концепции современные знания по истории России XX века. Острый дефицит синтеза накопленных наукой новых знаний и подходов наглядно отражался во многих школьных учебниках 1990—2000-х годов — в них эклектично соединялись привычные штампы сталинского «краткого курса» с новым разоблачающим материалом о преступлениях сталинизма. Вместо объективной и непротиворечивой картины прошлого зачастую получалась каша из взаимоисключающих подходов и фальсифицированных фактов. В последнее время, по мере ползучей реабилитации советского режима, появились новые школьные учебники, по сути возрождающие схемы сталинского «краткого курса».

Двухтомный труд «История России. XX век», написанный коллективом авторов из более чем 40 историков, философов, правоведов под общей редакцией профессора МГИМО (У) А.Б. Зубова, является одной из первых и при этом очень удачной попыткой создать всеобъемлющий труд по истории России двадцатого века.

Двумя главными заслугами авторов и одновременно основными достоинствами этого почти 2000-страничного научно-публицистического труда как раз и является, во-первых, ценностный и содержательный разрыв с традицией сталинского «Краткого курса» и, во-вторых, стремление максимально учесть новейшие достижения российской и зарубежной исторической науки.

На обложках обоих томов «Истории» помещены коллажи из фотографий наших соотечественников, а не привычный вид кремлевских башен и Красной площади с ленинским Мавзолеем. Это не случайность — символам государства и символам власти авторы сознательно

* См.: Эпплбаум Э. *ГУЛАГ: паутина Большого террора*. — М.: Московская школа политических исследований, 2006. — 608 с.

противопоставили лица и судьбы людей, ставя своей главной задачей *«рассказать правду о жизни и путях народов России»*. Девиз авторского коллектива — «писать правду, и только правду» — исключает любые табу и фигуры умолчания. Российская история XX столетия была трагической историей, и книга в полной мере раскрывает эту трагедию, с документами и свидетельствами, на строго научной основе.

Решительно разрывая как со сталинской традицией объяснять историю с позиций классовой борьбы, интересов «диктатуры пролетариата», оправдывающих любые жертвы и преступления, так и с дореволюционной традицией писать историю как историю государства и с позиций государства, А. Зубов и его

соавторы во главу угла ставят принцип нравственный: *«Добро и зло не должны быть безоценочно перемешаны в историческом повествовании»* (Том 1, с. 5). Высшей ценностью является не земля, не государство, а человек, живая личность. И история России, рассмотренная под таким, нравственным, углом зрения, приобретает совершенно другой вид, другое измерение, другое нравственное наполнение.

История России XX века предстает не как триумф сталинского «социализма» и поражение исторических неудачников из Белого движения и русской эмиграции, а как трагическое проживание двух глубоких расколов, возникших после 1917 г., между двумя Россиями — внутренней и зарубежной, а также между поработенным народом и жестокой и преступной властью внутри страны.

Отсюда впервые в двухтомнике появились две новые и принципиально важные для понимания русской истории прошлого столетия сюжетные линии: история русской эмиграции с 1917 года и история антибольшевистского (антирежимного) сопротивления в СССР. Те, кто в сталинской схеме были объявлены «белобандитами», «контрреволюционерами», «кулаками, вредителями, предателями, шпионами и диверсантами», на деле были частью российского народа, очень часто — лучшей и достойной его частью.

Так, о Гражданской войне рассказывается как о «войне за Россию» между большевистской диктатурой, объявившей своими главными целями мировую революцию и борьбу с Богом, и Белым движением, выступавшим за восстановление законности и порядка. Подробно рассказывается о «красном терроре» и массовом голоде первых лет советской власти, вызванном насильственными реквизициями продовольствия и запретом торговли. Показана трагическая история Русской православной церкви и других конфессий при Советской власти, описана катастрофа, постигшая российское казачество.

Начав подробный рассказ с 1894 г., года восхождения на престол последнего русского царя и доведя изложение до наших дней (2007 г.), авторы подробно и систематически излагают все основные события русской истории XX века, не упуская ничего важного. Много материала впервые

включено в единое историческое повествование и единый исторический контекст. Книга во многих отношениях новаторская, придающая истории новую глубину. Рассказывается не только о военных и политических событиях, но и о состоянии социальных классов и сословий, о развитии экономики и культуры, динамике общественных настроений.

Подробно рассказана история последнего царствования, отмеченного выдающимися достижениями России и трагически оборвавшегося мировой войной и революцией. Без всяких изъятий и умолчаний описано становление и укрепление коммунистического режима, создание репрессивного аппарата ВЧК — ОГПУ, системы тюрем и лагерей, уничтожение класса крестьян — собственников, организация нескольких волн массового голода и системы ГУЛАГа. Одновременно подробно излагается жизнь и идейные искания русской эмиграции, судьба бывших частей Российской империи (Польши, Финляндии, прибалтийских государств). Рассказана вся правда о сталинском режиме, его политической природе и его преступлениях — от кровавых репрессий против православной церкви и старой интеллигенции до Большого террора второй половины 30-х годов и создания системы рабского труда, в которую была загнана большая часть населения СССР, правда о коллективизации и правда о Катыни.

Без обиняков раскрыта история последних предвоенных лет — сделка Гитлера и Сталина 1939 г., нападение на Финляндию и аннексия прибалтийских республик. Сама война показана не как привычная для нас «война Советского Союза и его многонационального народа против немецко-фашистских захватчиков», а как *«советско-нацистская война 1941–1945 гг. и Россия»*. Раскрыты наступательные предвоенные планы сталинского руководства и катастрофа 1941 г. — на фоне огромного изначального превосходства СССР в военной технике и живой силе. Дана оценка страшных потерь, понесенных нашим народом в войне и во многом обусловленных жестокой политикой и трагическими просчетами сталинского режима. Половина всех призванных в армию не вернулась тогда домой (17 миллионов человек — в 4,3 раза больше, чем потеряли немцы), потери среди гражданского населения составили еще около 10 млн. человек.

История послесталинской России (1953–1991 гг.) рассказана как история деградации коммунистического тоталитаризма, завершившаяся крахом и распадом СССР. Подробно воссоздана история новой России в годы президентства Бориса Ельцина и Владимира Путина — во всей ее сложности и противоречивости.

После выхода «Истории» на нее посыпались упреки и нападки. Стали искать отдельные фактические неточности, опровергать те или иные версии и интерпретации. Сталинисты возненавидели книгу за антитоталитарную, последовательно гуманистическую позицию, за честный рассказ о страшных преступлениях против народа, совершенных коммунистическим режимом. Части либеральных критиков не понравилась христианская и православная позиция самого ответственного редактора и ряда авторов, в чем усматривается (на мой взгляд, совершенно несправедливо)

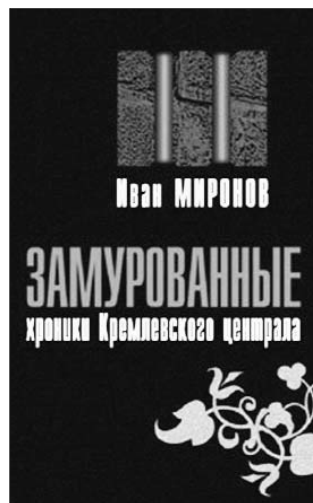
некая клерикализация истории. В противоположность критикам, на мой взгляд, труд А. Зубова и его коллег заслуживает самой высокой оценки. Отдельные недочеты легко выправить при последующих переизданиях, а нравственная, ценностная и методологическая основа книги, добросовестный научный подход авторов многократно перекрывают те несущественные недостатки, которых и не могло не быть, учитывая объем, новаторский характер и быстроту подготовки книги к изданию.

Будущее России, по справедливому замечанию А. Зубова, невозможно без нашего знания правды о прошлом нашего народа — пусть даже страшном и мучительном, ведь *«если потомки не будут сопереживать своим предкам, то муки предков окажутся напрасными»*. Для прогресса и процветания России необходимо единство народа, его социальная и духовная солидарность, осознание бесценности каждого человека, каждой личности, каждой судьбы. Работа, проделанная авторами «Истории», дает нам историческую и духовно-нравственную основу для такого осознания и такой солидарности. Следующим шагом должно стать создание школьных и вузовских учебников — правдивую и гуманистическую русскую историю надо преподавать во всех школах и высших учебных заведениях страны. Только так мы выйдем из мира насилия и пренебрежения человеком в мир свободы, права и ценности каждого человека.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА

Иван Миронов. Замурованные: хроники Кремлевского центра. — М.: Вагриус, 2009. — 416 с.

То, что сталинская система насилия в нашей стране не демонтирована и продолжает систематически захватывать, мучить и калечить людей наглядно иллюстрирует другая книга «Замурованные: хроники Кремлевского центра» Ивана Миронова. Автор — 29-летний скандально известный политик и историк, сын бывшего ельцинского министра, один из идеологов современного русского национализма. Сегодня он обвиняется, среди прочего, в участии в покушении на жизнь Анатолия Чубайса в марте 2005 г. — дело тянется без особых результатов уже более 5 лет. 11 декабря 2006 года Миронов был арестован в Москве, в один день с отцом, и помещен в один из самых закрытых, со строгим режимом, изоляторов страны — федеральную тюрьму номер один (ИЗ-99/1), в которой провел (до решения суда, которого до сих пор нет) два года. Все эти месяцы, проведенные в заключении, он записывал свои впечатления, разговоры с сокамерниками, среди которых оказалось немало известных всей России людей. Выйдя на свободу под поручительство группы депутатов Госдумы, И. Миронов подробно описал нравы, царящие в российской пенитенциарной, милицейской и судебной системе, используемые там приемы следствия, тотальная продажность и коррупцию.

Особую ценность книге придает ее абсолютная достоверность — все персонажи подлинные, все события описаны документально. Автор отлично владеет языком, книга написана ярко и образно, с множеством острых наблюдений и обобщений. Она органично вписывается в классическую русскую литературную традицию «тюремных романов», начиная с «Записок из Мертвого дома» Достоевского, описавшего свое четырехлетнее пребывание на каторге.

При чтении «Замурованных» невольно возникает еще одна параллель — с рассказами В. Шаламова и с воспоминаниями других выживших узников ГУЛАГа, в которых описывается советский тюремный режим, нравы и жаргон уголовников, способы пыток и провокаций, применяемых следователями и тюремщиками. Так вот, все это в практически неизменном виде существует и сегодня.

Иван Миронов детально, страница за страницей, описывает унижительные, нечеловеческие условия и издевательства, с которыми сталкивается каждый, попадающий в руки ФСБ, милиции и ФСИНа. Немотивированное избиение при задержании. Регулярный отказ от необходимой медицинской помощи (недавно таким образом в СИЗО был фактически убит юрист «Эрмитаж капитала» Сергей Магницкий). Отсутствие солнечного света, свежего воздуха, нормальной температуры. «Тропики. В хате (камере) стопроцентная влажность, невозможно дышать. Табачный дым накаляется, тяжелым паром наполняет легкие. Пот заливает глаза, горькой солью омывает губы. Полотенце не может высохнуть вторые сутки.... Мыться бесполезно, стираться нельзя. По полопавшейся черно-желтой штукатурке ползут опарыши, время от времени срываясь на головы. По первости непривычно мерзко, потом привыкаешь».

Осведомители — провокаторы из числа заключенных. Психологические пытки — например, задержка писем от самых близких людей. Несъедобная тюремная еда. Единственный источник нормальной пищи — передачи родных и близких и покупки в тюремном ларьке — разумеется, втридорога (один из множества бизнесов тюремного начальства).

Подмешивание психотропных аппаратов («сыворotka правды») в чай, чтобы «развязать язык» в разговоре со специально подсаженным доносчиком. Перевозка в суд и на следственные действия в глухих «стаканах», вмонтированных в тюремные «автозаки». Такие же «стаканы» в подвалах Басманного суда столицы и Мосгорсуда. Помещение в камеры с матерыми уголовниками — убийцами, с их исковерканной психикой и агрессией.

Равнодушные и циничные судьи, буднично штампующие, по просьбе следователей, очередные продления содержания в неволе (в России многие тысячи не осужденных, то есть юридически невиновных людей, сидят в тюрьмах годами) и обвинительные приговоры. Роскошно одетые, благоухающие дорогим парфюмом прокуроры («Из пиджачных рукавов то и дело выныривали золотые запонки на белоснежных манжетах сорочки. На правой руке подполковника болтался «Турбийон», нескромно отливая сапфировыми бликами»). Продажные

менты и тюремщики, готовые за наличные на все что угодно — от предоставления возможности позвонить родным до заноса в камеру наркотиков. До автоматизма отработанная система заработка на заключенных — за все надо платить, и платить большие деньги.

За постсоветские годы произошла удивительная и омерзительная метаморфоза — к сталинским методам арестов, фабрикации дел по сфальсифицированным доказательствам и доносам уголовников, нечеловеческим условиям содержания в местах заключения добавились всепроникающие коммерциализация, коррупция, вымогательство денег и бизнес-активов, в чем принимают участие прокуроры, следователи, адвокаты, милиционеры, охранники, врачи — все категории работников правоохранительной системы и системы исполнения наказаний.

Иван Миронов рассказывает множество конкретных историй своих сокамерников, среди которых оказались такие известные сидельцы, как глава внутренней экономической безопасности ЮКОСа Алексей Пичугин, заказчик убийства первого зампреда Центрального банка Алексей Френкель и его поделники, главный питерский «авторитет» Владимир Барсуков (Кумарин), экстрасенс Григорий Грабовой, бывший владелец мебельных комплексов «Три кита» и «Гранд» Сергей Зуев и многие другие. По его рассказам очевидны топорные методы следствия, провокационный и сфальсифицированный характер материалов дел, увод в сторону от влиятельных лиц, замешанных в тех или иных уголовных историях.

Сталинская карательная машина по-прежнему на ходу. Слава богу, ее жернова уже не перемалывают миллионы ни в чем не повинных людей, но тысячи и десятки тысяч продолжают ежегодно попадать в ее жернова. Одно из излюбленных «лакомств» карательного Молоха наших дней — предприниматели. Органы давно отладили бесперебойно работающую систему фабрикации обвинений в «экономических преступлениях», арестов деловых людей и после этого — вымогательства у них денег или отъема за бесценок их бизнесов и собственности. По оценкам экономиста Сергея Алексашенко, сегодня в тюрьмах и колониях содержатся до 300 тысяч «экономических». Если бы они вышли на свободу и могли спокойно работать, создавать рабочие места, производить товары и услуги — одна только эта мера привела бы к росту ВВП страны на 7%.

Присяжные разберутся, виноват ли Иван Миронов во вменяемом ему следствием преступлении. Но его честная книга — важное свидетельство нашего времени, того, что XX век, глубоко исследованный в «Истории» коллектива А. Б. Зубова, — продолжается. Мы все еще живем в сталинской России, под пятой созданного им неправового, репрессивного государства, в котором власть рассматривает граждан как бесправных «винтиков», расходный материал для личного обогащения «элиты» и утоления ею своих властных амбиций. До тех пор пока российское общество не разберется со своим прошлым, с природой и причинами систематического государственного насилия и произвола, исчезающего бесправия и страдания российских граждан, каждый из нас будет оставаться в стенах огромного, в масштабах страны, кремлевского центра.

*Саяна Шагжина,
руководитель службы
управления персоналом
ЗАО «ЭЖ Медиа» (Москва),
выпускница Школы 2009 г.*

Американцы

В апреле этого года мне посчастливилось вместе с другими выпускниками Школы участвовать в программе «Открытый мир» в Соединенных Штатах Америки. Поездка оставила неизгладимое впечатление, и когда меня спрашивают, какое наиболее сильное впечатление от Америки, ответ мой краток: «Люди». Американцы довольно непосредственно общаются друг с другом независимо от своей культурной принадлежности. По сравнению с россиянами, у них более громкая речь, выразительнее жесты, мимика. Они более уверены в себе. Если один американец спрашивает другого, как у него дела, он ответит: «Хорошо», потому что, возможно, так оно и есть. В связи с этим в обществе принята принципиально другая норма общения. Улыбка — не знак большой радости и счастья, а знак готовности и открытости к общению, и не более того. Общительность, умение взаимодействовать в обществе высоко ценятся в американском мире. Любые сложные ситуации нужно разрешать с улыбкой на лице. Порой очень сложно добиться конкретного мнения о чем-либо, ведь поощряется толерантность.

Американское общество и разнообразно и стабильно одновременно. Стабильность выражается в постоянном доходе населения, его обеспеченности, социальные слои очень устойчивы, это особенно видно по тому, как люди живут по районам соответственно доходу. Деление довольно жесткое, чтобы перейти из одной «касты» в другую, надо приложить немало усилий. Говоря о разнообразии американского общества, можно сравнить его с лоскутным одеялом, где каждый кусочек маленького рисунка неповторим, он не нарушает, а, наоборот, дополняет общую цветовую гамму. Здесь можно увидеть все разнообразие большого мира. Сочетание несочетаемого. Неважно, откуда человек родом, что имеет, что знает, он найдет в этой стране что-нибудь интерес-

ное и понятное для себя. При этом швы у этого лоскутного одеяла очень крепкие, и разорвать его почти невозможно.

Американцы обладают своеобразным чувством юмора. Их юмор характерен не примитивными «туалетными» шуточками, а непосредственностью, доступностью и легкостью. Об этом свидетельствует, например, надпись на сувенирной кружке, где с одной стороны нарисовано приглашение на ужин в Белый дом, а с

другой — «Разбомбим эту вечеринку вдребезги!». В Музее мадам Тюссо есть стенд с кнопкой, над которой светится надпись «А ты можешь нажать на кнопку, чтобы начать третью мировую войну?».

Американцы — прагматичные люди. Мозг работает по формуле «мысль = действие». Здесь нет места чистой теории и созерцанию. Истинно то, что наглядно, то, что приносит успех. Для того чтобы понять, нужно что-то сделать, ибо понятия базируются на опыте. Очень наглядно это можно увидеть во всех американских музеях (к слову добавлю, что все государственные музеи в США бесплатные). В музее вы найдете применение всем частям своего тела. В первую очередь, конечно, глазам. Все очень красочно, есть интересные дизайнерские новинки, новые формы. Ваши руки будут задействованы в каком-нибудь интересном механизме, например после просмотра модели велосипеда вам будет предложено попробовать его нарисовать. Всем телом вы можете расположиться в кресле президента США в Музее мадам Тюссо в Вашингтоне. Также в этом музее вы можете проверить свои знания американской исто-

рии на специальном стенде. Можно посмотреть стенд с объявлением по найму президента США, где вместо фотографии самого президента в зеркале будет отражаться ваше лицо. Очень оригинально и греет самолюбие. Благодаря своему прагматизму амери-

*Американцы – прагматичные люди.
Здесь нет места чистой теории
и созерцанию. Истинно то, что наглядно,
то, что приносит успех.*

канцы оказались впереди планеты всей по технологиям, know-how, методам ведения бизнеса. Эти методы в нормальном режиме без особых усилий применяются в обычной жизни. Если есть желание узнать, как нужно создавать из большой толпы людей организованную очередь, то нужно посетить Капитолий или какой-либо популярный музей. Можно наглядно увидеть организацию библиотек в университете, систему общественного питания. Благодаря живости и активности людей новые идеи падают на плодородную почву и очень скоро дают результаты. В самом обычном магазине можно увидеть товары с оригинальным дизайном, новыми формами и красками. Большой интерес вызывают методы ведения бизнеса, например повышения интерактивности аудитории телевизионных компаний. Огромный интерес вызывают проекты на государственном уровне, например по созданию бизнес-инкубаторов или некоммерческая организация «Teach for America», занимающаяся решением проблем образования в малоимущих социальных слоях населения.

Прагматичность американцев особым образом проявляется по отношению к

другим странам. Если есть необходимость во взаимодействии, то это будет реализовано. А если не реализовано, значит, в этом нет необходимости (видимо, поэтому, будучи гражданами сверхдержавы, большинство американцев не очень интересуется тем, что происходит за пределами страны). Приведу несколько примеров. В Америке непривычно выглядит карта мира: в самом центре располагаются США, Евразия разделена на 2 части, слева Восточная часть, справа Европейская. В музее сердца страны — Капитолии — экскурсии проводятся только на английском языке. Люди, не знающие этот язык, «остаются за бортом». Особенно врезался в память слайд, продемонстрированный на одной встрече в Университете Миссури, где был наглядно показан ВВП американских штатов, который сравнивается с ВВП иностранных государств (для информации: по уровню ВВП США занимает первое место в мире). ВВП России был показан на уровне ВВП штата Нью-Джерси. Интерес здесь вызывает не точность цифр, а форма их демонстрации.

Большой интерес вызывает активное отношение американцев к власти, опять же по формуле «понять = сделать». Если хочешь лучше понять нового президента Барака Обаму, купи игру, где можно на его магнитную кукольную фигурку наложить различные костюмы: супермена, зеленого гнома и др. Для фанатов Белого дома есть пазл-игра, где можно собрать Белый дом в трехмерном пространстве. Формулу «понять, сделать» можно применить и на уличных демонстрациях. Также можно найти самовыражение в родном районе, например через волонтерство, которое в США довольно популярно. Во время посещения благотворительного фонда

«United Way» нам была наглядно показана сила волонтерства, так как это основной ресурс, за счет чего существует эта организация. Иметь положительную поддержку общества принципиально важно для каждого американца. Американцам нравится нравиться другим людям.

Власть в свою очередь такое активное отношение граждан ценит, поддерживает и много внимания уделяет взаимодействию с обществом. В судебных органах есть информационные центры, где каждый посетитель может лучше узнать о судебной системе США и даже оставить свое личное мнение на специальном стенде. Считается хорошим тоном, если политик, государственный чиновник высокого уровня доступен для общения с рядовыми гражданами. На встрече с членами российской делегации глава администрации округа Сент-Луис (штат Миссури) Чарли Дули пожал руку каждому присутствующему, а тем, кто пожелал воды, он кидал бутылки с водой прямо в руки. Беседа была живой и интересной. Такие понятия, как демократия, федерализм, гражданское общество, использовались довольно редко, в основном обсуждались конкретные вопросы о механизме власти на местном уровне, о распределении бюджета, о налогах. С небольшими вариациями такая же политика открытости была продемонстрирована представителями власти как в органах местного самоуправления, так и в госорганах в Вашингтоне. Сила государственной системы восхищает: все очень хорошо регламентировано, каждый госслужащий знает, за что он отвечает. Если закон существует, то он подлежит исполнению. Вопросы о взятках вызывают как минимум недоумение. Возможно, именно благодаря силе,

Библиотека конгресса США в Вашингтоне

уверенности, государственная власть может позволить открытость по отношению к внешнему миру, а по отношению к собственным гражданам — свободу выбора и внутреннюю независимость. Это удивительно успешное сочетание личного и общественного интереса.

Погружение в американскую действительность подобно переходу в другое измерение. Здесь пространство жизни измеряется другими категориями: американскую и российскую ментальность не измерить на обычных весах, чтобы сравнить, где чего больше или меньше (хотя есть такое понятие, как «средний уровень жизни», где можно провести некую параллель. В российских понятиях показателем среднего уровня жизни является 2-комнатная квартира, в аме-

риканских — 2-этажный дом), — они просто разные. Но несмотря на столь огромные отличия у нас есть точки соприкосновения. Чему можно и нужно учиться у американцев, так это тому, как люди создают нормальные условия жизни, а именно стабильность дохода, безопасность. Безусловно, изменить систему вряд ли возможно, но применить американские технологии, методы ведения бизнеса, know-how в российских реалиях вполне возможно. В настоящее время незаметно, медленно, но верно складываются совершенно новые механизмы взаимоотношений между странами. Мир очень мал, временной поток ускоряется, и только от нас зависит, сможем ли мы понять и применить новые возможности, которые могут дать нам другие люди.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Historical Politics	
<i>Arsenii Roginskii, Maxim Trudolyubov</i>	8
Discussion	15
Notes from the Seminar	
<i>Constantin Baranovskii</i>	24
Theme of the Issue	
Innovation Economy in Russia — What Is to Be Done?	
<i>Anatolii Chubais</i>	27
Challenges and Threats	
Europe after Crisis	
<i>Alberto Carnero</i>	43
Civil Society	
Seeking a Common Language	
<i>Alexei Shmelev</i>	49
Russia and the European Union	
Does Europe Have a Place in the Russian Foreign Policy?	
<i>Thomas Gomart</i>	58
Values and Interests	
Cultural Revolution	
<i>Maxim Trudolyubov</i>	65
Political Economy of the Russian Capitalism	
A Regime of Soft Legal Restrictions: Nature and Consequences	
<i>Kirill Rogov</i>	73
Regional and Municipal Life	
A Cultural Chaos	
<i>Tatiana Shevtsova</i>	84
New Practices and Institutions	
“Intelligent Politics”: Young People in the Russian Association for Political Science	
<i>Natalia Iost</i>	89
Interview	
A Millennium of Frustrated Hopes (To the Millenary of Yaroslavl)	
<i>Anastasia Kornikova</i>	
<i>Pavel Isaev</i>	94

Announcement

Spirit of Enlightenment <i>Tzvetan Todorov</i>	99
---	----

Books

Khodorkovskii, Putin and the Affair <i>Yukos</i> <i>Andrei Zakharov</i>	108
--	-----

Regional Book Review

<i>Maxim Vas'kov</i>	111
----------------------------	-----

Counterpoint

<i>Vladimir Ryzhkov</i>	113
-------------------------------	-----

Nota bene

The Americans <i>Sayana Shagzhina</i>	120
--	-----

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

СЕМИНАР

(Голицыно, 18–24 июля 2010 г.)

Наши авторы:

Людмила Алексеева

Андрей Захаров

Гуннар Веттерберг

Росс Волкер

Борис Дубин

Кристофер Коукер

Елена Лукьянова

Алексей Малащенко

Игорь Минтусов

Елена Панфилова

Николай Петров

Владимир Рыжков

Александр Согомонов

Дмитрий Тренин

Максим Трудолобов

Михаил Федотов

Квитанция	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа)</p> <p>ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал “Общая тетрадь” (4 выпуска 2010 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	
Извещение	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа)</p> <p>ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал “Общая тетрадь” (4 выпуска 2010 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)699-01-73 или по эл. почте msps@msps.su
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)699-01-73.

Подписано в печать 6.09.2010.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

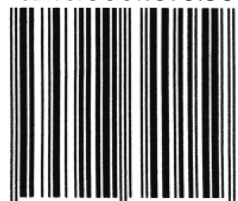
Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-015-9

9 785917 340159